

Дон Пендстон

СМЕРТЬ МАФИИ!
БОЕВАЯ МАСКА **ПАНЧ**

Дон Пендлтон

Смерть мафии!

Серия «Палач», книга 1

Оригинал: DonPendleton, "War Against the Mafia"

Аннотация

Сержанта армии США, снайпера и оружейника Мака Болана во Вьетнаме однополчане окрестили Палачом. Узнав, что его семья стала жертвой мафии, он возвращается в Соединенные Штаты и в одиночку начинает войну против преступного синдиката "Коза Ностра". Мафии становится жарко в ее собственном доме...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	18
Глава 2	28
Глава 3	37
Глава 4	56
Глава 5	64
Глава 6	75
Глава 7	90
Глава 8	101
Глава 9	112
Глава 10	121
Глава 11	130
Глава 12	139
Глава 13	147
Глава 14	162
Глава 15	171
Глава 16	181
Глава 17	191
Глава 18	206
Глава 19	215
Глава 20	226
Глава 21	243

Дон Пендлтон

Смерть мафии!

"War Against Mafia" 1969

Пролог

Пять трупов лежали на асфальте примерно в двадцати метрах от парадного входа в здание фирмы "Триангл Индастриэл Файнэнс".

Полицейские, прибывшие на трех патрульных машинах спустя несколько минут после побоища, тщетно пытались разогнать толпу любопытных зевак. На углу улицы старик из журнального киоска, все еще находившийся под впечатлением случившегося, давал показания Алу Уотерби, детективу из центрального комиссариата Питтсфилда:

– Эти пятеро вышли из офиса. Рабочий день уже подходил к концу. Двое вроде бы о чем-то спорили. Один держал в руке небольшой кейс. Все они подошли к машине, припаркованной у самого офиса. Потом один из парней повернулся и направился к моему киоску. Вдруг он, резко остановившись, посмотрел на меня. Он был очень близко, и я увидел его широко раскрытые глаза – казалось, будто он чем-то странно удивлен. А потом у него из шеи хлынул фонтан крови. Это произошло еще до того, как я услышал первый выстрел. Стреляли откуда-то сверху, из того дома напротив. Громыкнуло так, что отозвалось эхо, похоже, с таким калибром неплохо охотиться на слонов

или носорогов. Все произошло очень быстро. Те парни застыли, словно пораженные громом, и не могли оторвать взгляд от своего приятеля, падавшего на асфальт. Один поднял руки, и как раз в этот момент у него разорвалась голова. Черт побери, куски полетели во все стороны. Вот, глядите: повсюду мозги разбрызганы... Тут-то и остальные ребята зашевелились: один рванул к машине, двое других побежали в сторону офиса. И тогда загрохотало так, словно петарды рвались на карнавале: бум, бум, бум. Всего бабахнуло пять раз. Я помню точно: было пять выстрелов с почти одинаковым, очень коротким интервалом: бум, бум, бум, бум, бум... И в результате пять трупов. Жуть! Страшная смерть. – Причем всех прикончили выстрелами в голову...

Десятью минутами позже детектив Уотерби сообщал репортеру уголовной хроники:

– Это обычное сведение счетов противоборствующих банд гангстеров. Мы уже давно знаем, что "Триангл Индастриал Файнэнс" тесно связана с мафией, но у нас не было достаточного количества неопровержимых фактов, чтобы предпринять какие-либо меры. Поскольку все произошло между ними, я хочу сказать, что здесь нет невинных жертв. Пусть они перестреляют друг друга хоть до последнего, я лично жаловаться не собираюсь. Да, речь идет о чистке. Возможно, пахнет гангстерской войной.

Полицейский ошибался. Действительно, началась война. Одного человека с целой преступной организацией – мафией!

* * *

Человека этого звали Мак Болан. И у него имелось предостаточно оснований ненавидеть мафию, собственно, как и средств, чтобы утолить свою ненависть.

Старший сержант Болан не являлся, однако, природным убийцей, как думали о нем его командиры и некоторые однополчане. Не был он и машиной смерти, как называли его партнеры из отделения снайперов, и уж никак не хладнокровным палачом, как описал его один репортер из левой газеты. Просто Мак умел держать себя в руках, и в нем удачно воплотились те качества, которые описали психиатры, отбиравшие кандидатов в снайперы: "Хороший снайпер должен убивать без эмоций, методично и обезличенно. Последнее особенно важно, так как трудно различить цвет глаз жертвы через линзы оптического прицела, когда ее лицо искажает страх и ужас смерти. Любой хороший солдат может выполнить такое задание один раз: на второй или третий его уже начинают преследовать кошмары, что неминуемо отражается на психике. Этим и отлича-

ется хороший солдат от снайпера".

Мак Болан, по всей вероятности, принадлежал ко второй категории. Великолепный оружейник, он одинаково эффективно владел всеми видами стрелкового оружия. Его официальный отчет по вьетнамской кампании выглядел очень внушительно: 32 высших офицера северо-вьетнамской армии, в том числе генерал Нгоан; 46 вьетконговских лидеров и 17 старост деревень, поддерживавших вьетконговцев.

Мак Болан в своем деле был профессионалом. В тридцатилетнем возрасте он уже имел 12-летний стаж службы и заканчивал свою вторую кампанию во Вьетнаме. Обзавестись семьей не хватало времени, и мать, американка польского происхождения, регулярно, по вторникам и пятницам, писала ему и дважды в месяц отправляла посылки с польскими сосисками, пирожными и всякой прочей сдобой. Ее письма всегда излучали тепло и давали надежду, часто мать вкладывала в конверты фотографии семнадцатилетней Кинди, очаровательной сестрички Мака, и Джонни, его младшего брата, которому только исполнилось четырнадцать. Сэм Болан, отец семейства, работал на сталелитейном заводе с шестнадцати лет. И Мак всегда думал, что отец так же надежен и крепок, как та сталь, которую он варил всю жизнь.

К концу весны, почти перед самым отпуском, Мак получил от миссис Болан письмо: "... теперь, когда кри-

зис уже позади, я должна сообщить тебе, сынок, что отец серьезно болен. В январе он перенес сердечный приступ, и врачу запретил ему работать. Мы прислушались к совету врача и кое-как выкрутились с помощью страховки.

Теперь отцу лучше, и он снова пошел на работу. Конечно, у нас накопились кое-какие долги, но мы смотрим на жизнь оптимистично. Кинди решила годик поработать перед поступлением в университет, и это очень взволновало отца. Он все еще не может простить себе, что так и не обеспечил твою учебу в университете. Но... теперь все идет хорошо, тебе не о чем беспокоиться. И еще, прошу тебя, сынок, не посылай нам денег, отец этого не переживет".

Двенадцатого августа того же года сержанта Болана вызвали к капеллану, и тот сообщил Маку о смерти отца, матери и сестры. Выжил только малыш Джонни, хотя находился пока в очень тяжелом состоянии. Капеллан добавил, что теперь его жизнь уже вне опасности.

Из рассказа священника Мак понял только то, что старый Болан словно взбесился и в припадке ярости, без всяких видимых причин застрелил жену, дочь и тяжело ранил сына, а потом пустил себе пулю в лоб.

Тут же оформив бессрочный отпуск, Мак прибыл в Штаты и бросился в госпиталь, где боролся со смертью его младший брат. И только спустя еще сорок восемь долгих часов наконец миновал кризис, и Джонни смог

поведать брату об истинных причинах трагедии.

Облизывая сохнувшие губы, Джонни медленно и очень тихо рассказал:

"Папа болел и какое-то время не работал. У него были долги, из-за которых он расстраивался, но больше всего его беспокоил контракт о займе, подписанный им годом раньше. Потом папа снова пошел на работу, но уже не на ту, что раньше: здоровье не позволяло. Получать он стал меньше, и это его очень волновало... из-за долгов, а тут еще к нему на работу заявили эти типы. Те, кому он был должен. Я слышал, как однажды он говорил маме, что эти кровопийцы не оставляют ему денег даже на то, чтобы прокормить семью. Он говорил еще, что когда-нибудь пошлет их к чертовой матери. А потом он пришел домой с вывихнутой рукой. Это сделали те подонки. Мама страшно переживала, она боялась, как бы с отцом не случилось удара. Она хотела вызвать полицию, но папа запретил ей. Он говорил, что это аукнется тогда на детях. Я как-то подслушал разговор Кинди с мамой, и они тоже говорили об этом. Потом несколько недель все было спокойно. Папа сказал маме, что типы оставили его в покое. Но у него нет никакого желания пойти к ним осведомиться о причине такого безразличия к нему. Я-то знал почему: Кинди ходила к тем типам, которым папа задолжал, и просила, чтобы они не трогали отца.

Они согласились, но с условием. Сначала она долж-

на была отдавать им свой еженедельный заработок — 35 долларов. Потом я узнал, что они еще заставляли ее делать. Мак, она работала на них... она ходила на панель. Правда... Я однажды пошел за ней, чтобы убедиться в этом. Мне казалось, что ее постоянно что-то мучает. Я не думал шпионить за ней, я только хотел понять, что случилось и отчего она так изменилась. В общем, я все узнал. Я следил за ней до самого мотеля и видел, как затем туда направился какой-то тип. Когда он ушел, я решил взломать дверь, но она не была даже закрыта на ключ. Кинди, голая, сидела на постели и редела. Она чуть не умерла от стыда, когда увидела меня, но потом пришла в себя и объяснила, что должна как можно быстрее вернуть деньги, иначе бандиты снова изобьют папу. Еще Кинди сказала, что ей дали только месяц, чтобы найти пятьсот долларов, и намекнули, как их можно заработать. Они все организовали и подослали к ней одного гада, какого-то Лео, чтобы он поговорил с ней. Лео брался поставлять ей клиентов. Он звонил и сообщал, где и когда. В тот день, когда я застукал ее, Кинди была со своим третьим клиентом. Тогда я сказал ей, чтобы она не смела больше заниматься такой гадостью, иначе, если папа узнает, ему будет очень плохо. Кинди ответила, что дело совсем не в том, заболит папа или нет, просто она должна исполнить свой долг. Я не смог ее убедить бросить это грязное дело и тогда совершил большую глупость: обо

всем рассказал отцу. Я знал, что он что-нибудь сделает и заставит ее покончить с этой мерзостью. О Боже! Мак, клянусь тебе, я даже не подозревал, что он так взбесится. Но случилось именно так. Он напомнил буйнопомешанного. Он мне так врезал, что я полетел на пол, а из глаз искры посыпались. Я лежал и смотрел, как он носится по дому и орет, словно псих. Ты знаешь, что я думаю? Мне кажется, что он что-то подозревал подобное, такой у него был странный взгляд, когда я ему все рассказал. Как бы тебе объяснить, Мак, в его глазах мелькнуло понимание. Но я никогда не видел его в таком состоянии. Отец снова схватил меня и надавал несколько оплеух, приговаривая сквозь слезы: "Скажи, что ты соврал! Скажи, что ты все выдумал!"

Тогда вмешалась Кинди. Она пыталась остановить его, и теперь они кричали и ругались вдвоем. Наконец отец отпустил меня. Дальше я не помню, о чем они говорили, но отец пробормотал: "Это ложь, не правда...", а Кинди пыталась объяснить, что все это не так страшно и вообще не имеет большого значения. Ах, да, она говорила еще, что продаст душу дьяволу, если будет нужно, и что он, папа, для нее важнее, чем ложная мораль. Я думаю, что именно это явилось последней каплей. Он замолчал, и в этот самый момент вошла мама.

У меня из носа и рта шла кровь, Кинди начала ухаживать за мной, и папа стоял в углу комнаты, сложив

на груди руки. Он молча смотрел на нас. Я никогда не забуду выражения его лица, Мак. Я помню, что он сказал какую-то глупую фразу спокойным и отрешенным голосом, какой у него бывал иногда. Ты помнишь? Он сказал: "Кинди, я хочу, чтобы ты получила хорошее образование". Не думаю, чтобы Кинди слышала его в тот момент. Она доставала из холодильника лед, чтобы приложить примочку к моей разбитой губе. Как бы то ни было, она ему ничего не ответила. Отец вышел из комнаты и направился к себе. Когда я снова увидел его, он стоял за дверью и в руке держал старый пистолет, тот, что ему когда-то дал дядя Вилли. Ты должен помнить: облезлый старый "Смит-Вессон". Я хотел бы по крикнуть, но не успел. Мама и Кинди склонились надо мной и не смотрели, что делал отец. Он сначала прицелился в меня. Я видел, как он нажал на спусковой крючок, я помню, как двигался его палец. А потом... потом наступил конец света. Он все стрелял и стрелял. Мама и Кинди упали, а он продолжал нажимать на курок... Они обе лежали на мне мертвые, и мамина рука закрывала мне лицо. Я пытался увидеть из-под нее отца, и он тоже смотрел на меня, как будто не замечал ни мамы, ни Кинди. Казалось, что мы были с ним только вдвоем. Помолчав, он сказал: "Извини меня за губу, Джонни", повернулся и вышел из комнаты. А через несколько минут раздался еще один выстрел. Потом кто-то стал стучать в дверь, и я потерял сознание."

Выйдя из госпиталя, Мак Болан отправился в полицию и все, что знал, рассказал детективу, который вел следствие. Тот установил кредиторов старого Сэма Болана: "Триангл Индастриэл Файнэнс", внешне благопристойная фирма, в действительности контролируемая мафией. Принцип махинаций был очень прост: благодаря какой-то хитрости в законодательстве проценты доводились до таких сумм, что их практически невозможно было выплатить. И тогда за дело принимались крутые ребята, выколачивая из "плохих" клиентов все, что хотели. При этом полиция ничего не могла доказать и никто не осмеливался жаловаться. Детектив казался очень огорченным и раздосадованным. Его беспомощность внушала ему глубочайшее отвращение к самому себе и своей работе, и когда Мак Болан попросил разрешения взглянуть на отчет по делу, он с радостью согласился.

Из отчета Болан узнал, что хозяин "Триангл Индастриэл" – некий Лауренти, шофер-телохранитель – Эрвин, сборщик налогов – Янус и еще два бухгалтера – Брокау и Пит Родригес, самый представительный из всех, похожий на выпускника престижного университета...

Болан вернул детективу отчет, и тот сказал Маку на прощание:

– Мне чертовски жаль, парень, но я абсолютно ничего не могу сделать. Хотя точно знаю, что эти типы –

самые настоящие подонки... Мир не переделаешь...

– Это точно, как эхо, – отозвался Мак Болан. Он вышел из участка и еще долго бродил по Питтсфилду, пока ноги сами не привели его к зданию "Триангл Индастриэл Файнэнс". Было почти шесть часов вечера, и к центральному входу с шуршанием подкатил огромный черный "кадиллак", бесшумно остановившись у высоких зеркальных дверей...

Когда стемнело, Мак Болан отправился в ресторанчик поужинать. Он сидел за столиком в полном одиночестве и в который раз задавал себе один и тот же вопрос: с тем ли врагом он воевал все эти годы? Невеселые мысли крутились в голове. Вспомнилась сестричка Кинди. Она думала, что исполняет свой долг. Старик Болан тоже в каком-то смысле хотел исполнить свой долг... А теперь... теперь только он, Мак Болан, может что-либо предпринять. На полицию надежды нет, она бессильна.

Мак почувствовал, что к нему снова возвращаются холодная расчетливость, отрешенность и решительность, как всегда случалось во Вьетнаме перед выполнением ответственного задания. Только вот в груди больно жег горячий комок, а в глазах непривычно пощипывало и в горле першило. "Наверное, так будет до тех пор, пока я тоже не исполню свой долг", – подумал Мак Болан, вставая из-за стола.

* * *

Четырьмя днями позже неизвестный взломал и ограбил оружейный магазин Питтсфилда. Странное, надо сказать, было ограбление. Исчез только один карабин высокой точности боя – "Марлин-444" с оптическим прицелом, а также мишени и патроны к нему. На самом видном месте, на кассе, неизвестный злоумышленник оставил конверт с суммой, равной стоимости всех похищенных вещей.

Что такое "Марлин-444", ясно представляли себе только специалисты. Одним выстрелом из этого оружия можно наповал уложить мамонта! Еще бы, на выходе из ствола пуля имеет убийную силу в полторы тонны! А оптический прицел превращал карабин в чудовищный инструмент смерти.

* * *

Сопоставляя заявления свидетелей, полиция Питтсфилда пришла к выводу: пятеро служащих "Триангл Индастриэл Файнэнс" были застрелены в течение всего шести секунд. Убийца вел огонь из окна четвертого этажа здания Делси, что прямо напротив офиса "Триангл Индастриэл".

Заключение местной полиции отличалось краткостью и законченностью: наемный убийца – мафиози из соседнего города.

Тогда еще никто не мог и подумать, что это лишь начало бесконечной борьбы одного человека со спрутом мафии.

Сержант Мак Болан вышел на тропу войны.

Глава 1

Золоченые буквы на матовом стекле гласили: "Пласки Энтерпрайсиз". Высокий мужчина в военной форме на секунду остановился перед дверью и, положив руку на дверную ручку, внимательно изучил надпись, а затем, толкнув дверь, вошел в бюро. Дверь медленно закрылась за ним. Красивые перегородки из кованого железа делили просторный зал на небольшие кубики офисов. В каждом находился рабочий стол в стиле модерн и по два стула. Все офисы пока пустовали.

В стороне, за отдельным столом, симпатичная брюнетка делала какие-то пометки в блокноте. Стул, на котором она сидела, был повернут к двери, а пышная грудь – к блокноту. Свои же длинные точеные ножки, затянутые в темный нейлон, она соблазнительно положила одна на другую: что касается ее коротенькой мини-юбки, она скорее напоминала набедренную повязку полинезийских островитянок.

Не меняя позы, девушка подняла голову и улыбнулась незнакомцу.

– Здравствуйте, – произнес посетитель. Его низкий голос звучал приятно и в то же время властно.

– Все вышли, – вымолвила девица, стрельнув глазами в сторону пустых кубов. – Может быть, вы подо-

ждете...

Мужчина с нескрываемым интересом рассматривал ее стройные ноги.

– Меня зовут Мак Болан. На девять часов у меня назначена встреча с мистером Пласки. Сейчас ровно девять, – добавил он, взглянув на часы.

– А-а! Я думаю, мистер Пласки на месте, – сказала брюнетка, удостоив посетителя уже более почтительным взглядом.

Сняв трубку, она набрала номер, спокойно разглядывая Болана.

– Здесь мистер Болан, – прошептала обладательница роскошных ног в трубку и, прикрыв ладонью микрофон, обратилась к посетителю:

– Можете войти.

Тот поискал глазами дверь в глубине бюро и вопросительно поднял брови. Девушка кивнула головой, прыснула от смеха и вздохнула в трубку:

– О-о-о! Мистер Пласки...

Болан улыбнулся, оставляя позади себя невысокую решетчатую дверь. Пройдя мимо кубов-офисов, он открыл дверь в личный кабинет шефа, не забыв напоследок обернуться и подмигнуть брюнетке, продолжавшей хохотать в телефон. Болан закрыл за собой дверь и увидел затылок мужчины, сидевшего за столом. Развалившись в кресле и положив ноги на подоконник, шеф зажал трубку между ухом и плечом, рассказывая се-

кретарше весьма игривый анекдот и испытывая от этого, как показалось Болану, огромное удовольствие.

Болан опустил в мягкое кожаное кресло и закурил. Тем временем Пласки, заканчивая рассказ, разразился взрывом хохота и наконец повернулся к Болану, а затем начал новый анекдот. Но, несмотря на бесконечные хохмы Пласки, Болан понял, что тот его тщательно изучает. Хотя и сам Болан занимался сейчас тем же.

Мистер Пласки оказался мужчиной крепким, без единого грамма жира, с бычьей шеей и широченной грудью. Выхоленной короткой и мощной рукой он держал телефонную трубку, и ногти его поблескивали свежим лаком недавнего маникюра. Болан прикинул, что лет Пласки, видимо, под сорок. Аккуратно подстриженные каштановые волосы, на висках более светлые, придавали ему моложавый вид. Черты его полнокровного лица казались несколько грубоватыми, будто вырубленными топором, но выглядели довольно привлекательно.

Болан улыбнулся, услышав развязку анекдота, а брюнетка на том конце провода прямо-таки заходила со смеха. Пласки положил трубку, и тотчас его лицо стало совершенно серьезным, от веселья не осталось и следа.

– Это мой ежедневный вклад в рабочую атмосферу, – пояснил он. – Значит, вы Болан? Посетитель кивнул головой:

– Мак Болан. Я приехал сюда ненадолго и хотел бы утрясти все дела. Пласки задумчиво подвигал по столу папку:

– Очень хорошо, что вы решили обратиться к нам. Разумеется... вы понимаете ситуацию. Здесь, видите ли, у нас бухгалтерия. Известные трагические обстоятельства... вы понимаете меня, я имею в виду вчерашние события у здания "ТИФ"...

– Мне не удастся надолго задержаться в городе, – повторил Болан. – Я узнал, что теперь все дела "Триангл Индастриэл" находятся у вас...

– Это кошмар, – ворчал Пласки, – пятеро таких хороших ребят... вы представляете... Наверное, стрелял какой-нибудь чокнутый. Их сейчас много развелось. Один маньяк прикончил пятерых парней, надо же...

Он щелкнул пальцами.

– Мистер Болан, у меня есть досье на вашего отца. – Пласки приоткрыл папку и быстро пробежал глазами ее содержимое.

– По правде говоря, ваш отец значительно задержал выплаты процентов.

Болан вытащил из кармана небольшой блокнот и бросил его на стол:

– Эти записи говорят об обратном. Здесь личные счета моего отца. Он занял у вас четыреста долларов одиннадцать месяцев тому назад и за это время вернул вам почти пятьсот пятьдесят долларов. Мне ка-

жется также, что остальные члены моей семьи делали другие взносы, которые не отражены в этих записях. Совершенно очевидно, что в вашем досье имеется какая-то ошибка.

Пласки широко улыбнулся, развел руками и сделал вид, что не видит блокнота:

– Финансовое учреждение не имеет ничего общего с благотворительной организацией, мистер Болан. Я могу вас заверить, что в наших досье нет никаких ошибок. Каждый счет проверяется дважды. И...

– Он занял у вас четыреста, а возместил пятьсот пятьдесят. Долг должен быть погашен.

Пласки с трудом удавалось сохранять улыбку на покрасневшем лице.

– Ваше заблуждение мне совершенно понятно, старина, – сказал он Болану, разом подчеркивая его принадлежность к низшему социальному уровню. Как я уже говорил, финансисты не занимаются благотворительностью. Они ссужают деньги, то есть дают их в займы. Это как плата за аренду. Если вы снимаете дом или арендуете машину, то обязаны вносить ежемесячную арендную плату и вернуть объект аренды хозяину по истечении срока контракта. Так?

Болан кивнул.

– Вашему отцу мы дали займы определенную сумму. В соответствии с контрактом – на три месяца. Если бы ваш отец вернул эту сумму по прошествии указан-

ного периода и погасил все задолженности по процентам, тогда долг считался бы погашенным. Но он этого не сделал. Естественно, контрактом предусматриваются различные санкции, если одна из сторон не выполняет условий соглашения. Вы знаете, сейчас очень многие не понимают структуры современного финансового контракта. На данный момент ваш отец смог лишь расплатиться за предоставленную в его распоряжение сумму, да и то... не полностью. Основной капитал по-прежнему остается у него. Это наши деньги, и мы хотим их получить обратно. Мне кажется, что это вполне нормально.

– Арендная плата в пятьсот пятьдесят долларов за сумму в четыреста долларов кажется мне несколько завышенной, – мягко заметил Болан.

– Вы забываете о штрафных санкциях, – улыбаясь, ответил Пласки. – Ну хорошо, вы умный человек, мистер Болан. Согласен с вами, что наши проценты в общем-то завышены. Но мы идем на риск, на который готов пойти далеко не каждый банкир. Почему ваш отец не взял займы в банке? А? Вы так же хорошо знаете ответ, как и я. Нет такого банка, который рискнул бы поставить хоть цент на вашего отца. А мы рискнули и ссудили его четырьмястами долларами. Если хотите, наши процентные ставки рассчитаны именно из этих соображений. И, разумеется, мы не принуждали его идти к нам. Мы...

– Вы всегда говорите "мы", – прервал его Болан. – Я думал, что...

– Фирма "Пласки Энтерпрайсиз" является компаньоном "Триангл Индастриэл", – ответил Пласки. Итак, давайте поговорим о деле. Готовы ли вы заплатить долг своего отца?

– Лично я считаю, – спокойно ответил Болан, – что долг уже погашен. Я зашел к вам только для того, чтобы сообщить об этом, – Наше досье касается непосредственно вашего отца, мистер Болан. – Лицо Пласки понемногу покрывалось багровыми пятнами. – Он должен был сам зайти к нам.

– Это превосходная идея, мистер Пласки, но, к сожалению, трудновыполнимая. Его похоронили десять дней тому назад.

Несколько секунд в кабинете стояла напряженная тишина. Пласки нервно открывал и закрывал папку с досье старого Болана. Наконец он нарушил молчание:

– Тогда придется передать дело в руки наших адвокатов, чтобы они возложили обязательство выплаты долга на наследников.

– Наследования долгового обязательства не будет, и вы об этом знаете, – холодно возразил Болан. – Долг уплачен, Пласки. Отец получил четыре сотни, а вернул вам пять с половиной. Долг уплачен.

Мак Болан встал и направился к двери.

– Вы не отдаете себе отчета в том, что говорите, –

бросил ему вслед Пласки презрительным тоном, также вставая из-за стола.

– Скажите-ка, неужели вы думаете, что адвокаты поедут за мной во Вьетнам? – обернувшись, насмешливо спросил Болан.

– Во Вьетнам? – как эхо повторил Пласки.

– Я прибыл сюда по срочному вызову, на похороны. Через пару дней я возвращаюсь. А вообще-то... Болан снова уселся в кресло.

– Что еще? – спросил Пласки, чувствуя себя на грани апоплексического удара.

– Я видел, как их пристрелили.

– Кого пристрелили? Кого?

– Да тех типов из "Триангл". Я видел, как они отдали Богу душу.

– А потом?

Короткие пальцы Пласки вцепились в край стола.

– Мне кажется, я видел того, кто устроил эту бойню. Наэлектризованная тишина вновь повисла в роскошно обставленном кабинете. Пласки хрустнул суставами пальцев, и этот хруст прозвучал как-то неожиданно неприлично.

– Вы сообщили об этом в полицию? – спросил он после продолжительной паузы.

– Чтобы вляпаться в дерьмо? – ответил Болан тоном, свидетельствующим о том, что столь дурацкая мысль даже не пришла ему в голову.

– Мои... э-э... моих партнеров заинтересуют ваши...
э-э... впечатления.

– Я вам уже говорил, что через пару дней возвращаюсь во Вьетнам.

– Может быть... может статься, что мне удастся организовать встречу побыстрее.

– Ну, не знаю. Хотелось бы немного поразвлечься, прежде чем снова окунуться в эти поганые джунгли, – небрежно произнес Болан. – К тому же я не собираюсь компрометировать себя.

– Я гарантирую вам все возможные и даже невозможные развлечения и забавы, – заявил Пласки, хватаясь за телефон.

Рука Болана остановила его.

– Осталось совсем немного, – сказал он.

– Что еще осталось?

– Эта напряженная ситуация – долг. Мне кажется, что досье Болана больше не должно существовать.

– Конечно, само собой разумеется!

– Дайте мне контракт.

Пласки порылся в папке и вытащил из нее солидный документ, который затем протянул Болану. Тот внимательно изучил контракт, тщательно сложив его, сунул в карман. Толстый палец Пласки тут же ткнулся в наборный диск телефона.

– Вы верите в судьбу, Болан? – казалось, что его чрезвычайно обрадовал такой поворот событий.

– Еще как. Даже трудно поверить, до какой степени я в нее верю, – отозвался Болан.

И улыбнулся... нехорошей, опасной улыбкой.

Глава 2

Лейтенант Ал Уотерби неподвижно застыл в кресле, вперив отсутствующий взгляд в кучу опостылевших ему докладов и отчетов, громоздившихся в центре его рабочего стола. Уотерби закусил губу и, одним рывком подняв из кресла свои 200 фунтов тренированных мышц, направился к двери. На полдороге он остановился, снова вернулся к столу и вытащил из кучи бумаг один-единственный листок. Перечитав его, лейтенант пробурчал себе под нос что-то невразумительное и, подойдя к двери, ударом кулака распахнул ее настежь.

– Эй, Джек, – позвал он, – пусть войдет этот военный!

Оставив дверь открытой, лейтенант уселся в кресло за столом и, закулив, снова с отчаянием воззрился на гору неразобранных документов. В кабинет вошел полицейский, сопровождаемый незнакомым в военной форме. Уотерби смерил взглядом рослого военного и скорчил жуткую гримасу, которую надо было понимать как дружескую улыбку.

– Мне остаться, лейтенант? – спросил полицейский. Уотерби отрицательно мотнул головой, протянув посетителю руку.

– Я лейтенант Уотерби, – произнес он. – Садитесь,

сержант Болан.

Мужчины обменялись крепким рукопожатием, и посетитель опустился на стул, затем положил руки на колени и слегка подался вперед, внимательно изучая лицо детектива. Уотерби подождал, пока закроется дверь за выходящим полицейским, и снова сделал героическую попытку улыбнуться.

– Шикарная коллекция, – отметил он, придвигаясь ближе, чтобы получше рассмотреть награды Болана. – Смотри-ка! Вот это – "Пурпурное Сердце" и снайперская медаль и... Ах да! Бронзовая медаль! Остальные совсем новые, я их даже не знаю. Вы хорошо разбираетесь во многих видах оружия?

Болан спокойно выдержал острый взгляд детектива:

– Я владею практически любым стрелковым оружием.

– А вы могли бы выпустить пять пуль скорее чем за пять секунд точно в цель, да еще на расстоянии... скажем, метров ста?

– Это зависит от оружия, – невозмутимо ответил Болан – Нечто подобное я уже делал.

– Вы пользовались автоматической винтовкой?

– Во Вьетнаме нет такого оружия.

– Ясненько...

Уотерби затянулся сигаретой и с шумом выдохнул синий дым:

– Я пообщался по телексу с одним из моих старых

друзей, он находится сейчас в Сайгоне. Вы знаете майора Харрингтона?

Болан отрицательно качнул головой.

– Он служит в военной полиции в Сайгоне. Мы дружим уже давно. Так вот, он рассказал мне много занятного о вас, сержант.

Уотерби раздавил окурок в пепельнице, и его лицо приняло официальное выражение. Испытующим взглядом он уставился на Болана:

– Мне сказали, что во Вьетнаме вам дали кличку Палач. Как по-вашему, сержант, почему вас так прозвали?

Болан слегка шевельнулся на своем скрипучем стуле, и его глаза скользнули по лицу детектива. Помолчав пару секунд, он ответил вопросом на вопрос:

– Если вы собираетесь играть в какую-то игру, лейтенант, то, может быть, вы объясните мне ее правила?

– Игра называется убийство, – отрезал Уотерби.

– Все те люди, которых я убивал во Вьетнаме, стали мертвецами, потому что я получал соответствующие приказы.

– Мы не во Вьетнаме! – взревел Уотерби. – И такой снайпер, как вы, не имеет права шлаться по улицам этого города и решать, кому жить, а кому подохнуть!

Болан пожал плечами:

– Если вы намекаете, будто я замешан во вчерашнем убийстве... и основываетесь на том факте, что я снайпер...

– Не только... – ответил полицейский. – Послушайте, Болан... Вчера здесь вы устроили скандал капитану Говарду из-за тех типов из "Триангл"... Вы говорили, что они виновны в смерти ваших родных, так как именно они вызвали роковой приступ ярости вашего отца..

– Не вы ли, случайно, занимаетесь расследованием этого дела? – прервал его Болан. – Я имею в виду смерть моих родителей и сестры.

Уотерби открыл было рот, но тут же решил, что лучше пока воздержаться от комментариев.

– Тогда, – спокойно продолжал сержант, – вы знаете, как все произошло. И никто ничего не предпринял против этих сволочей? Во всяком случае, до вчерашнего вечера. Наконец-то нашелся смельчак, решивший действовать. Ну и кто на него пожалуется? В газетах пишут, что речь идет о войне между бандами. Раз дело сделано, то не все ли равно теперь, чьих оно рук?

Уотерби бросил на Болана убийственный взгляд и, окончательно растерзав в пепельнице окурочок, закурил новую сигарету. Затем вздохнул и произнес подчеркнуто примирительным тоном:

– Мне не все равно, Болан. Это правда, что правосудие несовершенно в нашей стране, но пока тем не менее оно действовало весьма эффективно, черт побери! И мы не можем позволить, чтобы у нас под носом шлялись вооруженные до зубов убийцы, считающие себя судьями, присяжными и палачами в одном

лице. В конце концов, мы же не во Вьетнаме!

– Если вы выдвигаете против меня обвинение, то следовало бы соблюсти некоторые формальности, не так ли? – спросил с жесткой улыбкой Болан.

– Вас никто не обвиняет, – ответил лейтенант, – пока. Но я точно знаю, что произошло, Болан. Поймите это. Я знаю, что 18 августа кто-то проник в оружейный магазин и похитил карабин "Марлин-444" и точнейший оптический прицел. Затем этот неизвестный пристрелял карабин в старом карьере за городом. 19 августа в два часа ночи он снова побывал в карьере и произвел три серии по пять быстрых выстрелов, точнее сказать, очередей, с трех дистанций: сто метров, сто десять и сто двадцать. Сторож не придал этому особого значения, пока не увидел вчерашних утренних газет.

Затем двумя днями позже неизвестный снайпер взобрался на четвертый этаж Делси и устроился перед окном в одном из пустых офисов. Он курил, между прочим, "Пэлл Мэлл", как и вы, и пользовался крышечкой от бутылки "Кока-колы" в качестве пепельницы. В 18 часов он всадил по пуле из своего чудовищного ружья в головы пятерым служащим "Триангл Индастриэл Файнэнс", чем и вызвал преждевременный крах этой фирмы... Сержант поудобнее устроился на скрипучем стуле:

– Если вам все известно, то почему вы не предъявляете мне обвинения?

– Вы хотите заявить о чистосердечном признании?
– Ну что вы! Надеюсь, пока рано меня арестовывать.
– Вы прекрасно понимаете, что оснований для вашего ареста нет.

– Ну тогда нам не о чем разговаривать, – усмехнулся Болан.

– Вы что-то затеваете!?
– Абсолютно ничего. – Сержант простодушно развел руками.

– Когда вы возвращаетесь во Вьетнам?
– Никогда, – ответил Болан, добродушно улыбаясь.
– Вчера я получил соответствующий приказ: меня перевели на новое место службы.

– Куда? – быстро спросил Уотерби.
– Сюда. Инструктором по стрельбе в общественную школу Питтсфилда.

– О-о-о черт! – простонал полицейский.
– Это из-за моего младшего брата, – робко добавил Болан. – Я ведь его единственный родственник.

Уотерби вскочил с кресла и в возбуждении стал метаться по кабинету между дверью и столом, пытаясь пережить очередной удар судьбы.

– Ну вот! Опять эти проклятые осложнения! – заявил он наконец. – А я-то, дурак, рассчитывал, что вы в самом скором времени снова окажетесь среди джунглей, и ваш след здесь простынет!

– Могу гарантировать, что вьетнамский фронт в бли-

жайшее время покажется вам самым спокойным местом на земле. – И указательным пальцем лейтенант подчеркнул весомость каждого своего слова.

– Что-то я вас не совсем понимаю, – с беспокойством произнес Болан.

– Да что тут понимать! Не прикидывайтесь дурачком! Я говорю о мафии, об организации, не забывающей подобных вещей. А также о некоем типе по прозвищу Палач, который, вполне возможно, прикончил пятерых их людей. И еще об улицах моего города, рискующего скоро превратиться в тир, а я даже не смогу вмешаться в события, потому что не имею достаточных на то оснований. Я не шучу, сержант. Поймите меня. Вы пропали, и неважно, виновны вы или нет! А по вашей физиономии видно, что это ваших рук дело! Может быть, для правосудия улики недостаточно, но мафии этого хватит. Вполне возможно, что они не прикончат вас ни сегодня, ни завтра, но такой день наступит. А у меня связаны руки. Я ничем не смогу вам помочь, даже если очень захочу. Что тогда будет с вашим братом, а? Что станет с ним, когда вы окажетесь в сточной канаве с выпущенными кишками?

– Что вы мне предлагаете? – спросил Болан, внимательно вглядываясь в собеседника.

– Сознаться. Только тогда правосудие сможет защитить вас. Болан иронически усмехнулся:

– Странная защита! Вплоть до электрического сту-

ла. Брату-то от этого легче не станет, не так ли, Уотерби?

– Ну не думаю, что дело пойдет так далеко. Кроме всего, есть еще и смягчающие обстоятельства.

– Конечно, есть, а как же, – съехидничал Болан, поднимаясь со стула. – Надеюсь, что вы вдоволь наигрались в свою игру. Если я свободен...

– Послушайте, сержант, – вспыхнул полицейский, – у меня нет против вас никаких улик. Как вы считаете, я искренен с вами или нет? Где вы найдете другого такого честного полицейского? Я не собираюсь таскать по судам героя войны только лишь на основании каких-то совпадений и собственных подозрений. Нет даже достаточных доказательств для выдвижения против вас обвинения. Но я никогда не смогу забыть, что где-то по городу ходит парень вроде вас с единственным желанием: побольнее ущипнуть мафию. И не забывайте ни на секунду, что мафия также помнит о вас.

– Ну ладно! Спасибо за искренность, – Болан опять улыбнулся. – До скорого!

Он открыл дверь и вышел, кивнув головой дежурному, а когда обернулся, то увидел детектива, стоявшего у двери своего кабинета. Нахохлившись и сунув руки в карманы форменных брюк, Уотерби с сожалением и непонятной печалью смотрел Маку вслед. Ледяные мурашки пробежали у Болана по спине, и на мгновение его охватила легкая паника. Неужели он переоценил

себя? Сможет ли он один победить такую могучую организацию, как мафия? Затем он пожал плечами и пошел вниз по лестнице. Война уже объявлена. Он, Болан, перешел Рубикон.

Глава 3

Атмосфера царила самая непринужденная. Казалось, что деловые люди собрались отдохнуть после партии в гольф. Нат Пласки с физиономией цвета его темно-красных плавок, деливших пополам его волосатое тело, стоял, прислонившись к беседке, возле самого бассейна и держал в своей здоровенной лапе стакан с виски, разговаривая с пышной блондинкой, которая выпирала из почти не существующего бикини, как подходившее тесто из квашни. Остальные девицы, все в стиле Мисс Вселенная, прикрывшись парой клочков пестрой ткани, лежали и сидели вокруг бассейна. В воде никто не плавал и даже не делал попытки окунуться.

Элегантный мужчина лет пятидесяти, весь в белом, сидел за столиком под широким зонтом, надежно защищавшим от жаркого солнца, в компании с молодым парнем, одетым в костюм спортивного покроя. Другие крепыши ходили то тут, то там без всякой видимой цели, внося диссонанс в шикарный декор бассейна и бунгало. "Телохранители", – безошибочно определил Болан. За ним наблюдали. По какому-то невидимому сигналу либо просто движимые шестым чувством, некоторые парни почти одновременно повернулись к нему, едва лишь он подошел к бассейну. Пласки привет-

ственно взмахнул рукой, сжимавшей стакан с виски, что-то сказал блондинке, с которой до этого мило любезничал, и поспешил к новоприбывшему.

– Похоже, что армия взяла нас в окружение, – лениво протянула одна из девиц, бросая вожделенные взгляды на симпатичного сержанта.

– Заткнись, дура! – рявкнул Пласки, проходя мимо ее.

Он подошел к Болану, протягивая руку, и затем, поздоровавшись, подвел его к столику с двумя мужчинами, причем вел себя так, словно сержант был его самым дорогим другом.

– Уолт Сеймур, позвольте представить вам сержанта Мака Болана, – произнес Пласки, обращаясь к мужчине постарше.

Эти протокольные манеры не ускользнули от внимания Мака. Он улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой и протянул руку: пришло время знакомиться с представителями высшего эшелона власти тайной империи. Рукопожатие вышло холодным, но вежливым. Зато второй, помоложе, крепко и энергично сжал его руку. Такое рукопожатие понравилось Болану, и он с симпатией посмотрел на хозяина твердой, горячей руки.

– Меня зовут Лео Таррин, – представился тот, сверкнув белозубой улыбкой. – Говорят, вы недавно вернулись из Вьетнама. Добро пожаловать! Вы где там слу-

жили?

– Девятый пехотный полк, – кратко ответил Болан, надеясь, что ничем не выдал волнения, охватившего его. Таррина он видел впервые и по дружескому его тону признал в нем такого же солдата, каким являлся сам. Но слова брата о том, что Кинди называла своего "работодателя" Лео, накрепко врезались Болану в память. И ему стало не по себе.

– Я служил в "зеленых беретах", – любезно продолжал Таррин. – И тоже, представьте себе, был сержантом. С узкой специализацией.

Болан улыбнулся, нанося первый удар:

– Я всегда считал, что самые важные специалисты "зеленых беретов" – поставщики девок.

Замечание произвело ожидаемый эффект. Таррин обалдело уставился на почтенного Сеймура, а затем расхохотался.

– О-о! Ну что вы... – весело воскликнул он, но тут же замолк под ледяным и презрительным взглядом Сеймура. Бывший вояка подмигнул Болану и уселся в свое кресло.

В этот момент к ним подошла одна из скучающих наряд, предложив Маку виски со льдом. Тот поблагодарил ее и, следуя приглашению Пласки, устроился в кресле напротив Сеймура.

– Хороша красotka – тоном знатока заметил Болан.

– Они все такие, – подтвердил Пласки со скукой в

голосе. – Если она вам нравится, то она ваша. Можете пользоваться. После того как мы утрясем наши дела.

Он повернулся в сторону удалявшейся девицы и внимательно посмотрел на ее соблазнительно покачивающиеся бедра, словно забыл что-то очень важное.

Болан заметил, что телохранители расположились боевым порядком, очевидно, выполняя задачу по их прикрытию.

– Ну что ж, давайте утрясем, – широко улыбаясь, покладисто ответил сержант. Пласки заговорил, разглядывая свой стакан:

– Сеймур, Таррин и я были партнерами Джозефа Лауренти, одного из убитых. И, разумеется, мы хорошо знали друг друга, то есть, как бы вам сказать поточнее, между нами существовали почти родственные отношения. По этой причине мы хотели бы... помочь полиции найти убийцу. Вы разговаривали с полицией, сержант?

Болан ожидал этого вопроса. Его вызывали в полицию рано утром, почти сразу же после посещения офиса Пласки, и он приготовил ответ заранее.

– Да. Они заезжали за мной, и я беседовал с ними сегодня утром, – сказал он. – Почти сразу же после того как мы расстались.

– Вы добровольно пошли в полицию, – тихим голосом заявил Сеймур.

Болан улыбнулся:

– Не совсем так.

– Почему?

– Как я уже объяснил мистеру Пласки, я не собираюсь впутываться в дело, которое поставит крест на последних днях моего отпуска.

Тут Мак улыбнулся еще шире:

– Но в конце концов все уладилось. Во Вьетнам я не вернусь: мне удалось добиться перевода, так что на некоторое время я останусь в Питтсфилде.

– Почему? – продолжал настаивать Сеймур.

– Из-за братишки. Ему четырнадцать лет, а я его единственный родственник.

– Армейские власти поступили очень великодушно, – добавил Пласки.

Сеймур, по всей видимости, плевать хотел на великодушие армейского начальства, его беспокоило совсем другое.

– Итак, вы решили сотрудничать с полицией, – прокомментировал он услышанное. – Расставшись с мистером Пласки, вы узнали хорошую новость, а затем, как добропорядочный гражданин, отправились в полицейское управление.

Болан по-прежнему улыбался:

– Вы, наверное, плохо слышите, а? Я вам сказал, что они заезжали за мной. Этим утром, когда я вышел из офиса мистера Пласки, за моей машиной уже стоял полицейский автомобиль. Они сказали, что меня хочет видеть какой-то детектив из уголовной полиции.

– Зачем?

– Любопытное совпадение, – мрачно заявил Болан.

– Полицейский, который занижается делом "Триангл", ведет к тому же еще и следствие по делу смерти моих родителей. Он...

– Вашего отца тоже убили? – тут же задал вопрос Сеймур.

– Нет. Речь идет о самоубийстве. Нервный срыв или нечто в этом роде, – ответил Болан. – Не знаю точно. В последнее время отец был подавлен, болел и имел долги. Полицейский вспомнил, что он задолжал также фирме "Триангл". Естественно, у него возник вопрос: нет ли здесь какой-нибудь связи и не я ли ухлопал тех пятерых парней из "Триангл". Он хотел поговорить со мной на эту тему. Болан знал, что сильно рискует. Он снова улыбнулся.

– Но я не расплачиваюсь с долгами с помощью оружия. И вы это прекрасно знаете, – Мак повернулся к Пласки. – Как бы то ни было, я удовлетворил любопытство полицейского. Он поблагодарил меня за то, что я пришел, и мы расстались. Вот и все.

– Вы забыли еще кое о чем, – лениво заметил Сеймур.

– Да?

– Да. Сэм Болан застрелил также жену и дочь.

– Эй, Уолт! Поосторожнее, – вмешался Таррин.

– Ничего, – сухо ответил Болан, впившись взглядом

в лицо Сеймура. – Я не сержусь на моего старика за то, что он сделал. Послушайте-ка, я ушел из дома, как только решил, что стал достаточно взрослым для этого. Чем меньше мы будем говорить о женщинах из моей семьи, тем лучше я буду себя чувствовать. Договорились?

Сеймур и Таррин переглянулись. "Они в курсе", – подумал Болан.

– Конечно. Я понимаю, сержант, – быстро сказал Сеймур. – Не обращайтесь внимания. Просто я пытаюсь составить себе представление о вас.

– Ну и как, составили?

– Думаю, что да. А почему вы не рассказываете нам о том, что видели прошлым вечером? Я говорю об убийстве, – уточнил Сеймур.

Болан холодно посмотрел на него:

– Ас чего это я должен оказывать вам такую услугу?

– Ну... в конце концов...

Сеймур озадаченно потер нос, затем тихонько рассмеялся:

– В конце концов вы тем не менее пришли ко мне, чтобы рассказать об этом, не так ли?

– Нет.

– Нет? – переспросил Сеймур, искоса поглядывая на Пласки.

Болан медленно прикурил сигарету, выпустил дым вверх и заявил:

– Мой визит в полицию все изменил.

– Понимаю, – сказал Сеймур, хотя не понимал ничего.

– Я действительно кое-что видел. Я находился рядом, когда все началось, и заметил типа, бегом выскочившего из здания Делси. Он чуть не сбил меня с ног.

– Ну и?.. – мрачно спросил Пласки.

– Ну и, само собой разумеется, я не могу сделать такое заявление. Это равносильно признанию, что я находился на месте преступления, а учитывая, что Уотерби меня уже и так подозревает, я окажусь в дурацком положении.

– Кто такой Уотерби? – спросил Сеймур.

– Детектив из уголовной полиции. Из отдела по борьбе с особо опасными преступниками – убийства и прочее...

Сеймур вздохнул и снова повернулся к Пласки. Легкая улыбка тронула его губы.

– Мы не хотим, чтобы вы оказались впутаны в эту историю, сержант, – сказал он. – Мы не сообщим о вашей информации в полицию.

– Об этом нетрудно догадаться.

– Вот как?!

Болан кивнул головой:

– Но это ничего не меняет. Послушайте, сначала я хотел просто продать нужную вам информацию. Но изменился именно этот аспект проблемы. Видите ли, в

полиции мне сказали, кто вы.

– Ну и кто мы, по-вашему?

– Мафия.

Улыбка исчезла с лица Сеймура. На Пласки напал приступ кашля, а Таррин нервно забарабанил пальцами по столу.

– Так кто мы, вы говорите? – процедил сквозь зубы Сеймур.

– Бог ты мой! Да все это знают, – ответил Болан. – Во всяком случае, в полиции. Они сказали мне, что "Триангл" принадлежит мафии.

– Что за штуки, солдатик? – прошипел Пласки.

– Спокойно, Нат. Спокойно, – быстро вмешался Сеймур. Он внимательно изучал Болана:

– Допустим, полиция в этом отношении совершенно права. Что это меняет?

– Мою цену, – невозмутимо ответил Болан, выдерживая его испытующий взгляд.

Таррин рассмеялся, с облегчением откинувшись на спинку кресла. Пласки фыркнул и пробурчал что-то невразумительное. Сеймур сохранял полное спокойствие. Наконец он вздохнул и произнес:

– Либо вы большой хитрец, Болан, либо неисправимый идиот. Скажите нам, чего вы хотите?

– Я пытаюсь дать вам понять, что могу опознать убийцу. И тут вдруг понимаю, что вам это совсем не нужно. Вам абсолютно не хочется, чтобы личность

убийцы установили. Послушайте меня, у нас с вами нет никаких проблем. Я знаю, как происходят такие дела. Мне не интересно, что там у вас произошло с Лауренти, зато я понимаю, что такое дисциплина. Если Лауренти пытался вести с вами двойную игру, то вы поступили совершенно справедливо. Я хочу просто-напросто, чтобы вы поняли: я не из болтливых. Особенно при общении с полицией. Короче, цена изменилась. Цены больше нет. Как нет и свидетельства. Я ничего не видел и ничего не скажу.

От неожиданности у Пласки отвисла челюсть. В изумлении он посмотрел на Сеймура и пробурчал:

– Он думает, что...

– Я знаю, что он думает! – перебил его Сеймур, – Это было ясно с самого начала.

Он не спускал своих глаз-буравчиков с лица сержанта, явно наслаждавшегося возникшей ситуацией.

– Никаких проблем не возникало, – сказал он Болану. – То, что написали в газетах, не соответствует истине: Лауренти и его людей вовсе не ликвидировала какая-то преступная организация. Вы теряете свое время и отнимаете наше. Если вам будет угодно...

– А не положить ли нам карты на стол?

– Ну и каковы же ваши карты, сержант? – насмешливо спросил Сеймур.

– Я ищу работу. Пятеро ваших людей позавчера погибли. Значит, появились вакансии. Таррин обеспоко-

енно зашевелился в своем кресле.

– С чего бы это военному искать работу? – негромко спросил Пласки.

– На мне эта форма уже двенадцать лет, – ответил Болан. – Я овладел ремеслом, но не заработал денег. У меня нет ни цента и не будет, пока я остаюсь в армии.

Сеймур начал отходить, его взгляд смягчился:

– О каком ремесле вы говорите?

– Оружейника.

– Оружейника? – рассмеялся Сеймур. – Так вы всерьез думаете, что мы пользуемся оружием? Болан проигнорировал этот выпад:

– Я умею его изготавливать, улучшать, ремонтировать, делать к нему боеприпасы и, конечно, пользоваться им.

Сеймур веселился вовсю:

– Даже если предположить, что мы являемся теми, за кого вы нас принимаете, то вы явно перепутали эпохи. Мы ведь не в Чикаго тридцатых годов. Мы в Питтсфилде начала семидесятых.

Он покачал головой и добавил:

– Вы заблуждаетесь на наш счет, сержант. Болан подбородком указал на одного из телохранителей, державшегося в тени бунгало.

– Вон тот вооружен, – сказал он. Затем, ткнув пальцем, показал на другого:

– Этот тоже. Когда я вошел сюда, то насчитал пять

вооруженных парней. У вас есть гражданская армия. И в ее рядах – вакансия. А я ищу работу.

– Вы собираетесь дезертировать? – спросил Таррин. Солдат покачал головой:

– Вы знаете, что такое инструктор по стрельбе в общественной школе, Таррин? Это ничто.

– Поподробнее, пожалуйста, – заинтересовался Сеймур.

– Это своего рода соболезнавание со стороны армейского начальства. Меня перевели на другую службу в рамках программы военной подготовки в Франклиновской высшей школе в Питтсфилде, ведь армия поставляет инструкторов. Но это значит дать солдату пинка под зад. Нам предоставляется жилье, у нас есть рабочее время, как у других преподавателей, и мы живем как гражданские лица.

– Вы собираетесь успевать на двух работах? Болан улыбнулся:

– Так ведь я не единственный инструктор. Меня перевели сюда, потому что мне требовалась официальная должность. В школе уже работает один парень. Мне нужно будет подменять его время от времени, и еще... может быть, я проведу пару занятий по пользованию оружием и поприсутствую на практических стрельбах. Но мне дали понять, что я смогу приходить и уходить в любое время, когда мне будет удобно.

– Это совсем не похоже на ту армию, которую я знал,

– сказал Таррин.

– Так точно, – согласился Болан. – Но в конце года истекает срок моего контракта. К тому же у меня на руках еще и младший братишка, а это, знаете ли, ответственность. Мне дали это место, чтобы как-то пристроить до конца года. Думаю, начальство предполагает, что к концу года я либо подпишу новый контракт, либо закончу военную карьеру.

– Мне кажется, что вас должен устраивать такой поворот событий, – произнес Сеймур.

– В конце концов... мне нужно теперь присматривать за братом, – заметил Болан. – И я вам уже говорил, что у меня нет за душой ни цента. Я собираюсь расчитаться с армией в декабре. А это время перехода к гражданской жизни кажется мне несколько затянутым.

Он снова широко улыбнулся:

– К тому же у вас сейчас есть место.

– У меня такое впечатление, что этот бравый сержант – невероятно везучий человек, – задумчиво произнес Сеймур, специально никому не адресуя своих слов.

– Такой нам как раз нужен, не так ли? – спросил Таррин. Сеймур вздохнул:

– Действительно, он именно тот, кто нам нужен. Ну хорошо, Лео, позовите девушек. И привезите сюда бар. Мне кажется, следует поздравить нового служащего. Он горько усмехнулся:

– Вам крупно повезло, сержант. Не упустите свой шанс.

Болан улыбнулся в ответ и поднял стакан. Лед уже растаял, разбавив виски, но ничуть не охладив его. Ну и что? Ему было наплевать на такие нюансы. Он выпил одним глотком и аккуратно поставил стакан на стол. Начало партии он выиграл! И, по всей видимости, сможет извлечь немедленную из этого выгоду. Подошла одна из девиц. Кто-то сказал, что ее зовут Мара. Она тут же, не заставляя себя долго упрашивать, устроилась у него на коленях и протянула Маку новый стакан, не забывая при этом раскачивать роскошными оголенными бедрами, что совсем не способствовало его моральной устойчивости.

– Люблю военных, – промурлыкала девица, запуская руку под рубашку Болана. Плавки бикини едва прикрывали низ ее слегка выпуклого живота, а тонкий эластичный шнурок, огибая круглые бедра, уходил за спину и прятался между выпуклыми полушариями упругих ягодич. Лифчик из крошечных кусочков ткани в сеточку, казалось, играл в прятки с высокой грудью Мары.

Свободной рукой Болан непринужденно обнял девушку за талию. Медленно, очень медленно его пальцы опустились ниже.

Девица захихикала и, схватив его за руку и слегка привстав, глянула на брюки Мака:

– Похоже, что у вас давно не было женщины, а? За-

тем снова уселась к нему на колени, вертя пышным задом в поисках более интимного контакта, а потом взяла руку Болана, положив ее себе на грудь.

– Надеюсь, вы еще не забыли, на что это похоже? – спросила она голосом капризной девчонки.

Болан оттянул сеточку ее лифчика, доказывая, что не забыл ничего. Мара тихонько рассмеялась, взяла у него из руки стакан и, поставив его на стол, поднялась гибким кошачьим движением, одновременно вытягивая из кресла и его самого.

– Нужно поискать вам плавки, – заявила она, потянув Мака в сторону бунгало.

Закрыв дверь на ключ, Мара тут же обернулась и, прижимаясь всем телом к Болану, подставила ему свои мягкие полураскрытые губы. Он жадно поцеловал их, отдавая себе отчет, что уже давно не держал в объятиях такую красивую девушку. Он наслаждался ее чистым, свежим дыханием, желанным и чарующим запахом молодого упругого тела, сладостью и чувственностью его умелого языка. Медленными ритмичными движениями она прижимала свои широкие бедра к низу его живота. Руки Мака заскользили по гибкому податливому телу Мары, опустились на круглые ягодицы, а затем, совершенно неожиданно, он резко оттолкнул ее. Она снова приникла к Болану, раздосадованная и возбужденная одновременно, но Мак выскользнул из ее объятий.

– Вы боитесь за брюки? – полушепотом спросила девица. Они стояли почти вплотную друг к другу, и она провела рукой между их телами. – Действительно, сержант, такая опасность существует.

Она повернулась и отошла от него в глубь бунгало. Там, на вешалке, на крючках висел широкий выбор плавок и купальников. Мара прикинула размер бедер Болана и, выбрав плавки, бросила ему.

– Наденьте эти, – предложила она.

Болан двигался словно робот, машинально расстегивая рубашку. Девушка приблизилась к нему и начала развязывать галстук. Затем, аккуратно повесив рубашку на крючок, заставила Мака сесть на скамейку и стащила с него туфли и носки.

– Как правило, – сказала она с невеселой улыбкой, – я не оказываю таких услуг. Затем Мара взялась за его ремень:

– Но вы не похожи на других. Болан оттолкнул ее пальцы.

– Похожих нет вообще, – буркнул он в ответ, сражаясь с пряжкой своего ремня. – Я сейчас выйду, – продолжал он, глядя на свою собеседницу.

– Но ведь вы хотите совсем другого? – спросила девушка. Она сделала неуправляемое движение плечами, и лифчик упал на пол, обнажив полную упругую грудь с напрягшимися розовыми сосками. Мара соблазнительно потянулась, еще больше выпячивая вы-

сокую покачивающуюся грудь, а затем приподняла ее на ладонях, катая твердые удлинившиеся соски между пальцами. Болан был не в силах отвести взгляд от этой невероятной, восхитительной груди.

– Сетка щекочет, а я не могу спокойно переносить это, – пояснила она с лукавой двусмысленной улыбкой на ярких губах. – Вы мне слегка не помассируете спину?

Не говоря ни слова, Болан шагнул вперед. Едва он опустил ей руки на бедра, как Мара резким движением гибкого тела прижалась к нему и, покачивая бедрами из стороны в сторону, помогла ему стащить то немногое, что еще на ней оставалось. В свою очередь она одним рывком стянула с него брюки и трусы и прижалась к нему всем телом. Болан чуть не застонал от наслаждения, которое принес этот контакт с податливой, теплой и открытой плотью. Мара обвила его руками, царапая ногтями спину и мягко покачивая в круговом движении бедрами. Судорожно переводя дыхание, Болан снова вырвался из ее объятий.

– Вы оказались правы, – признался он. – Уже давненько у меня никого не было.

– В этом нет ничего плохого, – проворковала она, приятно удивленная его состоянием.

В этот момент Болан мог дать сто очков форы горилле в разгар брачного периода.

В маленьком бунгало негде было вытянуться в пол-

ный рост, но это совсем не смущиало Мару. Она усадила Болана на скамейку, сама устроилась у него на коленях, приподнялась и, ловко направив его в себя, опустилась вниз со вздохом наслаждения. Для Болана все чуть было не закончилось тут же. Он едва сдерживался, прижимая ее к себе, и, откинувшись спиной на скамейку, увлек девушку за собой. Она только ободряюще и горячо шептала:

– Хорошо... хорошо...

Не в силах долше выносить эту сладкую муку, Болан впился в упругую плоть ее бедер своими железными пальцами, еще плотнее прижимая ее к себе, и мир для него взорвался миллионами, нет, миллиардами ослепительных звезд.

Все произошло так быстро, что Болан засомневался в реальности случившегося.

Он приоткрыл глаза:

– Очевидно, вам это было не очень приятно, – проговорил он сокрушенным тоном. Она вытянулась на нем, прижимаясь к торсу Мака пышной грудью и, покусывая его за шею, совершенно расслабилась.

– Я могу подождать, – сказала она. – Вы, мужчины, когда возвращаетесь, кажетесь заряженными динамитом.

С трудом поднявшись, девушка посмотрела на него с улыбкой, бросив ему полотенце.

– Вы профессионалка? – внезапно спросил Болан.

Мара бросила на него удивленный взгляд и рассмеялась:

– Конечно!

– Тогда это не имеет для вас никакого значения. Я хочу сказать...

– Я знаю, что вы хотите сказать.

Мара подобрала его плавки, протянув их ему, затем оделась сама.

Некоторое время она молча наблюдала за ним, потом взяла свой лифчик, повертела его в руках, казалось, обдумывая что-то, и повесила на крючок, прибитый к стенке.

– Вы не правы, – неожиданно сказала она. – Кое-что имеет значение. И я вам докажу это. В следующий раз все будет гораздо лучше. Главное, что вы смогли разрядиться. Ну, а теперь пойдем купаться. Потом... в конце концов, мы найдем место поудобнее, чем эта чертова халупа. Хорошо?

Болан натянул плавки и улыбнулся ей в ответ:

– Согласен.

Когда они вышли из бунгало, Мак с наслаждением нырнул в теплую воду вслед за Марой. Он будет терпеливо ждать другого места и следующего раза. Мара, вероятно, тоже.

Глава 4

Уолтер Сеймур был страшно раздосадован. Не так просто найти себе место в Организации, как это может сразу показаться. Тем более с таким именем – Уолтер Сеймур. Вот, например, если бы его звали Джованни Скалавини или еще как-нибудь в этом роде, все было бы намного проще. Нату Пласки, безусловно, повезло – его имя почему-то казалось более благозвучным для ушей старой гвардии, хотя даже самый законченный идиот знал, что Пласки не имеет с Италией ничего общего. Что касается Лауренти, Сеймур взял его в дело без долгих размышлений, потому что не сомневался на его счет.

И уж, конечно, без него, Сеймура, Лауренти никогда бы не поднялся по иерархической лестнице выше уровня жалкого и мелкого гангстеришки, потому что имел душу пигмея и сердце раба. Но в данном случае, чтобы руководить таким делом, каким являлся "Триангл", причем делом, которое Сеймур всегда недолюбливал, подобное сочетание моральных качеств в Лауренти казалось идеальным. Однако Сеймур тем не менее наедине со своей совестью признавал, что больше всего в "Триангл" не любил именно Лауренти. Что касается фасада фирмы, то он представлял собой от-

личное прикрытие для отмывания незаконных денег, поэтому Сеймур был совершенно счастлив легально руководить фирмой, вот только Лауренти в силу своего образа мыслей считал это каким-то мошенничеством. Но, разумеется, "Триангл" являлся вотчиной Лауренти: старики любили его, потому что в его жилах текла итальянская кровь и к тому же вся его семья на протяжении четырех поколений – почти что с самого начала – была связана с Организацией.

Следовательно, имелись причины к тому, чтобы Сеймур с нескрываемым удовлетворением воспринял сообщение о смерти Лауренти. Не только из-за своего к нему отношения, говорил он сам себе, а главное – из-за того, что типы вроде Лауренти только вредят делу. В общем, Сеймур казался доволен происшедшим. Однако его тревожило то, как это произошло. Кто принял решение ликвидировать Лауренти и его людей? Почему?

Сеймур, будучи реалистом, хорошо знал, что главный босс Питтсфилда никогда не принимал его всерьез, и в течение вот уже десяти лет его положение оставалось довольно шатким. А теперь еще и этот вояка, Болан, тоже думает, что речь идет о сведении счетов между гангстерами. Если такое предположение могло возникнуть у прессы и полиции, то совершенно очевидно, что его "большой" босс и "большие" боссы всей страны могут подумать так же. Да и вообще хорошо

известно, что Сеймур никогда не скрывал своей явной антипатии к Лауренти.

Уолтеру Сеймuru явно не нравились еще несколько моментов. Во-первых, его очень беспокоил вояка-джи-ай. Несмотря на то, что точно удалось установить его и все казалось о'кей, Сеймур тем не менее нутром чувствовал, что с появлением Болана грядут большие неприятности. Уолтер Сеймур не доверял сержанту. Во всяком случае, пока. Уж очень многие интересовались в последнее время Организацией. Комитеты конгресса, министерство юстиции, ФБР – все совали в ее дела свои длинные носы. По этой причине Сеймур постоянно задавал себе вопрос относительно длины носа Болана. Предпринималось много попыток проникнуть в Организацию, но ни полицейские Питтсфилда, ни агенты ФБР, ни все прочие спецслужбы не добились успеха, по крайней мере, настолько, чтобы это стало опасным. Но Мак Болан все же беспокоил Уолтера Сеймура.

Во-вторых, ему казалось, что в его хорошо сыгранном оркестре кто-то пустил петуха, и фальшивая нота прозвучала неожиданно громко. Сеймур считал, что наилучший способ выявить предателя – наблюдать за ним день и ночь. А для этого его надо найти и предоставить ему свободу действий. Тогда останется лишь слушать, наблюдать и считаться со своим инстинктом. Рано или поздно предатель сам выдаст себя. И неваж-

но, кто его послал. Даже если это сам "большой" босс. Конечно, такой тип, как Болан, мог бы оказать немалые услуги Организации, но лишь в том случае, если он не шпион. Он мог бы даже стать козырной картой Сеймура. Лео Таррин сейчас уж слишком самостоятелен. К тому же он умен, симпатичен, честолюбив и, наконец, имеет звонкое имя – это плохо. Да, Уолту Сеймуру не давало покоя растущее влияние Лео Таррина. Ну что ж, столкнем лбами Болана и Таррина. Это будет мастерский удар. Если Болан действительно шпион, то больше всего он навредит тому, с кем чаще общается. Да! С какой стороны ни посмотри, славная выходит интрижка.

* * *

– Первое, о чем вы должны постоянно помнить, – сказал Таррин Болану, – это о том, что команду здесь я. Вы, если хотите, – унтер-офицер, но команды отдаю я. Второе, и не менее важное: никогда не произносите слово "мафия". Понимаете? Это Организация. Вы работаете на Организацию, а она работает на вас. Но вы не являетесь ее членом и никогда не сможете стать им. Это вопрос крови. Даже Сеймур не член Организации.

– А что, есть какое-то различие? – спросил Болан. Они сидели в машине Таррина: Лео предложил под-

бросить его до дома.

– Разумеется.

Таррин нажал на кнопку автомобильной зажигалки и стал шарить по карманам в поисках сигарет. Но свои кончились, и он взял одну из предложенной Боланом пачки "Пэлл Мэлл".

– Корни Организации уходят в глубину веков, – продолжал, прикурив, Таррин. – Все началось на моей родине, Сицилии, и напоминает легенду о Робине Гуде, только в отличие от сказки все происходило на самом деле. Бьюсь об заклад – вы даже не подозреваете, что идейной основой мафии явилась настоящая демократия, демократия для маленьких людей. Для тех, на которых все плевали с высокой колокольни. Этому движению позавидовал бы сам Робин Гуд – настолько оно было массовым.

– Нет, об этом я не знал, – признался Болан.

– И, держу пари, даже не подозреваете, что слово "мафия" происходит от имени Маттео, что значит "смелый, храбрый". Движение держалось в тайне, потому что шло вразрез с интересами общества той эпохи тирании, когда все деньги принадлежали богачам. Я имею в виду буржуа, дворян и аристократию. Все законы издавались с одной целью: богатых сделать богаче, а бедняков – еще беднее. Вы понимаете? Причем все законы одинаковы. Повсюду, не только в Италии и на Сицилии. Законы защищали и защищают богачей.

И тогда отряды храбрых, решительных людей выступили против них. Так было положено начало мафии. С тех самых пор и продолжается ее тайная жизнь.

– Хиппи, – пробурчал Болан.

– Что?

– Старинные итальянские хиппи, – заявил с улыбкой Болан. – За что они выступали? За пиццу в каждом горшке?

Лицо Таррина потемнело:

– Мне не очень нравится ваше чувство юмора. Я говорю совершенно серьезно. Сама по себе идея мафии очень демократична.

– Ну хорошо, тогда я тоже скажу серьезно, – произнес Болан. – Как насчет современной жизни, Лео? Конечно, лет сто назад в Италии, на Сицилии или еще где-нибудь, принципы мафиози были справедливыми. Но не здесь. Не сегодня. Мы в демократической стране. И у нас царит настоящая, законная демократия.

Таррин громко расхохотался:

– Вы что, серьезно?! Не давайте водить себя за нос! Ситуация почти не изменилась. Богатые по-прежнему богатеют, а бедняки еще больше нищают.

– Поймите меня правильно – ответил Болан, – Я не имею ничего против Организации – это было бы лишено всякого смысла, ведь я сейчас сам работаю на нее. Но я пытаюсь понять все как есть.

– Тогда смотрите на жизнь реально. Не принимайте

себя за какого-то жалкого уголовника. Вы сами сказали, что у вас нет ни пенса. Вы торчали во Вьетнаме, рисковали своей жизнью только ради того, чтобы богачи спали спокойно. Будьте реалистом, сержант. Разве Сеймур не говорил вам, что вы начинаете с двухсот пятидесяти долларов в неделю? Как вы смотрите на это?

Сержант улыбнулся:

– Зовите меня Болан-храбрец, капитан.

Таррин взглянул на него с симпатией:

– Черт побери! Мне кажется, что мы отлично поладим!

– А чем вы занимаетесь в Организации, Лео? спросил Болан.

– Девушками, – восторженно ответил Таррин. Сержант на секунду замолчал.

– Девушками?

– Да. Всякими. Прислугой и теми, кто составляет компанию для приличного ужина в ресторане, девушками по вызову и уличными проститутками. Мне называют цену, а я подыскиваю то, что нужно.

– По-видимому, они тоже храбрые и мужественные, а? – поинтересовался Болан, чувствуя, что язык его прилипает к гортани.

– Ну да! Вы работаете на Организацию, а она работает на вас. Мы перераспределяем накопления.

Болан расслабился и, опустив глаза, откинулся на роскошные кожаные подушки заднего сиденья "кадил-

лака".

– Конечно. Все зависит от того, как смотреть на жизнь, – чуть слышно, с трудом выдавил он.

Глава 5

Болан стал "надсмотрщиком". В счет будущей зарплаты его одели с ног до головы и снабдили "Кольтом-32" вместе с разрешением на ношение оружия. Документ появился как по волшебству, хотя Болан не обращался с такой просьбой ни к кому.

– Все законно, – подтвердил Таррин. – Не стоит об этом много говорить, и если когда-нибудь у вас возникнут проблемы, вы убедитесь, что ваше разрешение зарегистрировано должным образом. Так что не беспокойтесь. Этими деталями у нас занимаются автоматически сразу же после приема на работу нового служащего. Организацию трудно застать врасплох.

Прикрытием Таррину служила фирма "Эскортс ан-лимитед". Все ее офисы отличались шикарной обстановкой, не говоря уже о качестве отделки и оформления особых салонов клуба. Гордостью фирмы и самого Таррина являлся компьютерный отдел, возглавляемый дипломированным программистом и укомплектованный целым штатом опытных специалистов, обеспечивавших деятельность службы сопровождения.

– Служба сопровождения позволяет нам кое-что заработать. Причем этого как раз хватает на арендную плату и жалованье служащим. Мы даже взяли ссуду

под компьютер. – Таррин рассмеялся. – А все в целом финансировала наша старая знакомая "Триангл Индастриэл Файнэнс".

Официально должность Болана называлась "агент безопасности". Он был вписан в бухгалтерские книги "Эскортс Анлимитед" с зарплатой в 250 долларов в неделю, из них высчитывались страховка и налоги.

– Вы можете получать зарплату даже в бонах казначейства, – объяснил Таррин. – Однако пусть вас не беспокоят вычисления, они щедро компенсируются. У вас открыт новый, не облагаемый налогами счет. Так что все будет в порядке и в рамках закона, понимаете? Закон прежде всего.

Даже незаконная сторона дела выглядела вполне пристойно. Различные виды городской и пригородной проституции закладывались в компьютерные программы и для безопасности кодировались. Например, списки девушек по вызову находились под рубрикой "Сопровождающий персонал, предоставляемый по предварительному соглашению". Но существовал специальный код, позволявший получить совсем другие списки, то есть проститутки по вызову. Причем все выглядело совершенно законно и невинно. И никто не подозревал, что под обыкновенными заголовками типа "Сопровождающий персонал для незапланированных встреч", "Организованная общественная деятельность" подразумеваются уличные проститутки и их кол-

леги из борделей, принадлежащих Организации.

– Машина чертовски выгодна, – рассказывал Таррин Болану. – Еще бы! Во-первых, никаких ошибок; во-вторых, непосвященный не получит никакого представления о размахе дела. У меня под прикрытием работают сотни девушек, всех даже не упомнишь. К тому же с учетными книгами опасно иметь дело. У меня есть специальная штуковина, чтобы за одну секунду уничтожить секретные списки – комар носа не подточит. Стирается все, кроме того, что законно. Так почему же не воспользоваться такими возможностями? В этом и заключается научный прогресс, сержант. Мой программист назвал такой метод АСПП – "Автоматизированная система программируемой проституции" – и страшно гордится им. Этот тип – настоящий ученый, можно сказать, чокнутый! Но самое приятное состоит в том, что никто из персонала ни о чем не догадывается. Истинное положение вещей знают только два человека: я и программист. Компьютер полностью ввел всех в заблуждение. Нет ни одного свидетеля. Все совершенно естественно. Предположим, мистер Джон Смит звонит нам и делает заявку на обслуживающий персонал для делового приема. Все, что ему нужно, – это дюжина девиц для коктейля. Одна из сотрудниц принимает заказ. Если заказчик действительно хочет получить то, что имеет в виду, то он это и получит. Наша сотрудница пропускает заказ через машину и видит список

имен и телефонов. Она начинает обзванивать адреса-ты – в результате дело сделано, и все довольны: заказчик – потому что получает дюжину хороших манекенщиц для своего коктейля, "Эскортс анлимитед" – потому что его клиент удовлетворен и деньги находятся в кассе. Но если тот же Джон Смит в курсе нашей истинной деятельности и хочет получить в свое распоряжение несколько постельных тигриц, то в его самом обычном заказе прозвучит закодированная фраза, которая полностью изменит выводимые на экран списки, а секретарше будут предложены совершенно другие телефонные номера. Причем клиент даже не знает, что существует специальный код, просто наш человек немного подправляет его заказ и дает ему номер специального досье. Вот и все! Дело сделано. И главное – коды меняются ежедневно. Да, каждый день! Не следует пренебрегать осторожностью, к тому же мы знаем, с кем имеем дело. Причем в нашей работе возможны варианты. Допустим, некий тип желает вечером поразвлечься. Он дает об этом знать. Ну, например, словечко на ухо портье в отеле, дежурному по этажу или официанту в ресторане. Вы представляете, как это делается. Через некоторое время один из моих людей звонит сюда, в офис, и заказывает манекенщицу по специальному коду. Как правило, через десять минут девица уже работает, наш клиент счастлив, а секретарша готова дать голову на отсечение, что звонила манекен-

щице, которая фигурирует в наших списках. Все просто, как поток воды.

Кроме того, мы защищены и от претензий девиц. Предположим, какой-нибудь из них не повезло: допустим, она оказалась слишком неловкой. Такие случаи уже бывали. Естественно, мы возмущены. Представьте себе! Какая-то проститутка чернит наше почтенное имя, пользуясь реквизитами фирмы для улаживания своих делишек. Естественно, мы не собираемся нести за нее ответственность.

– Похоже, что у девиц нет достаточных гарантий! – заметил Болан.

– О-о! Не беспокойтесь, им достаточно лишь хлопнуть в ладоши. Если у них действительно возникли серьезные проблемы, мы обеспечиваем их адвокатом. Разумеется, без громкой рекламы. Причем оплачиваем расходы полностью либо частично. Мы платим также штрафы. Фирма заботится о наших девушках. Во всяком случае, до тех пор, пока они не начинают делать глупости. Вы работаете на Организацию, она работает на вас. Запомните это, Болан. Когда девушки готовы вернуться к работе, их вносят в списки под новыми именами и с другими адресами. Вот так! Теперь вы понимаете, как обеспечивается безопасность нашей работы? Мы хорошо прикрыты.

Кроме Таррина и программиста, в деле участвовали еще пять человек – "представители, или продавцы".

Они действовали в аристократических, деловых и политических кругах.

– Это шикарные ребята, – с гордостью заметил Таррин. – Среди них есть парни с образованием лучше моего. Они постоянно общаются с представителями высшего света, где их принимают за своих, и почти никогда не встречаются с девицами вне их круга. Представители получают определенный процент от прибыли и поэтому заинтересованы в том, чтобы дело не останавливалось ни на минуту. Они практически не имеют ничего общего с девушками с улицы или из борделей, еще меньше – с настоящим сопровождающим персоналом и девушками по вызову. Мы очень осторожны, сержант.

– Учитывая такую конспирацию, – предположил Болан, – я думаю, что вы тоже не встречаетесь с этими девицами?

Таррин улыбнулся и подмигнул ему:

– Не беспокойтесь, сержант, как бы вам вскоре не пресытиться женщинами, которых у вас будет даже больше чем нужно!

Он заразительно засмеялся:

– Я выхожу на них, когда мне захочется. Конечно, не столько на шикарных, э-э-э-э... Таррин смутился и покраснел:

– Иногда нужна разрядка, в других случаях необходимо контролировать дело лично. Особенно когда

речь идет о начинающих. Вы понимаете, что я имею в виду. Но, – добавил он смеясь, – у меня есть жена и трое ребят... Так что я не провожу все дни и ночи напролет в объятиях шлюх.

Болан подтолкнул его локтем:

– Бьюсь об заклад, что на вашем личном счету целая дюжина, не меньше!

– О-о, не знаю... – серьезно ответил Таррин, потом улыбнулся. – Сначала можно сойти с ума, если нет силы воли. Это плохо. Либо теряешь вкус, либо голову, что одинаково нехорошо. Иногда девушка переводится с другой службы. Такие случаи меня интересуют с точки зрения дебюта, ввода в программу. Но, как правило, это побочный метод найма. Я им помогаю, если хотите.

Болан прекрасно понимал, что имел в виду Таррин, и почувствовал, как мышцы его лица непроизвольно задергались. Но Таррин в этот момент не смотрел на своего нового компаньона.

– Однако, – заметил он, – я никогда не допускаю возникновения привязанности к этим девушкам. Я не могу позволить себе никаких эмоций. Вы понимаете?

– Думаю, что да, – сухо ответил Болан.

– Кроме того, эти сучки, отдающиеся за пятьдесят-сто долларов, начинают считать, что у них задница из чистого золота. Я лично их не люблю. Когда появляется настроение, я предпочитаю повидать девушек из

МОИХ ДОМОВ.

– Так у вас есть еще и дома? – усмехнулся Болан.

– Да, конечно. Это та часть рынка, которую я знаю лучше всего. И люблю больше всего, – добавил Таррин с улыбкой. – Это совсем другое дело. В каждом доме есть мадам, как в добрые старые времена. Ей поставляют девушек, она руководит делом, счетами и платит нашему представителю. Кроме того, она, как и представитель, получает от нас еще и комиссионные.

– Действительно, масштабное дело, – подтвердил Болан, – Вы еще убедитесь в этом, сержант. У нас есть с десятков дам, которые только и занимаются тем, что ищут подходящих девушек. Вы бы удивились, если бы узнали, где их находят: в университетах, на заводах, в конторах.

Таррин поднял брови, желая подчеркнуть свое удивление.

– На прошлой неделе, например, наняли одну из пригорода. Она только что вернулась из свадебного путешествия. У нас есть девушки из мюзик-холлов, танцовщицы, киноактрисы, всех не перечесать. Да что там, – Таррин махнул рукой, – любая женщина всегда немного шлюха. Самое любопытное, что большинство наших девушек по вызову работают на полставки: у них имеются еще и другие занятия. Собственно, весь персонал сопровождения – полставочники. Есть такие, что ни слова не скажут против, если их трахнет целый

взвод морских пехотинцев. Они очень милы, эти дамы, но не отказываются от дополнительного заработка. Лично я, – помрачнев, добавил Таррин, – предпочитаю добрых старых и честных потаскух. Они...

Он помолчал, а затем продолжал уже серьезно:

– Вы не представляете, как круто идут дела, сержант. Поймите одну вещь, поймите ее как следует. В этом городе у нас нет конкуренции. В округе тоже. Если в радиусе шестидесяти километров от этого места имеется хоть одна продажная девка, то можете быть уверены: она работает на Организацию, то есть на меня.

– Я очень рад, очень рад слышать это, – вставил внезапно Болан.

– Да. Любителям просто не дают работать. Их арестовывают. Либо они продолжают сотрудничать с нами, либо им приходится уезжать отсюда. Я хочу сказать, что нужно много работать, чтобы удовлетворить все запросы. И мы не можем позволить себе такой роскоши – платить тем типам, которые думают лишь о том, как бы им самим попользоваться товаром. Мне хочется, чтобы вы тоже об этом знали, сержант. Может быть, я говорю не совсем складно, в силу полученного мною образования, но я разбираюсь в делах, особенно в своих. Вы понимаете меня? Я шеф. И этим все сказано. Не нужно думать, будто я идиот лишь потому, что мягко веду себя. Поймите. Да, вы мне очень симпатичны, но это вовсе не означает, что я не вышвырну вас за воро-

та, если вы начнете делать глупости. Это вам ясно?

– Думаю, что ясно, – ответил Болан.

– Хорошо. Тогда выслушайте еще один совет. Выгоднее выполнять все заказы, чем ломать себе голову над тем, как ущемить любителей. Большие отели и мотели находятся под нашим контролем, как и несколько ночных клубов и особых ресторанов. Но у нас есть еще девочки с улицы. Они почти совершенно свободны, и некоторые работают у себя дома. При этом мы полностью доверяем им в отношении прибыли. Время от времени мы их проверяем, но большинство работает честно. Они держат небольшие бары и мелкие гостиницы. Мы им разрешаем работать и защищаем. Но они принадлежат нам. Каждая из них. Понятно?

– Абсолютно, – подтвердил Болан.

– Мы неплохо обращаемся с нашими девушками. Никаких проблем, если они ведут себя хорошо. По-настоящему они не принадлежат нам. Если им надоест, они уходят, но у них есть возможность возвращения. И девушки об этом знают. Они работают на себя. Это они тоже понимают. Организация предоставляет им клиентов, правда, не тем, которые работают на улице, и обеспечивает их защиту. Именно они получают максимум прибыли, а не мы. Как я уже говорил, это демократия для храбрых и смелых.

– Да, я помню, – ответил Болан.

– Ну, а теперь поедем со мной, – сказал Таррин,

вдруг широко улыбнувшись. – Вы увидите один из наших домов.

– Наконец-то! А я все думал, когда же смогу перейти к практической деятельности, – отозвался Болан.

– Вы еще не знаете, что такое практическая деятельность, – дружелюбно произнес директор закрытых домов Питтсфилда. – Я вас отвезу в свой второй дом, в котором собрано все лучшее, что мог предложить Питтсфилд. Клянусь, там есть что посмотреть и пощупать. Однако именно этого-то и не стоит делать. Пока не стоит, Болан!

Глава 6

Этот большой загородный дом ничем не выделялся среди других домов квартала. Кованые ворота были раскрыты настежь, а посыпанная желтым песком дорога вела прямо к дому. Садовник копошился над цветочной клумбой перед широким зеленым газоном. Густые кусты и деревья почти полностью скрывали здание от нескромных глаз с улицы. Участок вокруг особняка был обнесен высокой решеткой. Болан оценивающе взглянул на садовника и пришел к выводу, что он слишком молод и чересчур насторожен, чтобы являться тем, за кого себя выдает. Скорее всего, переодетый охранник. Машина чуть двигалась на холостых оборотах. Таррин наехал на посыпанную песком дорожку и притормозил, сосчитал до пяти и, улыбнувшись Болану, поехал дальше.

– Мы очень осторожны, – пояснил он. – В этом месте скрыто сигнальное устройство. Нужно всегда считать до пяти, иначе в доме начнется настоящая паника. – Таррин кивнул в сторону особняка:

– Мы называем этот дом Пайнчестер. Он имеет законный статус частного клуба.

– Красиво. Но, похоже, там никого нет, – ответил Болан.

– Еще рано, – сказал Таррин. – Днем особенно не работают. Большинство девиц сейчас спит или купается и загорает.

Лео заметил удивленной взгляд Болана и продолжал свои объяснения:

– Да, за домом есть бассейн, очень хороший, кстати. Это один из наших лучших домов. Во всяком случае, мой любимый. Все девчонки от меня без ума. – К тому же им нравится здесь. Шикарно, правда?

Болан кивнул, соглашаясь. Они проехали двойной теннисный корт и зеленую площадку для гольфа.

– А сколько здесь девушек? – спросил Болан.

– В доме двадцать две комнаты, – гордо ответил Таррин. – Иногда девиц больше, чем мест, тогда приходится крутиться, чтобы извлечь из такой ситуации максимальную прибыль.

Он посмотрел на своего компаньона:

– Мы продаем членские карточки. Это ведь клуб. К тому же он управляется как клуб. Но карточка дает лишь право входа и пользования бассейном и всем, что находится вне дома. Кроме того, время от времени мы организуем небольшие праздники для приглашенных. Конечно, по максимальной цене. Наши вечера всегда привлекают много желающих, списки составлены надолго вперед.

Таррин загнал машину в гараж, в котором с успехом могло поместиться еще пять таких же, и заглушил дви-

гатель, обращившаяся к Болану с широкой улыбкой:

– Почти половина начальства Гвинетта фигурирует в нашем списке. Другая половина жаждет в него попасть, – добавил он, смеясь.

Они вошли в дом через неприметную дверь, и ноги Болана тут же утонули в ворсе толстого, роскошного ковра.

– Здесь находится библиотека, – показал Таррин на дверь, мимо которой они проходили. – Конечно, красиво, но бесполезно. Почти две тысячи книг пылятся там на полках.

Они вошли в большой зал со сводчатым потолком и хрустальными канделябрами. Мягкие диваны и кресла группировались с небольшими столиками.

– Здесь салон клуба, – объяснил Таррин. – Его пытались сделать поинтимнее, но из-за огромных размеров это оказалось не так просто.

Он дернул за бархатный шнур – настоящий старинный звонок, – и Болан услышал, как где-то далеко зазвонил колокольчик, а спустя минуту в салон вошла высокая рыжеволосая девица, блистающая изысканной, почти классической красотой.

– О-о, Лео! Мой милый! – весело пропела она и, пробежав к нему, нежно его расцеловала. Болан удивленно отметил, что она на голову выше своего хозяина, но потом обратил внимание на ее высоченные каблуки и понял, что дает ей такое явное преимущество. Он

прикинул, что без каблуков она, должно быть, одного роста с Таррином. Узкие брюки с низкой талией плотно обтягивали ее длинные стройные ноги и соблазнительный зад, подчеркивая все формы рыжей красоти. С первого же взгляда Болан убедился – подчеркивать было что. Ее костюм дополнял короткий шелковый жакет с длинными расширяющимися рукавами, разрезанными от манжета до плеча и обнажавшими при каждом движении ее гибкие руки. Края жакета не сходились, по фасону их соединяли три ярко-красные завязки. Использовалась, правда, лишь одна – на груди. Эффект был потрясающий. Рыжая красавица не обращала на Болана никакого внимания до тех пор, пока Таррин не представил его ей.

– Знакомьтесь, Рида, мой новый помощник Мак Болан. Это – Рида Девиш.

Красавица смерила Мака быстрым взглядом с головы до ног, и он тут же почувствовал себя полностью покоренным. Она очаровательно улыбнулась и, еще раз взглянув на Болана снизу вверх, проворковала:

– Привет, Мак. Как там погода наверху?
– Тепло, – ответил он, также ей улыбаясь.
– А-а! Опять барахлит кондиционер, – серьезным тоном продолжала Рида. – Как только вы у нас пообвыкнете, познакомимся с вами получше.

Болан не знал, что и думать, но подобное заявление и его тон не могли толковаться двояко. В голове возник

вопрос, что за отношения у Риды с Таррином.

– И я могу вам гарантировать, что после этого вы станете совсем другим человеком! – добавил смеясь Таррин.

Эта фраза развеяла последние сомнения Болана.

– Я с нетерпением жду этого момента, – сказал он, глядя Риде прямо в фиолетовые глаза, и почувствовал, как по спине у него пробежали мурашки. Тут же мелькнула мысль: не заметил ли кто его состояния? Мак даже подумать боялся, что можно найти такую красивую женщину, да еще практикующую самое древнее ремесло на свете.

– Однако прежде всего терпение, – заметил Таррин. – Помните, о чем я вас предупреждал. Смотрите, но не трогайте.

Он шагнул вперед:

– Послушайте, сержант, нам с Ридой нужно поговорить о делах. Вы останетесь здесь, на посту. Понятно?

– Я на посту, капитан, – совершенно серьезно ответил Болан.

Таррин подмигнул ему и дружески хлопнул ладонью по спине.

– Я чертовски рад, что вы с нами, сержант, – с теплотой в голосе заявил он.

Лео повернулся к Риде, и вместе они вышли через арку в глубине салона, бок о бок поднявшись по лестнице. Они скрылись из виду, но Болан еще слышал

звонкий женский смех и приглушенный голос Таррина.

Сержант пожал плечами и стал расхаживать по салону, изучая висевшие на стенках картины с изображением обнаженной натуры и задаваясь вопросом, кто позировал для этих полотен. Если моделями служили обитательницы Пайнчестера, значит, действительно существовал такой уровень проституции, о котором он даже и не подозревал. Салон выглядел шикарно. Неужели так же обставлены и комнаты? Болан решил, что не стоит сомневаться. Все помещение пропитал дух роскоши и чувственности, а это значило, что здесь слово "деньги" начиналось с большой буквы "Д". Маку стало интересно, сколько же платят за одну ночь в этом дворце наслаждений.

От этих занятных мыслей Болана отвлекла хорошенькая блондинка, неожиданно появившаяся в салоне. Она казалась почти такого же роста, как и Рида, а молодостью и сексуальностью компенсировала красоту и манеру поведения хозяйки салона. Густые золотистые волосы пышной гривой падали незнакомке на молочно-белые плечи и ниже, заплетенные в толстую косу, лежали у нее на груди. Большие голубые глаза светились лукавством и задором, и тонкий, чуть вздернутый носик, деликатно очерченный подбородок, а также чувственный, слегка приоткрытый рот дополняли ее портрет. Озадаченная присутствием постороннего человека, девушка остановилась и, прикоснувшись кон-

чиком розового языка к верхней губе, нежным голоском спросила:

– А вы кто?

– Я жду мистера Таррина, – глупо ответил Болан. Учитывая обстоятельства, это было, по всей видимости, единственное, что он мог сказать в данной ситуации. Потому что появившаяся перед ним золотая богиня стояла, можно сказать, совершенно голая. На плечах у нее лежала длинная прозрачная шаль, концы которой спереди перекрещивались на высоте бедер, уходили за спину и поднимались до талии, где были завязаны в узел. Эффект создавался простотой и откровенностью одежды. Сказочной красоты грудь, казалось, рвалась на свободу из-под прозрачной ткани. Плоский подтянутый живот и круглые линии бедер служили идеальным антуражем для треугольника вьющихся волос, чуть более темных, чем золотая грива этой умопомрачительной нимфы. Шаль слегка прикрывала, но ничего не скрывала из ее анатомии. Ее бедра и длинные ноги казались одним текучим, бесконечным движением. У Болана пересохло во рту, и он нервно облизал губы, как прыщавый мальчишка, впервые попавший на стриптиз.

Блондинка не торопясь изучала его, и, очевидно, ей тоже нравилось то, что она видела. Ее тонкие пальцы скользнули под шаль, растянув ее еще шире в том месте, где ткань перекрещивалась. Панорама, пред-

ставшая округлившимся глазам Болана, заставила его мысленно застонать. Но он окончательно потерял контроль над своими вдруг сделавшимися непослушными глазами, когда увидел прямо перед собой гордо покачивающуюся тугую грудь с острыми рубиновыми сосками.

– Тогда пошли наверх, подождем вместе, – предложила девушка.

Она была абсолютно уверена в производимом ею эффекте.

– Так будет лучше, – произнесла она убедительным тоном. – Лео всегда забегает на часок, не меньше. Пойдемте. Мы возьмем здесь по стаканчику и выпьем наверху.

– Мне очень жаль, – возразил Болан, заподозрив что-то неладное, – но я должен ждать здесь.

Блондинка подошла вплотную и молча прижалась к нему обнаженной грудью. Сводящий с ума запах молодого женского тела чуть было не поколебал волю Мака Болана: он машинально положил руки на ее бедра, но тут же отдернул их, словно обжегшись.

Она прижалась к нему еще плотнее, ловя губами мочку его уха.

– У него всегда уходит на это не меньше часа, – жарко прошептала она. – Могу спорить, что нам понадобится не больше пяти минут.

Болан мягко, но решительно отстранился.

– Мне действительно очень жаль, – тихо сказал он. Девушка испытующе посмотрела на него, глаза ее блеснули, и она спросила:

– Что вы хотите этим доказать?

Крылья ее тонкого изящного носа побелели от едва сдерживаемого гнева.

– У вас в штанах прячется шикарная штука, и вы умираете от желания предложить ее мне! – грубо бросила она Болану.

– Вы совершенно правы, – ответил сержант.

Девушка рассмеялась коротким нервным смешком, качнула задом и изогнулась перед ним в сладострастной позе.

– Представьте, что вы это уже сделали, – воскликнула она.

– Я только тем и занимаюсь, – в тон ей ответил Мак и печально улыбнулся: – Кончайте ваши фокусы, милочка. Даже если здесь и подходящее для них место, то совсем не подходящее время. Так что уберите с моих глаз вашу очаровательную попку и дайте мне спокойно выполнить порученное дело.

Взгляд голубых глаз смягчился, и девушка по-новому, уважительно взглянула на высокого симпатичного мужчину.

– Ну что ж!.. – произнесла она нерешительно, потом широко улыбнулась.

Послышался резкий свист, тишину нарушил фон

включенной акустической системы, и из скрытых громкоговорителей раздался голос Лео Таррина:

– О'кей, сержант. Вы заработали себе хороший плюс! Послушайте, вы что, из железа? А? Хотелось бы мне знать, смог бы я устоять на вашем месте?

Никаких сомнений – Таррин получил огромное удовольствие, наблюдая за ним.

– Эй, Мак! Берите блондинку и поднимайтесь сюда. Вы слышите меня? Идите сюда и развлекитесь немножго!

– Я слышу вас, Лео, – ответил Болан, разыскивая глазами громкоговорители.

– Не теряйте времени! – сказал Таррин. – Это замкнутая телевизионная система. Я вам покажу ее позже. А ты, Митци, позаботься о моем приятеле, чтобы он потом не жаловался.

Девушка весело улыбнулась.

– Да, я вас поняла, Лео, – отозвалась она.

– Ты мне должна уже дважды, – расхохотался невидимый Таррин. Громкоговоритель снова зашипел, затем смолк.

– Вот видите, чего мне стоит ваше хорошее поведение? – заявила Болану девушка, не скрывая своего удовлетворения. Она взяла его под руку и потянула к лестнице:

– Ну, пошли. Мне кажется, я знаю одно местечко, где можно будет как следует упаковать вашу штуку. Или

вы по-прежнему думаете, что для этого неподходящий момент?

– Теперь самое время, – подтвердил Болан, послушно следуя за ней к выходу из салона.

Он знал, что легко выдержит следующее испытание. Блондинка провела его от лестницы по широкому коридору к двери в свою комнату. Они вошли в просторную, роскошно обставленную спальню, большую часть которой занимала шикарная кровать под балдахином. На полу лежал толстый белый ковер, а по всей комнате были разбросаны разные дорогие безделушки.

Болан присвистнул.

– Здорово, правда? – спросила блондинка. Она повернулась к нему с дразнящей улыбкой, и наконец взгляд синих глаз остановился на брюках Болана, затем ее рука проделала тот же путь.

– Что ты предпочитаешь? – спросила она, скромно потупив глазки и переходя на ты.

– Чего? – отозвался Мак, целуя ее нежное гладкое плечо.

– Тебе больше нравится сидя, стоя, лежа, на четвереньках, лицом к лицу или... – тут Митци красноречиво причмокнула вытянутыми в трубочку губами.

Болан с улыбкой отступил на полшага и, не торопясь, аккуратно развязал узел, соединявший концы шали, затем снял это подобие одежды через голову девушки и уронил на пол. С минуту он молча рассматри-

вал стройное, точеное тело Митци. Но вот она засмеялась и, соединив руки над головой и приподнявшись на носках, медленно сделала пируэт, закончив его тем же непристойным телодвижением, что и раньше в салоне.

– Так ты танцовщица! – с восхищением воскликнул Болан.

Девушка опустила руки и, улыбнувшись, остановилась перед ним с робким, даже смущенным видом, затем как-то неестественно рассмеялась и пошла к кровати, поглядывая на Мака через плечо. Откинув шелковые простыни, Митци взбила подушку и томно вытянулась на постели лицом к своему гостю. Болан раздевался, а она следила за каждым его движением. Не торопясь, Мак тщательно сложил одежду на стуле и, подойдя к кровати, с прищуром заглянул в голубые с поволокой глаза Митци. Она, мягко улыбаясь, предалась неге, проводя кончиком языка по красива очерченным полным губам и поглаживая ладонью простыню рядом с собой. Болан поймал ее за руку и одним рывком стащил с постели. Она неловко выпрямилась и открыла было рот, чтобы запротестовать, но Болан опередил ее:

– Ты любишь демонстрировать свое тело в движении, а мне это нравится. Я жду.

– Эй, послушай. Я хотела только...

– Пошевеливайся!

Митци задвигалась в плавном, чувственном танце,

ни в чем не уступая технике звезд стриптиз-клубов. Болан наблюдал за ней, уперев руки в бока, пока через несколько минут она не спросила его:

– Ты так балдеешь или это своеобразная форма наказания?

Митци остановилась, запыхавшись, и он увидел, что ее большие синие глаза метают молнии. Болан раскатиисто рассмеялся и привлек ее к себе, возбуждаясь от прикосновения к ее нагому телу:

– Будем считать, что ты тоже выдержала маленькое испытание. Ну, а теперь скажи, как ты больше любишь?

Девушка рассмеялась и расслабилась, поуютнее прижимаясь к нему:

– Если я могу выбирать, тогда на спине и медленно.

– Хорошо, – добродушно ответил Болан. – Только давай договоримся: обойдемся без этих твоих штучек.

– Каких?

Она снова растянулась на кровати и медленно подняла вверх свои длинные ноги.

– Я имею в виду эти позы, движения, походку, – объяснил Болан. – Ты устраиваешь такое представление для всех своих клиентов?

– Пока еще никто не жаловался, – гордо заявила Митци.

Мак опустился на колени и обнял ее одной рукой, целуя тугую, стоявшую торчком грудь. Поднимаясь по

ее стройной нежной шее, губы Мака не оставили без внимания ни одного сантиметра атласной, упругой кожи. Оторвавшись на секунду от своей добычи, Болан взглянул в ее прикрытые длинными ресницами глаза и впился в зовущие полураскрытые губы.

– Мне это очень приятно, – прошептала она, как только смогла говорить.

Томно вздыхая, девушка гладила мощные плечи и мускулистую спину Мака. Он согнул ее ногу и, подтянув к себе, поцеловал круглое колено, одновременно лаская обеими руками ее плотные крутые бедра.

– Тебе... нравятся женские ноги? – спросила она с лукавым блеском в глазах.

– Мне нравятся твои, – ответил Болан. – Но это не то, что ты думаешь, я пытаюсь понять, что производит на тебя наибольший эффект.

– На меня все действует, – быстро отреагировала Митци.

Руки Болана продолжали нежно поглаживать бедра девушки. Ее нога невольно дернулась, и она вздохнула, прикрывая глаза.

Болан улыбался.

– Ну, хорошо, – согласилась она. – Допустим, кое-что оказывает на меня больший эффект, но ты вообще-то собираешься переспать со мной?

Вместо ответа он перевернул ее на живот, продолжая ласкать стройную спину и выпуклые ягодицы блон-

динки в поисках наиболее чувствительных точек. Через несколько минут ее дыхание участилось, стало прерывистым, а щеки покрылись жарким румянцем.

– Скажи... скажи! – торопила она с ответом.

– Да.

Митци резко перевернулась на спину, обвила его шею гибкими руками и впиалась полураскрытым ртом в его губы...

Глава 7

От резкого звонка в дверь Болан проснулся, рывком вскочил на ноги, бросил взгляд на часы и, недовольно фыркнув, пошел открывать. В дверном проеме возвышалась громоздкая фигура лейтенанта Ала Уотерби. Полицейский быстро оглядел роскошную гостиную, затем его испытующий взгляд остановился на недовольной физиономии хозяина квартиры.

– Считайте этот визит дружеским, – произнес Уотерби с ядовитой усмешкой. – Я хотел...

– Мне кажется, что визит в пять часов утра несколько рановат даже для дружеского, – перебил его Болан.

– Когда товарищ в беде, не стоит считаться со временем, – заметил Уотерби. – Я решил повидать вас, чтобы сообщить вам кое-что весьма любопытное.

Нельзя сказать, что Болан вел себя как внимательный, любезный хозяин. Оставив лейтенанта посреди гостиной, он вышел в небольшую кухоньку, поставил кипятить воду и, вытащив из кухонного шкафа пару чашек и банку растворимого кофе, выглянул в гостиную.

– Эй, идите сюда, – крикнул он лейтенанту. Массивный силуэт Уотерби возник на пороге кухни. Болан восседал на высоком табурете перед баром.

– Сейчас будет готов кофе. Кстати, вы, кажется, хо-

тели мне что-то сказать? Детектив молча кивнул головой.

– У меня есть информатор, – кратко объяснил он, усаживаясь на табурет рядом с Маком. – Он сообщил, что на вас, Болан, заключен контракт.

Болан помолчал, потом произнес:

– Я не понимаю.

– Контракт на ваше убийство, – уточнил полицейский. – Кто-то хочет вас прикончить. Теперь понятно?

Болан какое-то время разглядывал детектива, словно видел его впервые, затем закурил и заглянул в чайник: не кипит ли.

– Почему вода по утрам всегда так долго не закипает? – сдержанно спросил он.

– Вы отдаете себе отчет в том, что я вам сказал?

– Еще как.

Сержант сполз со своего табурета, шагнул к электроплите и с интересом потрогал пальцем чайник с водой, потом повернулся к своему утреннему гостю и снова пристально уставился на него.

– Вы пытаетесь меня запугать, так, что ли? – спросил он тихим ровным голосом.

Уотерби вздохнул и отрицательно качнул головой:

– Нет. Мне просто хочется вам помочь. Послушайте, Болан, давайте начистоту. Я приказал своим парням не спускать с вас глаз, ведь вы ведете свою игру с этой шайкой. Так вот, теперь они тоже поняли это. Неужели

вы рассчитывали до бесконечности водить их за нос, а?

Болан зачерпнул ложкой кофе и толкнул банку Уотерби. Вода в чайнике закипала.

– А-а-а, вы говорите про этих "маттео", – протянул он. – Они не так уж умны, как вам кажется.

Нахмурившись, Мак посмотрел, как бурлит-пузырится кипящая вода, снял чайник с плиты и налил воды себе, потом, перехватив чайник другой рукой, плеснул кипятку Уотерби, размешивая при этом свой кофе свободной рукой.

– Я знавал много покойников, которые придерживались вашего мнения, – заметил Уотерби, помешивая ложечкой горячий кофе. Он поднес чашку ко рту и осторожно отпил глоток.

– Они все поняли, Болан, – продолжал детектив, при этом не переставая шумно дуть на кофе. – Они знают, кто вы и, по-видимому, догадываются, почему вы так заинтересовались ими. Короче, есть контракт и в него вписано ваше имя.

– Что мне теперь делать? – спросил Болан. Их взгляды скрестились, как клинки шпаг. Уотерби мрачно усмехнулся и ответил:

– Бежать. Как можно скорее и как можно дальше: лучше всего куда-нибудь в район юго-восточной Азии.

– Нет, я не побегу, – покачивая головой, отозвался Болан. – Сколько времени прошло с момента подписа-

ния этого э-э-э... контракта?

Уотерби мельком глянул на часы:

– Почти четыре часа, если мои данные точны.

– И обычно сколько времени им требуется, чтобы перейти к делу?

Уотерби пожал широченными плечами:

– Немного. Они, очевидно, полагают, что это будет просто. Мне сказали, что в контракте указана сумма в пять тысяч долларов.

Он опять вздохнул:

– По правде говоря, Болан, когда я ехал сюда, то наполовину был уверен, что уже не застану вас в живых.

– К чему весь этот цирк? – спросил Мак. – Я кручусь у них под носом целый день. Раз они могут прихлопнуть меня в любой момент, зачем играют в кошки-мышки?

– Но вы тоже, разве нет?

– Что вы хотите этим сказать?

Здоровяк полицейский рассмеялся:

– А что вы ожидаете от меня услышать? У вас есть цель – уничтожить этих сволочей. Не стоит тратить энергию и пытаться отрицать и доказывать обратное. Я на это не рассчитываю. Тем не менее это ваш образ действия, не так ли? То же самое можно сказать и в отношении мафии. Только у них это делается по контракту.

Ворча еще что-то себе под нос, Уотерби отставил чашку:

– Отвратительный кофе. Вы так и не закипятили воду. Ладно...

Затем он соскочил с табурета и потянулся, уперев руки в бока:

– Я вас предупредил. Это мой долг, как я его понимаю. Но это все, что я могу сделать, если только вы не обратитесь за защитой к полиции.

В ответ Болан насмешливо пробурчал:

– Каково мое положение перед законом? Предположим, я убью их прежде, чем они меня? – спросил он.

– Вас арестуют и предъявят обвинение в преднамеренном и подготовленном убийстве, – спокойно ответил Уотерби, шагая к выходу.

Болан проводил его до двери.

– Но это будет законная самозащита, – возразил он.

– Что правосудию еще придется доказать, – ответил детектив.

Он остановился уже на самом пороге и обернулся. На его губах играла тонкая улыбка:

– Послушайте, как бы там ни было, я всем сердцем с вами. Но это неофициально, между нами. Я должен исполнять свой долг, и поэтому, если вы еще раз нажмете на спусковой крючок в нашем городе, вам придется иметь дело со мной. Кстати, если честно, у вас нет шансов на успех. Так что я прежде всего советую вам сознаться в убийствах, совершенных 22 августа, и сдать властям. Хороший адвокат сможет небез-

успешно свалить все на временное помешательство. Если такое решение вас не устраивает, я могу вам дать только один совет – бегите. И как можно скорее. Вы не должны объявлять им войну, Болан. Вы не сможете их победить.

Полицейский открыл дверь и вышел на лестничную клетку:

– Ну так что... едете со мной? Болан отрицательно покачал головой:

– Спасибо, лейтенант, езжайте без меня.

Затем закрыл дверь, не теряя времени, вошел в ванную комнату, спокойно почистил зубы, побрился, принял душ и оделся. Потом Мак внимательно осмотрел кобуру, которую дал ему Таррин, тщательно проверил небольшой револьвер и только тогда сунул его в кобуру под мышкой. В выдвижном ящике кухонного шкафа Болан взял четыре коробки патронов для револьвера 32 калибра и рассовал их по всем карманам. Затем он вернулся в спальню и переставил мебель, придвинув изголовье кровати к окну, выходящему на восток, приоткрыл жалюзи навстречу лучам встающего солнца, свернул в ком покрывала и сунул их под простыню. Покончив со спальней, Мак прошел по всем остальным комнатам, гася свет и задергивая шторы. После этого он снова вернулся в спальню.

В платяной шкаф он поставил стул, подошел к двери в свою комнату и запер ее, а затем расположился на

стуле в шкафу, прикрыв дверцу ровно настолько, чтобы перед ним оставалась лишь узкая щель. В последний раз проверив свой револьвер, Болан принялся терпеливо ждать, как научился этому во Вьетнаме.

* * *

Было ровно семь часов утра. Двое мужчин вышли из лифта и остановились перед дверью квартиры Мака Болана. Однако звонить они не стали. С минуту они внимательно прислушивались, прикинув к двери, а потом один из них попытался открыть замок отмычками. Понадобилось несколько крайне осторожных попыток, пока наконец он не прошептал:

– Готово.

Дверь открылась тихо, без скрипа. Пришельцы вошли не сразу: еще немного постояли у входа, чтобы глаза привыкли к царившему в квартире полумраку.

– Он еще спит, – прошептал первый. Второй молча кивнул, неслышно пробираясь в глубь квартиры.

Первый, повыше ростом, замешкался у двери в спальню, вытаскивая из-под пиджака и проверяя длинноствольный пистолет с глушителем. Второй, дотрагиваясь кончиками пальцев пистолета напарника, улыбнулся и произнес одними губами:

– Будь осторожен, говорят, он очень быстро стреля-

ет.

Первый согласно кивнул и медленно повернул ручку двери. Секунду-другую он простоял неподвижно, затем распахнул ее настежь и пошел в спальню, сопровождаемый своим компаньоном. Ослепленный лучами уже яркого солнца, тот, что повыше, вскинул руку с пистолетом и быстро нажал на спусковой крючок. Раздалось три "пест", и покрывала под простыней впитали в себя свинцовый яд этого шипения. Неожиданно справа раздался звук отодвигаемой в сторону двери, и спокойный голос объявил:

– Я здесь, Чарли...

Оба повернулись одновременно, и им в лицо полыхнуло оранжевое пламя, а комната завибрировала от грохота быстрых выстрелов пистолета Болана. Алая струя фонтаном вырвалась из горла первого, все еще державшего оружие, второй грузно осел на пол, сунув руку под пиджак у самого сердца, карикатурно имитируя Наполеона, и на его светлом пиджаке появилось, быстро увеличиваясь, алое пятно. Еще одна пуля попала первому в лицо, под правый глаз, и он тоже упал, по-прежнему сжимая в мертвой руке уже не нужный ему пистолет.

Мак Болан вышел из шкафа и, подойдя к трупам, склонился над ними, проверяя результаты своей профессиональной работы. Выпрямившись, Мак сунул револьвер в кобуру и быстро вышел из квартиры. На лиф-

те он спустился в цокольный этаж, потом по лестнице позади дома поднялся наверх, перешел улицу и, открыв своим ключом служебную дверь здания напротив, скрылся за ней. Минутой позже он входил в небольшую студию. Поставив воду для кофе, он снял подушки с широкого дивана, и его взору открылся мощный карабин "Марлин-444" с точнейшим оптическим прицелом. Все металлические части оружия и сам прицел были заботливо укутаны мягкой фланелью. Из-под дивана Болан выудил ящик с патронами, коробку с аксессуарами для чистки оружия и принялся за работу.

– Еще посмотрим, кто кого недооценивает, – пробурчал он, рассматривая на свет канал ствола карабина.

Как бывший снайпер Болан охотно разъяснил бы, что ни одна запланированная наступательная операция не обходится без предусмотренного отступления.

– Но это не отступление, – продолжал рассуждать он, любовно протирая промасленной ветошью металлические части "Марлина", – это стратегический отход на новые позиции.

Мак подошел к окну и выглянул на улицу. В отдалении завывала сирена. Болану захотелось узнать две вещи: какова будет реакция "маттео", когда они узнают, что контракт сорвался, и как воспримет новость лейтенант Уотерби. Сержант отдавал себе отчет в том, что отныне ему придется действовать с предельной внимательностью. Теперь он стал поперек горла всем: и

полицейским, и мафии, и наемным убийцам – всему миру. Болан поежился.

"Страх – нормальная реакция, – думал он, – вое-пользуйся этим! Заставь его работать на себя! Пусть мафиози бегут от тебя, как от огня, пусть они боятся тебя еще больше, чем ты их. Тогда можно рассчитывать, что они наделают глупостей. А как быть с этими чертовыми полицейскими? Придется их избегать, – решил для себя Болан. – Но как долго это протянется? Недолго, – тут же трезво ответил он сам себе. – Скорее всего, в его распоряжении лишь несколько дней. Значит, за это время он должен выполнить свою сверхзадачу: уничтожить здесь мафию, обратив ее в бегство, не попасть на мушку наемным убийцам, обойти стороной полицию и самому не потерять самообладания. Все это – за два-три дня. Получится ли? – Мак ласково погладил приклад "Марлина". – Получится. Либо он сделает это, либо ему не жить. Третьего не дано. – По спине снова пробежали ледяные мурашки. – Да, выбор небогатый".

Только сейчас до Болана дошла вся жестокость этой истины. Он заварил всю кашу из мести, а теперь проблема обернулась к нему другой стороной. Чувство справедливости, ощущение безвозвратности потерь, желание действовать независимо – вот три кита, на которых основывалась месть Болана. Но теперь речь шла уже не о мести. Он больше не испытывал ненави-

сти к Пласки, Таррину и Сеймуру. Он научился их понимать, и теперь это чувство больше не доминировало над ним.

Ничего личного между Боланом и его врагами уже не осталось: ни ненависти, ни сведения счетов, лишь холодная и ясная решимость стереть с лица земли всех тех, кто был похож на виновников смерти его отца.

Начинался крестовый поход без креста.

Необъяснимый. Бесконечный. С одним только правилом: убить или быть убитым.

Глава 8

Перевалило за полдень, когда большой черный лимузин въехал в ажурные кованые ворота. Колеса машины на несколько секунд остановились на едва приметном выступе. Водитель махнул рукой молодому человеку, одетому под садовника, и медленно поехал по посыпанной гравием аллее к Пайнчестеру. Затем припарковал машину возле гаража, вошел через черный ход и нетерпеливо подергал шнурок звонка, объявляя о своем приходе. Не прошло и минуты, как уже знакомая рыжеволосая хозяйка Пайнчестера, на этот раз в зеленых в обтяжку брюках с разрезами на стратегических местах, появилась в салоне. Улыбка сползла с ее красивого холеного лица.

– А-а-а, сержант, – разочарованно произнесла она.
– Что вы здесь делаете?

Она обшарила салон взглядом, разыскивая другого человека.

– Вы хотите знать, что я здесь делаю? – спросил Болан с улыбкой. – А вы не догадываетесь?

Профессиональная улыбка снова засветилась на лице красотки. Она натянуто рассмеялась и, поколебавшись, сделала шаг навстречу Болану.

– Митци говорила мне, что вы сущий дьявол. Я по-

лагаю, что сегодня вы приехали посмотреть на меня, а? Если так, то нет проблем.

Она подошла еще ближе, пытаясь обнять его за шею, но Болан уклонился от объятий, отступив назад и, похлопав ее по плечу, заставил опустить руки.

– Вы прекрасно знаете, что нет.

– Тогда что вы хотите? – спросила она испуганно.

– Я хочу, чтобы вы все вышли отсюда, – заявил Мак, – если не желаете превратиться в жаркое.

Рида смотрела на него и не понимала, о чем идет речь.

– Дом горит, что ли?

– Загорится с минуты на минуту. Выводите девушек! Немедленно!

Ее фиолетовые глаза гневно сверкнули, но тотчас спрятались под густыми ресницами от сверлящего и колючего взгляда Мака Болана. Хозяйка Пайнчестера нерешительно повернулась, затем быстро подошла к столу возле двери, выдвинула ящик и стала рыться в нем. Подобравшись, как ночной хищник, Болан последовал за ней и резко и сильно оттолкнул ее от стола. С приглушенным криком Рида упала в ближайшее кресло, а затем медленно поднялась, потирая расцарапанную руку и со злобой наблюдая за Боланом, вытаскивавшим обойму из небольшого автоматического пистолета, который она пыталась достать из ящика стола.

– Будет лучше, если вы поторопитесь, – дружески посоветовал он. – Я подожгу этот барак через несколько секунд. Пусть все выходят через пожарный ход со двора.

Болан швырнул разряженный пистолет в дальний угол салона, подобрал газету и поднес ее к весело вспыхнувшему язычку пламени своей зажигалки. У Риды перехватило дыхание, затем она стремглав ринулась вверх по лестнице.

Болан бросил пылающую газету на пол, ногой задвинув ее под шторы, потом поискал другую, поджег и заботливо пристроил среди дорогой мебели... Через несколько минут салон напоминал гигантскую печь.

Болан вышел из дома тем же черным ходом, сел в машину и поехал к воротам.

– Дом горит, ты что, ослеп? – бросил он садовнику. Тот удивленно взглянул на него, обернулся и, на мгновение застыв в ужасе, сломя голову бросился к пылающему дому.

– Ай-яй-яй! – покачал головой Болан. – Ох, уж эти мне старые деревянные дома!

Он спокойно миновал ворота и несколько сотен метров проехал по улице, а затем остановился вплотную к ограде и заглушил двигатель. Вытащив из-под заднего сиденья большой карабин, Болан вышел из машины и, взобравшись на стену, легко соскочил на мягкий газон с другой стороны. Держа карабин на плече,

он настороженно, по-тигриному пересек открытый участок парка, направляясь к невысокому холму, с которого хорошо просматривался дом и посыпанная гравием дорога. Мак устроился в углублении, на самом верху холма, и стал с интересом наблюдать за ходом событий.

Повсюду с криками бегали полураздетые обитательницы Пайнчестера, охваченного бушующим пламенем. Болан без труда различил зеленый костюм Риды и глянул на нее в оптический прицел, который с поразительной четкостью приблизил ее взбешенное лицо. Болан удовлетворенно хмыкнул. Рида была вне себя от бессильной злобы и ярости. Старый дом превратился в один огромный костер. Среди полураздетых напуганных девиц бесцельно бродил "садовник" с огромным револьвером в руке.

Болан услышал пронзительный вой сирены пожарной машины, и через несколько секунд она, визжа тормозами, въехала на территорию Пайнчестера.

Пожарная машина разворотила ухоженный газон, резко остановившись возле самой ограды. Из нее выскочил пожарник в форме и замахал руками, подавая знаки следовавшей за ним машине с раздвижной пожарной лестницей. Он что-то коротко скомандовал, и машина с лестницей поехала к пылающему дому. Болан снова улыбнулся. Он догадался, что, скорее всего, офицер-пожарник выразил сомнение в целесообраз-

ности тушения пожара. Дом превратится в пепел раньше, нежели они успеют развернуть пожарные рукава и запустить насосы. Рида и ее девицы сгрудились вокруг машины пожарных, которые, казалось, заинтересовались ими больше, чем самим пожаром. Начальник команды сел в свою машину, и она также подъехала к дому. Болан терпеливо ждал.

В огне прогрехотал взрыв, за ним другой. Мак догадался, что взорвались машины, о которых в суматохе забыли и не выгнали из гаража. Полуголые девицы нервно прохаживались по аллее, а одна из них, босая, уже направилась к выходу. "Беспокоится", – подумал Болан. Он прекрасно понимал ее. Совершенно очевидно, что у полиции возникнет немало вопросов по поводу целой толпы полуголых девиц, невесть откуда появившихся на месте пожара.

На аллею въехала полицейская машина, подобрала девицу, пытавшуюся дезертировать с "поля боя", и направилась к основной группе, сбившейся в кучку на зеленом газоне. Болан видел, что Рида о чем-то оживленно беседовала с полицейским. Чтобы рассмотреть получше их лица, Мак глянул в оптический прицел. Старые друзья, по всей видимости. Полицейский с улыбкой слушал рассказ Риды, кивая головой.

Пожарным оставалось смотреть, как огонь торопливо пожирает дом. Большинство девиц расположилось на мягкой травке газона, Рида с двумя другими девуш-

ками устроились в полицейской машине. Начальник пожарной команды, облокотившись на свою машину, с удовольствием разглядывал молодых женщин. Здоровенный лимузин медленно въехал в ворота и привычно остановился на выступающем участке дороги. Болан уже рассматривал, его пассажиров в оптический прицел. Таррин сидел впереди, справа от водителя. В шофере Мак признал одного из телохранителей Сеймура; еще двоих, сидевших сзади, он не разглядел.

Первыми выстрелами Болан разнес в клочья передние колеса машины, пока та стояла у ворот. Третью пулю он послал в лобовое стекло между сидевшими в лимузине. В оптическом прицеле мелькнуло удивленное и напуганное лицо Таррина, нырявшего на пол. Задняя дверь машины открылась, и из нее тяжело выбрался грузный человек, прижимая окровавленный платок к левой щеке. Болан недовольно прищелкнул языком: пока он никого не хотел трогать. Грохот выстрелов мощного карабина породил гулкое эхо, прокатившееся по всей территории парка догоравшего Пайнчестера. Полицейский выскочил из машины и бросился к месту пожара, куда в настоящий момент было приковано всеобщее внимание. Болан, от души рассмеявшись, снова прицелился в лимузин на аллее. Несмотря на пробитые колеса, водитель все еще пытался проехать вперед. Мак прикинул, в каком месте под капотом находится карбюратор, и сделал два быстрых вы-

стрела. Машина тут же остановилась, словно наткнулась на невидимую преграду. Капот взрывом сорвало с петель и, перевернув в воздухе, отбросило в сторону, а из двигателя вырвались длинные языки пламени. Почти одновременно открылись все двери, и пассажиры горячей машины по-спринтерски рванули к ближайшим деревьям. Болан был к этому готов и следующую пулю всадил в бедро одного из беглецов. Затем, оставив его в покое, Мак перевел карабин на полицейскую машину. На ходу вытаскивая оружие, полицейский бежал к загоревшемуся лимузину. Суматоха, царившая на пожаре, явно играла на руку Болану: пока никто еще не связал выстрелы с невысоким холмом в стороне от пожара.

Не желая упускать такую возможность, он снова дважды нажал на спусковой крючок, целясь в колеса патрульного автомобиля. Машину тряхнуло, и она осела на обода. Женщины, сидевшие в ней, с визгом бросились врассыпную. Так же методично, будто стреляя в тире, Болан продырявил покрышки пожарных машин.

Наконец Мак решил, что наделал уже достаточно шума, и, положив карабин на плечо, покинул свою огневую точку. Забравшись на дерево, он перепрыгнул с него на каменную стенку, а оттуда – на крышу своего автомобиля. Тщательно укрыв "Марлин" в багажнике, Болан сел за руль, развернулся и медленно проехал перед муравейником, который сам же и растревожил.

Полицейский стоял с пистолетом в руке, тупо уставившись на пустой, объятый пламенем автомобиль. Его пассажиры уже исчезли, не желая привлечь к себе излишнее внимание. А перед воротами начали собираться уличные зеваки, оживленно комментируя невероятные события, происшедшие в таком респектабельном частном владении. Болан же дал газу, быстро оставляя позади разгромленный Пайнчестер с его растерянными обитательницами, полицией и пожарными. Когда он свернул на дорогу, ведущую к дому Лео Таррина, жившего километрах в пятнадцати отсюда, в другом пригороде, на губах Болана заиграла широкая, не предвещавшая ничего хорошего улыбка.

На дорогу ушло примерно двадцать минут, и, когда машина остановилась перед дверью дома Таррина, на часах Болана было ровно два часа. Красивая брюнетка лет тридцати открыла дверь. Мак представился ей, и она, мягко и любезно улыбнувшись, пригласила его пройти в дом. Но Мак отказался.

– Так вы знаете мое имя? – спросил он.

– О, конечно, – подтвердила брюнетка, – Лео очень хорошо отзывался о вас, мистер Болан. Может быть, вы все же зайдете? Я не знаю, когда...

– Спасибо, нет. Откровенно говоря, я не рассчитывал застать Лео дома, – быстро добавил Болан. – Кроме того, мы только что расстались. Я забыл сказать ему одну очень важную вещь, но, проезжая мимо, по-

думал, что мог бы оставить ему сообщение.

– Принести вам ручку и бумагу? – спросила супруга Таррина.

– Нет. Сообщение очень простое, – сказал Мак серьезным тоном. – Просто скажите ему, что железный человек разорвал контракт и хотел было отдать его Лео во время сегодняшнего пожара, но потом передумал. Я полагаю, что он может подождать день-другой.

– Я... я думаю, что поняла, – ответила женщина, глядя на Болана с любопытством.

– Очень хорошо. А! Скажите ему еще, что я мог бы вручить тот контракт его жене и детям, – добавил он с усмешкой. – Это тоже очень важно. Постарайтесь ничего не забыть, пожалуйста.

Лицо молодой женщины несколько омрачилось:

– Мистер Болан; я не совсем...

– Это такой код, миссис. Лео поймет, что это значит.

Болан повернулся и направился к машине. Брюнетка шла за ним следом.

– Э-э... мистер, Болан? Какие у вас отношения с моим мужем? Извините меня за любопытство.

Мак обернулся и, лучезарно улыбнувшись, спросил:

– Неужели муж вам ничего не говорил? Разве вы не знаете, чем он занимается?

– Ну... конечно, – как-то неуверенно ответила она. В ее взгляде явно сквозило сомнение, и Болан подумал, что оно, по-видимому, раньше уже не раз посещало ее.

– Но... – продолжала она, – он занимается многими делами. Я хотела бы знать только...

– Какова моя роль в этом? – Болан закончил за нее фразу.

Молодая женщина смущенно кивнула, не скрывая тем не менее своего любопытства.

Болану не хотелось говорить ей правду. Она выглядела такой хрупкой и незащищенной... Но существовали соображения другого порядка.

– Я один из его подручных.

– Как вы сказали?

Мак спокойно распахнул пиджак и показал ей "Кольт-32", уютно устроившийся в кожаной кобуре у него под мышкой.

– Разве вы не знали, что ваш муж мафиози? – невозмутимо спросил он.

– Кто?!

Ценой больших усилий она удержалась от крика, ее красивое лицо исказила гримаса ужаса и отвращения, а из глаз градом полились слезы.

– Я уверен, миссис, что в ваших жилах течет достаточно итальянской крови, чтобы понять, о чем я говорю, – сердечно добавил Болан.

Он быстро спустился по ступенькам и, не оборачиваясь, зашагал к своей машине. Жена Таррина по-прежнему стояла в дверях, оглушенная дикой, невероятной новостью. Она прислонилась к косяку и закрыла

лицо руками. Проезжая мимо, Болан с жалостью посмотрел на нее, почувствовав себя последним мерзавцем, затем тяжело вздохнул и взял курс на виллу Уолта Сеймура. В конце концов... на войне как на войне, все средства хороши, какими бы низкими они не были. Завтра эта красивая женщина станет вдовой, а сегодня получит на ночь перепуганного до смерти муженька. В этом вся суть крестового похода: в нем нет места морали.

Мак Болан взглянул на часы. Если удастся избежать на дороге пробок, то часам к трем он должен быть уже у Сеймура. Чтобы нанести очередной удар. И, возможно, смертельный.

Глава 9

Болан остановил машину на грунтовой дороге позади владения Сеймура и, сняв пиджак, натянул на себя зеленый комбинезон, затем, расстегнув кобуру, сунул револьвер за пояс, после чего затянул широкий ремень с сумкой для инструментов, которую носят служащие телефонных компаний или электрики. В одном из ее отделений лежал широкий охотничий нож, в остальных – плоскогубцы, отвертки, кусачки и прочие инструменты. Еще одна сумка, висевшая у Болана на плече, дополняла его маскарадный костюм. Оставив "Марлин" в машине, Мак быстро пересек лесополосу и легко пробрался через изгородь, окружавшую земельный участок Сеймура, выломав из нее несколько штакетин. Сеймур, очевидно, доверял своей вооруженной охране больше, чем стенам в стиле Мажино. Болан подумал, что большинство его людей должны находиться сейчас на пожаре.

Участок действительно казался безлюдным. Не скрываясь, Мак дошел до самого бассейна без всяких происшествий.

Остановившись на краю бассейна, он вытащил из сумки маленький пакетик, разорвал его, а содержимое высыпал в воду, которая немедленно стала окраши-

ваться в кроваво-красный цвет. Болан столкнул туда же два шезлонга, проследив за ними: утонут или все-таки останутся на плаву? В этот момент из лесопосадки упругой спортивной походкой вышел мужчина в белых брюках и красной куртке. Его взгляд скользнул от Болана к бассейну и снова задержался на Маке.

– Черт побери... – начал он.

Его рука молниеносно нырнула под куртку, появившись вновь уже с пистолетом. Болан сделал вид, что не замечает оружия.

– Я не знаю, – сказал он совершенно спокойно, – но мне кажется, что с бассейном не все в порядке.

Он посмотрел на вооруженного типа потрясающе простодушно и, повернувшись к нему спиной, нагнулся, разглядывая воду.

– Идите сюда, увидите сами, – позвал Болан охранника.

Тот подошел и, став рядом, глупо уставился на бассейн.

– Не понимаю, что мо... – только и успел он произнести. Конец фразы перешел в неразборчивый хрип. Пистолет охранника полетел в воду, за ним последовал и его хозяин, прижимавший руки к перерезанному горлу. Труп с плеском упал в окрашенную воду, и кровь, хлынувшая из страшной раны, смешивалась с ней, окутывая все тело темно-красным облаком. Болан, встав на колени, сполоснул нож, затем вытер клинок о шта-

нину, вложил его в ножны и вздохнул. Труп уже исчез под красной водой. Мак поднялся на ноги и направился к дому, высматривая провода телефонной линии и энергопитания. Найдя их, он обошел дом сзади и перерезал кусачками сначала телефонный провод, затем электрический.

Реакция на это последовала незамедлительно: открылась служебная дверь, и на пороге появилась дама средних лет, вытирающая руки об яркий разноцветный передник. Она заметила Болана и раздраженно спросила:

– Ну что еще? Что здесь происходит?

– На вашей линии выполняются ремонтные работы, мэм, – ответил Мак извиняющимся тоном.

– Вы выбрали для этого неподходящее время. Я как раз готовила обед. Сколько еще времени вы будете возиться?

Болан не ответил на ее вопрос: на пороге, из-за спины женщины, возник еще один охранник. Он казался встревоженным и сжимал в руке пистолет.

– Ничего не работает, – буркнул он, подозрительно осматривая Болана.

– А зачем вам пистолет? – спросил тот, лукаво улыбаясь. – Вы хотите убить меня из-за того, что нет света?

Охранник, злобно глянув на Мака, сунул пистолет под мышку и мрачно спросил:

– Вы надолго отключили электричество?
– Если двое ваших ребят помогут мне, то через пару минут все будет о'кей.

Охранник сухо кивнул:

– Я помогу вам. Что нужно делать?
– Мне требуются два человека, – настойчиво повторил Болан.

– Тут, где-то во дворе, ходит один парень. Он...
– Но он чем-то занят, а мне надо... – возразил Болан.
– Послушай, ты! Пошел бы ты к чертовой матери! – рявкнул охранник. – Здесь больше никого нет. Так что...
– Ну ладно, ладно... – примирительно ответил Болан и, взяв того за руку, повел к бассейну.

Повариха снова скрылась на свою кухню.

– Я думаю, что вдвоем мы управимся быстро, – успокаивающе сказал Мак, обращаясь к подручному Сеймура. – Видите ли, вся проблема кроется здесь. Вот смотрите.

Они обогнули лесополосу, направились к бассейну, и охранник остолбенел, увидев царивший там беспорядок:

– Черт! Что здесь произошло?

– Электронная буря, – с серьезным видом заявил Болан. – Магнитный контакт между водой и кабелем высокого напряжения, – продолжал он нести околесицу, чувствуя, что громила принимает все за чистую монету. – Идите сюда, я вам покажу...

Мак стоял на краю бассейна и смотрел в воду. Нащупывая под мышкой пистолет, охранник направился к Болану, затем остановился рядом с ним и, потирая затылок, с изумлением уставился на красную воду и плавающие в ней шезлонги.

– Эти электроны – настоящие маленькие бести, – нравоучительным тоном завершил Мак свой урок физики.

– Все равно не понимаю, – пробормотал охранник и для большей уверенности еще крепче сжал рукоятку пистолета, начиная вытаскивать его из кобуры. Но и Болан не стал больше играть комедию. Его охотничий нож как молния сверкнул снизу вверх, распарывая вены, артерию и сухожилия на руке вооруженного телохранителя Сеймура. Охранник вскрикнул от неожиданности и сделал шаг назад, но было уже поздно. Лезвие ножа сверкнуло второй раз, вонзившись в живот и распарывая наискось брюшную полость. Другой рукой Болан слегка подтолкнул мафиози, и алая вода бассейна приняла еще один труп.

Сполоснув в воде нож, Мак вернулся в дом.

Кухарка ожидала его на пороге.

– Света все равно нет, – пожаловалась она.

– Тем не менее сейчас все должно быть нормально, – ответил Болан. – Дайте-ка я посмотрю проводку в самом доме.

Женщина жестом пригласила его войти и скрылась

в коридоре. Болан последовал за ней. Осмотревшись в кухне, он вдруг с подозрительностью потянул воздух носом.

– Вы чувствуете? – спросил он.

– Это только жаркое, я готовлю обед, – встревоженно пояснила повариха.

– Нет, нет. Не думаю... Пахнет чем-то странным. Вам лучше выйти из дома.

Она кивнула в знак согласия и направилась к двери.

– В доме больше никого нет? – остановил ее Болан.

В ответ кухарка покачала головой и поспешила к выходу. Предоставленный сам себе, Болан быстрым шагом пересек кухню, затем столовую и поднялся на второй этаж. Там он снова вытащил нож из ножен и, переходя из одной комнаты в другую, одним взмахом вспорол мягкую мебель и подушки, оказавшиеся в его поле зрения. На это у него ушло не более двух минут. Вернувшись в гостиную и заметив на стене, над камином, большой портрет Сеймура, Болан достал револьвер и спокойно, как в тире, целясь в самые глаза мафиози, выпустил последние шесть патронов. Затем, удовлетворенно разглядывая дырки вместо глаз, Болан перезарядил опустевший барабан револьвера, сунул его за пояс и вышел из дома. На газоне перед входом его ожидала взволнованная женщина.

– Я слышала выстрелы! – нервно сказала она.

– Да, мэ, – бросил Болан, проходя мимо нее. Пова-

риха проворно следовала за ним по пятам.

– Может быть, следует вызвать пожарных? – спросила она.

– Нет, мэм, – ответил Мак, оборачиваясь наконец к ней лицом, – Э-э, а вы, случайно, не член семьи?

Она отрицательно покачала головой и вскрикнула высоким, резким голосом:

– Я только работаю здесь на кухне.

– В таком случае я советую вам поискать другую работу в самое ближайшее время.

– Почему?

– Потому что вашему хозяину недолго осталось жить, вот почему. Можете ему это передать.

Болан порылся в сумке и сунул в руку остолбеневшей поварихи небольшой металлический предмет.

– Что это? – испуганно спросила она.

– Передайте это мистеру Сеймуру и все. От имени Мака Болана Палача. Скажите ему еще, что когда пробыет его час, все будет так же легко, как и сегодня.

Немея от ужаса, она затрясла головой, уставившись на предмет, который держала в руке:

– У моего сына тоже есть такая штука. Это ведь снайперская медаль?

– Вы совершенно правы, миссис. Так вы передадите ее мистеру Сеймуру, не правда ли? А заодно и мое послание.

– Значит, вы не из компании по снабжению элек-

тричеством? – дрожащим голосом спросила женщина, только сейчас начиная вникать в суть происходящего.

– Нет, миссис. Вы можете, кстати, вернуться в дом, никакой опасности нет.

Но она все стояла на аккуратно подстриженной лужайке перед домом, прижимая к груди кулаки, в одном из которых осталась снайперская медаль, превратившаяся в символ смерти.

Болан пересек сад и, обогнув забор, вышел к своей машине. Сумку с инструментами и комбинезон он сунул в багажник, сел за руль, глядя на свои руки. Потом закурил. Руки слегка дрожали. "Так и должно быть, – подумал он, – только теперь они могут дрожать". Мак завел мотор и медленно поехал по проселку. Вообще-то ему хотелось остаться здесь, чтобы посмотреть на реакцию Сеймура, когда тот вернется. Но всему свое время. Если, конечно, его хватит. Сейчас в прессе поднимется страшный шум. Газеты начнут совать свой нос во все подробности этого дела, станут давить на полицию, чтобы заставить ее действовать активнее. Еще бы! По Питтсфилду ходит вооруженный псих. Надо же! Болан хмыкнул, представив себе заголовки завтрашних газет, и нажал на акселератор, выезжая на главную дорогу. Ему было приятно осознавать, что все здание мафии сейчас сотрясается от подвала до чердака. Он показал им, как они уязвимы на самом деле. Настоящая схватка еще впереди, и она

будет носить личный, сугубо личный характер. О контрактах они больше не вспомнят, потому что началась война эмоций и постоянной угрозы внезапной смерти. Именно такую войну затеял Болан, когда-то прославив в ней большим специалистом.

Глава 10

Болан остановился перед телефонной будкой и, опустив в аппарат монету, набрал номер полиции.

– Лейтенанта Уотерби, пожалуйста, – обратился он к дежурной на коммутаторе и, посвистывая, стал терпеливо ждать, прижимая трубку к уху.

Наконец в трубке послышался басовитый голос детектива:

– Уотерби слушает.

– Говорит Болан.

– А, это вы? Откуда вы звоните, Болан?

– Кончайте ваши штучки, лейтенант, мы же не пацаны, – посоветовал ему Мак. – Мне просто хотелось сказать вам, что контракт все еще остается в силе.

– Да, я знаю. К тому же, как я вижу, вы не теряли времени даром. Болан засмеялся.

– Что, наши друзья взвыли? – спросил он.

– Как хорьки. Кстати, прокурор на вас выдал ордер: поджог, покушение на убийство, умышленное покушение на убийство, умышленное убийство... Продолжать дальше?

– Не стоит, – ответил Болан. – К концу этого дня ваш перечень увеличится. В голосе детектива зазвучали нотки тревоги:

– Зачем вы позвонили мне, Болан?
– Я хотел попросить вас об одной услуге.
– А? Вы собираетесь явиться с повинной? Самое лучшее, что я могу сделать, – это обеспечить вам оди-ночную камеру.

Болан от души рассмеялся:

– Это не совсем то, что мне нужно. Неплохо бы пе-ревести моего брата в полицейский госпиталь.

– Уже сделано. Утром.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответил Болан, искренне удивившись такой оперативности.

– Мне приходится думать о многом, – заявил поли-цейский. – Например, о том, что сейчас вы перешли на нелегальное положение, не так ли?

– Может быть.

– Может быть, черт бы вас побрал! Вы влипли, сер-жант, по уши. Вас ищут все, даже армия. Только что уехали парни из отдела уголовного розыска ФБР.

– Я вижу, вы поторопились их вызвать, – раздражен-но бросил Болан.

– Э, нет. Это не я. Здесь чувствуется рука человека, имеющего вес в политических кругах. Они боятся, Бо-лан.

– Судя по всему, вы не против этого.

– Совсем нет. Скажу больше: мне это чертовски нра-вится. Неофициально, разумеется. К тому же, и это то-же между нами, у нас здесь очень многие на вашей сто-

роне. Но не ожидайте общенациональной поддержки. С точки зрения правосудия, Болан, вы ничем не лучше мафиози. Позвольте мне сказать вам, что... подождите секундочку...

Болан услышал в трубке приглушенные голоса, едва различимые, невнятные фразы, потом стук – лейтенант снова взял трубку.

– Вы были недавно в районе Портал? – сухо зато спросил он.

– Вполне вероятно.

– Возле дома Уолта Сеймура? – уточнил лейтенант.

– Может быть.

– Я понял. Ну, хорошо...

В трубке снова послышались отдаленные, неразличимые голоса.

– Можете добавить к вашему списку еще два ордера на арест, за убийство. Вам лучше сдаться, Болан. Этот спектакль пора кончать.

– Ни в коем случае.

– Как это – ни в коем случае?

– Нет, Уотерби, спектакль только начинается. Это тотальная война, Уотерби. Лучше будет, если вы скорее поймете это. И еще, послушайте меня. Не подсылайте ко мне полицейских в гражданском. Я убью всякого, кто станет действовать против меня. Разве что я наверняка буду знать, что имею дело с полицейскими.

– Вы не собираетесь убивать полицейских, Болан,

а?

– Во всяком случае, мне бы этого очень не хотелось. Ладно. У меня сегодня расписание весьма плотное. К сожалению, я должен покинуть вас.

– Болан, информатор, о котором я вам говорил...

– Да.

– Он мне звонит сейчас по другому телефону. Вы хотели бы узнать свежие новости?

– Сплетни, – ответил Мак, рассмеявшись.

Уотерби кашлянул, чтобы прочистить горло. Но Мак уже повесил трубку.

"Времени как раз хватит, чтобы посетить офисы фирмы "Триангл", – решил Болан, и его улыбка сделалась еще шире. Но когда Мак подумал об Уотерби, ему стало немного жаль этого симпатичного полицейского. Затем Болан рассмеялся, решительно повернул ключ зажигания и, выехав на полосу, поворачивающую влево, направился к "Триангл Индастриэл Файнэнс".

* * *

Без пяти минут пять Болан вошел в дверь офиса, повернул ключ в замке и опустил жалюзи. Девушка, сидевшая за столом приема посетителей, с удивлением подняла голову. Болан сунул ей под нос пластиковую карточку, которую вручил ему Таррин.

– На сегодня контора закрыта, – объявил он. Девушка невольно скосила глаза в сторону двери за кубом из металла и пластика.

– Кто там? – сухо спросил Болан.

– Т-только мистер Томас, – заикаясь, ответила девушка.

В офис, огороженный ажурными металлическими решетками и прозрачным пластиком, вошла еще одна девушка. Болан повернулся к ней:

– Это вы кассир?

– Да, мистер, – испуганно и почти беззвучно пролепетала она в ответ.

– Все сегодняшние расчеты в порядке, я надеюсь? Девушка кивнула:

– Я только что закончила снимать кассу. Болан обошел офис.

– Возьмите все бумаги и перенесите их в кабинет мистера Томаса. Деньги тоже. Девуцу, занимавшуюся приемом посетителей, он тоже заставил подняться и тихонько подтолкнул ее к кабинету в глубине общего зала:

– Пойдите к мистеру Томасу и скажите ему, чтобы он приготовил все учетные книги для внеплановой ревизии. Пусть он все разложит на столе.

Болан дернул ручку двери офиса-клуба.

– Откройте дверь! Я помогу вам, – приказал он резким, не терпящим возражений голосом.

У входа в кабинет девица-приемщица обернулась, уставилась на Болана округлившимися глазами и робко обратилась к нему:

– Я... Я забыла ваше имя.

– Скажите, что я пришел из бюро Пласки. Быстро, быстро! Я не собираюсь сидеть здесь весь вечер.

Девица, испуганно моргнув искусственными ресницами, постучала в дверь и исчезла за ней. Болан взял деревянный поднос и начал складывать на него пачки банкнот, которые доставала из ящиков стола кассирша.

Минутой позже они вдвоем с шумом вошли в кабинет мистера Томаса. Управляющий посмотрел на Болана без всякого энтузиазма и открыл было рот:

– Я не думаю, что...

– Тем лучше, не думайте вовсе, – отрезал Болан. – Вы не так давно заняли это место, чтобы еще и думать.

Он указал рукой на массивный, ростом с человека сейф, возвышавшийся в углу кабинета, и приказал:

– Откройте сейф!

Лицо совсем еще молодого управляющего, как зеркало, отражало внутреннюю борьбу, происходившую в нем.

– Я хотел бы посмотреть... э-э-э... ваши документы, пожалуйста.

Болан снова вытащил свою карточку и, повертев ею перед лицом управляющего, сунул в карман. Неожиданно

данным он мягко улыбнулся и дружелюбно сказал:

– Послушайте, юноша, не надо так нервничать. Пласки считает, что такие внезапные ревизии полезны, поскольку заставляют персонал соблюдать в делах полный порядок. Я уверен, что вам нечего бояться. Так что откройте сейф, и мы закончим наши дела.

По-прежнему колеблясь, Томас набрал комбинацию цифр на наборном диске сейфа, крутанул большое колесо, и дверь сейфа бесшумно открылась.

– Сколько у вас наличности? – сухо спросил Болан. Кассирша протянула Томасу клочок бумаги, и он прочел:

– Сорок две тысячи шестьсот восемьдесят девять долларов сорок центов.

– О! Черт побери! – в раздражении произнес Болан. – Меня не интересует эта цифра! Мне нужен депозит, Томас, а не ваша паршивая мелочь.

Управляющий заморгал, влез в сейф, сдвинул в сторону одну из его стенок и выбрался наружу с небольшим кожаным чемоданчиком в руке.

– Надо было так сразу и говорить, – заметил он. – Открывайте, – приказал Болан.

Томас достал из сейфа ключ, вставил его в замок чемоданчика, затем посмотрел на двух девушек, стоявших в центре кабинета за спиной Болана:

– Вы обе выйдите и подождите за дверью. Девушки, переглянувшись, вышли. Томас поставил чемоданчик

на стол, открыл его и с ненавистью взглянул на Болана:

- Надеюсь, вы не собираетесь их пересчитывать?
- Сколько тут всего?
- Двести пятьдесят тысяч.
- Заверенные?

Управляющий кивнул и вытащил лист бумаги, лежавший сверху на деньгах. Болан сделал вид, что изучает цифры.

- Ясно... – произнес он, оборачиваясь к сейфу.
- Что вы еще ищете? – обеспокоенно спросил Томас.

– Подойдите сюда, сейчас я вам покажу.

И Болан, ухватив Томаса за шиворот, втолкнул его в сейф и треснул головой о стенку. Ноги управляющего подкосились, и он осел на металлический пол. А Болан начал сбрасывать на паркетный пол кабинета бухгалтерские книги и папки с досье, затем, полностью опустошив сейф, все пачки денег и отдельные крупные купюры уложил в чемоданчик, лежавший на столе, а мелочь смел на пол. После этого со стуком закрыл сейф, спутав комбинацию цифрового замка. Достал зажигалку и, щелкнув ею, поднес к сваленным на полу папкам, потом вышел в зал, прихватив с собой чемоданчик.

– Быстро все дела, все папки – вот сюда, на пол, живо!

Девушки недоуменно переглянулись и принялись открывать все ящики столов, вытаскивая папки и скла-

дывая их на столе.

– Пошевеливайтесь! – процедил Болан сквозь зубы.
– Я очень спешу.

Он сбросил все со стола на ковер, подошел к металлическому шкафу и быстро опустошил его ящики. Еще через пару минут длинные языки пламени весело скакали по груде бумаг, по ковру и паркету, отбрасывая на стены яркие блики и фантастические тени. В глазах перепуганных насмерть девиц читалась одна мысль: они имеют дело с чокнутым!

Болан взял за руку кассиршу, стоявшую к нему ближе, и вложил в ее ладонь снайперскую медаль.

– Скажите Пласки, что это было так же просто, как и все остальное, – спокойно проговорил он.

– Ч... что?

– Скажите ему это, и все. Да! Было бы неплохо, если бы вы вытащили того типа из сейфа, прежде чем загорится все здание. И потом... поблагодарите от моего имени Пласки за деньжата. Они мне очень пригодятся.

Болан открыл дверь, а девицы бросились к кабинету своего шефа. Мак засмеялся и вышел на улицу, плотно прикрыв за собой дверь. Он вернулся на место своего недавнего преступления и даже совершил новое. Боже милостивый! Что скажет семейство? Он догадывался, что "маттео" ревностно относятся к своим деньгам, и знал, как сделать им больнее всего. Болан сел в машину и, насвистывая, поехал домой.

Глава 11

– С этим подонком нужно что-то делать! – Сеймур был вне себя от ярости. – Он уничтожает все на своем пути: жжет, грабит, обворовывает нас... и...

– Ха! Вы только посмотрите на него, он еще жалуется! – с горечью, но не без яда ввернул Таррин.

– Да, именно так! Я жалуюсь! – взревел Сеймур. – Это твой человек! Неужели ты не мог понять, что он не тот, за кого себя выдает, пока об этом не сообщили сверху? Кретин! Идиот! Боже, почему мне всегда везет на таких дураков?! он сложил руки на груди и страдальчески возвел глаза вверх. – Любой паршивый итальяшка сразу увидел бы, что в нем все насквозь фальшиво! Если бы ты не проводил всю жизнь в постели со своими потаскухами, ты...

Таррин вскочил из кресла, словно выброшенный катапультой, нанеся резкий удар правой. Сеймур парировал удар и, отступив назад, побледневший, стал шарить у себя за спиной, пытаясь найти на столе оружие, но под руку попадались только бутылки из-под "Колы".

Всплеснув руками, Нат Пласки вмешался в ссору, грозившую перерасти в серьезный конфликт внутри семьи.

– Прекратите! – заорал он. – Остановитесь сейчас

же! Неужели вы не понимаете, что именно этого он и добивается? Чтобы мы перестреляли друг друга! Прекратите!

Побелевшие губы Лео Таррина дрожали от ярости, но он взял себя в руки и, сжав кулаки и не проронив ни слова, тяжело опустился в кресло.

– Извини, Лео, – произнес Сеймур, не глядя на него. – Я не хотел сказать ничего плохого в отношении итальянцев.

Таррин молча кивнул, уставившись на носки своих туфель.

– "Большой босс" будет взбешен потерей четверти миллиона, – нарушил молчание Пласки.

– Мы их вернем, – подал голос Сеймур.

– Ой ли! – насмешливо произнес Таррин.

– Я даже не помню, как этот тип выглядит, – сказал Пласки. – Я видел его всего два раза и то мельком. Откуда он мог знать про сумму депозита в сейфе? Каким образом, а?

– А ты не знаешь? – угрюмо проворчал Таррин. – Это человек-невидимка. Человек-невидимка все знает и все видит.

– Да? А я думал, что он оборотень, – в тон ему ответил Пласки.

– Да заткнетесь вы наконец или нет?! – сорвался на крик Сеймур.

– А мы ничего, только чтобы скоротать время, – роб-

ко возразил Пласки.

– Тогда лучше помолчи или займись чем-нибудь, – проворчал Сеймур. – Остальные приедут с минуты на минуту.

Таррин поднялся из кресла, подошел к бару и, бросив в стакан несколько кубиков льда, наполовину наполнил его бурбоном. Грустно потягивая виски, он вернулся на свое место.

– Все дело в том, что вы не знаете этого типа, – заметил он, усаживаясь. – А я, я знаю его. И, поверьте мне, я боюсь... Меня постоянно бьет дрожь. Это машина, терминатор. Когда-то у меня был сержант, похожий на него. Так я тоже боялся его. Я вам скажу, что...

– О! Заткнись же ты наконец! – взвизгнул Сеймур, находившийся на грани истерии.

– И не подумаю! – продолжал Таррин. – Нужно знать того, с кем придется иметь дело. Вы только обратите внимание, какие у него нервы! Сжег мой лучший бордель. И в течение двух-трех часов несколько раз снова нанес удар. Работает, как часы! Уничтожил Пайнчестер, разнес вдребезги машину за восемь тысяч долларов, напугал меня чуть не до смерти, сделал кровопускание Джейку, терроризирует всех и вся...

Он замолчал, чтобы глотнуть бурбона.

– Затем, буквально через пару минут, заявляется ко мне домой. Ко мне! Не торопясь, мило беседует с моей женой... Но этого хватает, чтобы превратить мою

жизнь в один нескончаемый кошмар, хотя это уже другая история, а потом...

Таррин засмеялся коротким нервным смешком:

– Потом он отправляется к Сеймуру, красит воду в бассейне, сбрасывает туда Поля и Тони, перерезав им глотки, как цыплятам, отключает телефоны, свет, погрошит мягкую мебель и подушки с матрацами – это чтобы дать нам понять: так произошло бы с тем, кто в этот момент находился бы в постели. Это еще не все: он разряжает свой револьвер в портрет Уолта. Для многих подобных подвигов было бы достаточно, только не ему! Он совершенно спокойно, как Иоанн Креститель, появляется в Триангл, сжигает все досье, закрывает Томаса в сейфе и сматывается с четвертью миллиона долларов. Клянусь вам, он очень похож на того сержанта, которого я знал. Тот как-то решил перетрахать всех сингапурских шлюх и при этом не заплатить ни цента. И, можете себе представить, ему это чуть было не удалось.

– Ты закончил свой панегирик? – спросил Сеймур ледяным тоном.

– Да, закончил. Но считаю, что на совете кому-то следует предложить всем нам на время исчезнуть с горизонта. Как бы то ни было, не мешало бы немного отдохнуть. Я пообещал жене, что мы поедем в Акапулько. Заодно предоставим поле деятельности хитменам, а когда все будет кончено, можно спокойно вер-

нуться.

Пласки хихикнул. Сеймур смотрел на Таррина с нескрываемым презрением. В этот самый момент широкие двустворчатые двери распахнулись, и в гостиную вошли пятеро, причем в центре группы находился тот, что постарше, а остальные, помоложе, окружали его с четырех сторон. Пласки, Сеймур и Таррин почтительно поднялись. Охранники привычно заняли свои места в комнате, один остался у дверей. "Большой босс" властным и уверенным взглядом черных глаз окинул троицу и, пожав им руки, занял место в центре стола. Главе мафиози было около шестидесяти, и благодаря своей красивой седине он выглядел очень импозантно.

– Итак, – спросил он тихим голосом, – что тут у вас происходит?

Взгляд босса переходил с Сеймура на Пласки, с Пласки на Таррина и вновь возвратился к Сеймуру.

– Во всем виноват этот сумасшедший Болан, – начал сдавленным голосом Сеймур. – Первый контракт сорвался. Он оказался хитрее двух дураков из Филадельфии. Кончилось тем, что он их прихлопнул.

– Да, я знаю, – спокойно ответил босс.

– Но он на этом не остановился! – вмешался в разговор Пласки. – Разгромив мою фирму, смылся с депозитом – четвертью миллиона долларов.

– Он сжег мой лучший дом и запугал до смерти жену, – добавил Таррин, разглядывая свои пальцы.

– А также убил моих людей и разграбил виллу, – про-
бормотал Сеймур. – Устроил настоящий бордель.

– Бордель?

Сеймур кивнул:

– Он покрасил воду в бассейне. Перерезал телефон-
ные и электрические провода. Распорол ножом мебель
и все матрацы в доме.

Сеймур, пожав плечами, добавил:

– Лично я называю это "устроить бордель".

– Он еще воспользовался портретом Уолта как ми-
шенью, – съехидничал Таррин и усмехнулся. – Такой,
знаете ли, хороший был портрет, над камином, в стиле
"президент-генеральный директор".

– Это один солдат или целая армия? – спросил босс,
удивленно приподняв брови.

– Это один псих! – с бешенством вскричал Сеймур.
– Послушайте, Серджио, нужно что-то предпринять.

– Так что вы уже сделали? – осведомился тот. Трое
потерпевших в смущении переглянулись.

– Кроме того, что спрятались, – деликатно кашлянул
старик. – Что, неужели Организация стала такой безза-
щитной? Такой слабой, что один человек, один, – Сер-
джио повысил голос, – может загнать ее в нору?

– Это не совсем простой тип, – сказал Таррин,
оправдываясь. – Я когда-то знавал одного сержанта...

– О-о! Да заткнись ты со своими дурацкими истори-
ями про сержанта-бабника! – закричал Сеймур, у кото-

рого уже начали сдавать нервы.

Таррин снова вскочил с кресла и потряс кулаком у него под носом.

– Еще одно слово про моих баб, и я надаю тебе по роже! Ты понял? По роже! Мистер контролер!

– Сядь и замолчи, Леопольд, – вмешался Серджио. – Зачем сердиться друг на друга? Ведь у вас есть общий враг, разве не так?

Он укоризненно посмотрел на Сеймура:

– Это ваша вина, Уолтер, вы несете всю ответственность. Именно вы сделали первую и самую главную ошибку: позволили ему войти в Организацию, дав возможность узнать нас и шпионить за нами. Теперь преимущество на его стороне. Сейчас он может затаиться, прекрасно зная, что у нас очень мало шансов найти его. Все это стоит дорого, очень дорого.

– У меня с самого начала были сомнения, – оправдываясь, сказал Сеймур. – Его привел Пласки. Я ждал, когда он выдаст себя.

– Несчастный идиот! – скрипнул зубами Таррин. – Кого он выдал?

– Молчать! – взревел взбешенный старик. – Вы уже наделали массу глупостей, пора бы забыть о них. Вам это понятно или нет? Еще одна, только одна ошибка, и состоится большой совет всей семьи, тогда полетят головы! Ясно вам, болваны?!

– Да, Серджио, – робко ответил Таррин.

– А вам? – спросил старик, по очереди разглядывая колючими глазами Сеймура и Пласки.

– Конечно... конечно, Серджио, – торопливо подтвердил Сеймур.

– Я понял, Серджио, – быстро добавил Пласки.

– Лет двадцать назад я бы не сидел рядом с такими людьми, как вы, – буркнул Серджио с нескрываемым презрением. – Ладно, слушайте меня. Я сделал на Болана открытый контракт. Но вы не должны довольствоваться этим и отсиживаться по норам. У вас есть деньги, головы на плечах, вы имеете власть и, в конце концов, ведь вы же мафиози! В таком случае почему Серджио должен интересоваться вашим Боланом? А? Болан имеет претензии к Уолтеру, Натану и Леопольду. Так? Болан даже не знает о существовании Серджио. Разве я не прав?

Он щелкнул пальцами и, едва глянув на охранника у дверей, показал жестом, что хочет выпить. Телохранитель тут же скользнул за стойку бара и налил вина в высокий бокал, который поставил перед стариком. Серджио поднял бокал и отпил глоток. Остальные молча наблюдали за ним. Телохранитель занял свое место у двери. Серджио снова пригубил вино и поставил бокал на стол.

– Тем не менее, – продолжал он, – Серджио поставил на кон сто тысяч долларов, чтобы спасти вас. Как видите, семья заботится о вас и защищает. Так будьте

же достойны ее!

В этот самый момент широкое окно в другом конце гостиной разлетелось вдребезги. Мафиози, подававший Серджио бокал вина, хрипло вскрикнув, ничком рухнул на пол. Хрустальный бокал, превратился в пыль, на столе осталась только небольшая красная лужица. Гулкие звуки выстрелов – ба-бах! – бах! – бах! – из карабина большого калибра докатились сюда с опозданием и словно оживили парализованных ужасом людей, сидевших вокруг стола. Все четверо с искаженными от страха лицами как по команде бросились на пол.

Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Таррин поднял голову и увидел прямо перед собой испуганные глаза Серджио.

– Теперь он знает вас тоже, дядя Серджио.

Пласки и Сеймур тяжело дышали, словно после забега на марафонскую дистанцию. Четверо телохранителей лежали на прекрасном паркетном полу в странных, неживых позах. Вокруг них лужицами расплывалась кровь и, стекая ручейками к центру гостиной, впитывалась в густой белоснежный ковер.

Дергающиеся губы Серджио раздвинулись в хищном, зверином оскале, и в бессильной ярости он ударил кулаком по ковру:

– Убейте его! – прошипел он. – Убейте этого проклятого Болана! Вы поняли меня? Убейте его!

Глава 12

Нужно было найти другое убежище. Мак не мог позволить себе такой роскоши – слишком долго оставаться на одном месте. Он надел черный комбинезон, не стеснявший движений, и сменил Р-32 на армейский автоматический пистолет 45 калибра, кобуру с которым повесил на пояс. Черные кроссовки и такого же цвета берет дополняли его костюм. Мак посмотрел на свое отражение в зеркале и не удержался от смеха: очень уж он походил на героя детских комиксов. Если его кто-нибудь встретит на улице, то примет за приглашенного на бал-маскарад. "Марлин" и чемоданчик с деньгами мафии лежали в багажнике машины вместе с личными вещами. Болан в последний раз внимательным взглядом окинул комнату, чтобы убедиться, не оставил ли он после себя следов, затем поднял дорожную сумку и вышел. Было 2 часа 20 минут ночи, когда он направил машину к дому Лео Таррина, а без малого в 3 часа Мак уже находился на месте, в роскошном районе, где обитала средняя буржуазия: обращали на себя внимание красивые дома, цветники, сады, неширокие улицы. Болан оставил машину на улице позади дома Таррина, перепрыгнул через невысокий забор и, перебежав открытый участок, оказался за домом. Где-то по сосед-

ству залаяла собака. Мак взобрался на крышу гаража и, укрывшись на затененном скате, принялся изучать внутреннее расположение здания. Свет горел за окном с матовым стеклом, видимо, в ванной комнате. На этом же этаже светилось еще одно окно. Болан вспомнил, что у Таррина было трое детей, и попытался представить себе расположение спален. Он пришел к выводу, что свет горит либо в детской, либо в одной из спален детей. Мак снова прикинул внутреннюю планировку дома, но архитектура здания оказалась настолько необычной, что он не смог прийти к конкретному выводу. Все окна, сделанные по типу гильотины, были закрыты.

В соседнем доме кто-то вышел во двор, чтобы успокоить разошедшуюся собаку. Мак огляделся по сторонам в поисках предмета, которым собирался сделать побольше шума. Оторвав с крыши гаража черепицу и сильно размахнувшись, он швырнул ее вниз, во внутренний дворик. Черепица упала на металлический столик, раскололась, и ее куски с грохотом разлетелись по мраморным плитам патио. Болан напряженно следил за всеми окнами сразу и был наконец вознагражден. Штора на одном из окон второго этажа чуть-чуть сдвинулась в сторону. Кто-то пытался выглянуть во двор, но Мак не был в этом уверен. Поэтому он оторвал вторую черепицу, снова бросив ее вниз. Штора шевельнулась, возвращаясь на место, и тотчас в

комнате вспыхнул свет. Болан успел заметить Таррина, стремительно отпрянувшего от окна, и, прежде чем штора закрыла окно окончательно, его жену, сидевшую на постели и все еще державшую руку на кнопке настольной лампы. Болан улыбнулся, представив себе на миг ужас, который охватил Таррина, когда его жена, проснувшись, включила свет. Мак продолжал ждать и был снова вознагражден за свое терпение. Таррин, застегивая на груди пижаму, обходил дом, держась в тени сада. Продолжая улыбаться, Болан наблюдал за ним. Таррин неподвижно остановился на углу. Несомненно, он был вооружен. Какой-то предмет, брошенный им, ударился о стену гаража и с сухим треском разбился. "Стакан", – догадался Болан. Таррин исчез из его поля зрения. Мак, не двигаясь, всматривался в темноту и в душе хвалил себя за то, что занял позицию наверху. Он видел уже другое преимущество. Женщина и трое детей, плоть и кровь его противника, остались в доме одни. Болан спросил себя, почему Таррин не вывез в безопасное место свою семью, но не успел обдумать ответ. Таррин появился с другой стороны дома, обойдя его сзади.

Болан сразу зауважал сицилийца. Он, по крайней мере, вышел на улицу, навстречу врагу, вместо того чтобы прятаться в доме, прикрываясь женщиной и детьми.

Таррин появился из тени и негромко позвал:

– Болан?

Качнув головой, Болан беззвучно прицелкнул языком. Таррин медленно приближался к гаражу, останавливаясь и прислушиваясь через каждые два шага. В руке он держал револьвер, теперь Болан хорошо это видел. В другой руке Таррин сжимал карманный фонарик. Мак ждал, и когда Таррин прошел через гараж, направляясь в другую часть сада, бесшумно спрыгнул с крыши гаража и направился к дому. Снова из глубины сада послышался голос Таррина:

– Болан?

Мак обогнул дом и поднялся по ступенькам к входной двери. Как он и предполагал, дверь осталась незакрытой. Он усмехнулся. В пижаме Таррина не было карманов, и, поскольку в одной руке он держал револьвер, а в другой – фонарь, Болан пришел к выводу, что ключей у Таррина нет и он не мог закрыть дверь снаружи. Мак не хотел убивать Таррина издалека, пулей, выпущенной из карабина с оптическим прицелом. Между ними существовала некая странная дружба, и самое малое, что мог сделать Болан, – посмотреть Лео в глаза, нажимая на спусковой крючок. Долго ждать не пришлось. Меньше чем через минуту Таррин вошел в прихожую, закрыл дверь и повернул ключ в замке. Переводя дыхание, он на секунду замер, стоя спиной к невидимому пришельцу. Болану стало интересно, какие же мысли возникают у человека, стоящего в тем-

ноте перед закрытой дверью. Или что он испытывает перед смертью?

Болан, подняв руку, спокойно приставил холодный ствол пистолета к затылку Лео.

– Я так и знал, – вздохнул Таррин. – Я понял, что вы здесь, как только закрыл дверь. Он помолчал, потом продолжил:

– Вы не должны меня убивать, Болан, пока мы не поговорим.

– Вашей жене придется несладко, когда она потом начнет смывать здесь кровь и мозги, – спокойно ответил Мак.

В прихожей было хоть глаз выколи, но Болан почувствовал, как маска смерти окутала лицо его собеседника. К тому же Болан видел ее воочию, не раз примеряя на себя, и хорошо знал, что при этом может ощущать человек. Все мышцы лица, вплоть до самой маленькой, сводит судорога, диафрагма, натягиваясь, дрожит как струна и, кажется, вот-вот лопнет; и так больно дышать... Болан больше не хотел продлевать это страдание и, протянув руку, скомандовал:

– Револьвер, Лео.

Револьвер с длинным стволом перешел из руки в руку. Мак не глядя бросил его на пол позади себя.

– Я понимаю, что вы чувствуете, – с трудом произнес Таррин глухим, сдавленным голосом.

– Вот как?

– Да, ваша сестра была очень мила, Болан.

– А вот этого вам не следовало говорить, – скрипнув зубами и ощутив прилив холодной ярости, произнес Мак и сильно толкнул Таррина в затылок стволом пистолета.

– Теперь, – продолжал он, – тихонько откройте дверь, тихонько, я сказал.

– Куда мы идем? – спросил Таррин, задыхаясь на каждом слове.

– Я хочу сделать подарок вашей жене и детям, – с еле сдерживаемым гневом заявил Болан.

В этот миг в прихожей ярким пятном вспыхнул свет. Автоматически Болан бросился в сторону, прижимаясь к стене. Его рука, сжимающая пистолет, мгновенно поднялась в поисках новой угрозы. На пороге стояла супруга Таррина с лицом, застывшим как маска, и рукой, протянутой к Болану. Мак еле успел отвести в сторону ствол своего "Кольта-45", и пуля после громового выстрела попала в стул, отшвырнув его к противоположной стене комнаты. От яркого света Болан почувствовал страшную резь в глазах, а в ушах не проходил звон от выстрела большого пистолета. Видимо, поэтому он и не заметил крошечного револьвера в руке Анжелины Таррин. Ему показалось, что слабые хлопки не имеют ничего общего с ощущением жжения у виска и в плече, но Мак инстинктивно понял, что ранен. Таррин нырнул на пол и, перекатываясь с боку на бок, пытал-

ся выбраться из возможного сектора обстрела. Выскочившая за дверь, Болан дважды выстрелил в направлении Лео, вне себя от ярости, что его обратила в бегство маленькая хрупкая женщина с детской хлопушкой в руке. Да еще и ранила! Он чувствовал, как вдоль шеи течет кровь, и, быстро огибая дом, на ходу проверил, насколько серьезно его зацепило. Сунув кольт в кобур и перелезая через забор, Болан понял, что ничего страшного не случилось, хотя плечо жгло огнем. Он уже почти вышел на улицу, где стояла его машина, когда раздался резкий вой сирен. Секунду Мак колебался, потом решил оставить машину на месте, чтобы не затевать гонки с полицией в этот утренний час. Сейчас любая движущаяся машина неизбежно превратится в мишень. Мак пересек улицу, еще один сад и побежал по полю.

Нужно было как можно скорее, насколько позволяли две его раны, убраться отсюда. "Так тебе и надо, болван", – с горечью подумал Болан. Он хотел вести себя с врагом по-джентельменски. Не получилось. В крестовом походе не может быть никакой морали. Их следует убивать, как бешеных собак, всегда и везде, без всякой жалости. Выбора нет, убить самому или оказаться убитым. Мак хорошо выучил этот простой урок еще в джунглях Юго-Восточной Азии. Так почему же он забыл его здесь, в джунглях мафии? Проклиная себя, Болан устремился к темневшей вдали массе домов, прижи-

мая к шее берет, чтобы остановить кровотечение. Ночь наполнилась воем сирен. Конечно, полиция его поджидала. Они догадывались, кто будет его следующей жертвой, и установили здесь свои посты. Это еще одна его ошибка. Не стоило предпринимать эту атаку. Результат плачевный: он ранен и теряет слишком много крови. Теперь нужно надежно укрыться, залечить раны, восстановить силы, покидавшие его вместе с кровью... Именно из-за таких ошибок проигрывают войны.

Глава 13

Уставший, с покрасневшими глазами, лейтенант Уотерби вышел из машины и направился к другой патрульной машине, находившейся на перекрестке рядом с домом Таррина. Он безразлично ответил на приветствие полицейского, стоявшего возле машины, и спросил:

– Сколько времени вам понадобилось, чтобы окружить это место после того, как раздались выстрелы?

– Меньше тридцати секунд, – ответил полицейский в форме. – Я прибыл сюда сразу же, как только услышал стрельбу, и с тех пор никуда не отлучался. Я видел только наших ребят.

Уотерби что-то буркнул в ответ, глянул вдоль улицы и повернулся к машине. Человек в гражданском, сидевший за рулем, с симпатией посмотрел на него:

– Он скрылся, да?

– Я почти уверен в этом, – со вздохом ответил Уотерби. – Таррин сказал, что он был одет, как коммандо, весь в черное, передвигался бесшумно и быстро, словно дикий кот. Таррину чертовски повезло, и он это прекрасно понимает.

– Этот Болан тем не менее вызывает восхищение, – отозвался офицер.

– Может быть, у вас, но не у меня, – скупо проронил Уотерби.

– Поймите меня правильно, Ал. Я хотел только сказать, да вы и сами знаете, ведь он так и не выстрелил в жену Таррина. Хотя мог бы пристрелить ее совершенно спокойно, как в тире, а вместо этого он прекратил акцию и ушел.

– Возможно, он запаниковал, – предположил Уотерби. – Она думает, что ранила его. Мы просто не нашли следов крови... Раненый человек далеко не уйдет. Боб. Я пришлю сюда еще человек двадцать. Нужно найти и арестовать этого парня, пока он...

Лейтенант взял микрофон радиостанции и спокойно передал указания своим людям, окружившим место происшествия. Повернувшись к своему водителю, он сказал:

– Ладно, двинемся по восточному периметру участка, а затем вернемся сюда.

Тот, кивнув, развернул машину, и они быстро поехали в указанном направлении.

– Стреляем на поражение? – спросил полицейский за рулем.

– Интересный вопрос, – мрачно отозвался Уотерби. Они повернули на улицу, протянувшуюся с севера на юг, и покатали дальше со скоростью пешехода. Уотерби снял с креплений короткое ружье и проверил, легко ли движется затвор. Водитель достал из кобуры писто-

лет, положив его на сиденье.

– Поганая у нас работа, – со вздохом пробормотал он.

– Кому вы это говорите? – заметил Уотерби. Внезапно он приподнялся: – Кто-то зажег свет в тех домах. Погасите фары!

* * *

У Болана подкашивались ноги, и каждый раз, оставаясь, чтобы перевести дыхание, он чувствовал себя очень плохо. Добравшись до более скромного квартала, он пошел через широкий ухоженный газон, тянувшийся вдоль дома, когда кто-то зажег свет на первом этаже. Мак опустился на колени и осмотрел повязку, которую наложил на плечо. Кровь текла уже не так сильно, либо он потерял ее слишком много, чтобы почувствовать разницу. Болан поморщился от боли и прикоснулся к царапине на виске. Пуля сорвала только лоскуток кожи, кровь уже свернулась, но жутко болела голова. Маку казалось, что эта ужасная мигрень никогда не кончится.

Он бросился на землю, перекатившись к редким кустам, росшим у края газона, чуть ниже по улице ярко вспыхнули фары автомобиля, в то же время кто-то открыл дверь дома. Фары тут же погасли, и Болан испы-

тал ужасное чувство безысходности, видя, как машина движется прямо на него.

Над дверью вспыхнул фонарь, и на освещенную площадку вышла женщина. Она была в домашнем халате, а на голове возвышался тюрбан из полотенца.

Сквозь туман, окутывавший сознание плотным коконом, Болан услышал тихий голос:

– Киса, киса...

А машина тем временем прошла так близко, что Мак мог бы коснуться ее рукой, и остановилась возле женщины. Та отступила к двери, и мужской голос спросил у незнакомки:

– Полиция, мисс. У вас неприятности?

Болан услышал, как женщина облегченно вздохнула и рассмеялась. Она пересекла газон и подошла к тротуару, оставаясь в освещенной зоне. Дальше Мак увидел, что открылась дверца машины и оттуда выбрался здоровенный полицейский. Облокотившись на крышу автомобиля, он обратился к женщине:

– Я лейтенант Уотерби. Мы ищем одного человека. Может быть, вы мне объясните, что делаете на улице в этот час?

– Во всяком случае, я не ищу мужчину, – ответила она со смехом. – Меня разбудила моя кошка своим мяуканьем. Здесь недалеко живет один здоровенный котятра, который...

– Да, мисс. Здесь в окрестностях бродит один очень

опасный человек. Будет лучше, если мы проверим, все ли тут в порядке.

Уотерби обошел автомобиль и, стоя на тротуаре, положил винтовку на сгиб локтя. Второй полицейский тоже вышел из машины и стал нервно заглядывать в темные углы вокруг дома. Все трое находились так близко к Болану, что тот мог слышать их дыхание.

Уотерби попросил разрешения зайти в дом и получил его.

– Останьтесь с дамой, Боб, – сказал лейтенант. С большой осторожностью Уотерби пересек аллею и вошел в дом. Второй полицейский открыл дверцу машины и, наполовину скрывшись в салоне, направил прожектор на стену дома. Лейтенант вышел из дома и снова исчез в темноте. Что-то коснулось щеки Болана, но он взял себя в руки, почувствовав шелковистую шерсть кошки. Мак тихонько обнял ее здоровой рукой и приласкал. Кошка свернулась в клубок у него под рукой, уютно заурчав.

Снова показался Уотерби, шагая в луче прожектора. Но вдруг, сообразив, что не стоит этого делать, он живо ступил в сторону, прячась в тени, и устало вышел на тротуар.

– Вы там нигде не видели моей кошки? – поинтересовалась женщина.

– Нет, мисс. Ни я, ни мой помощник, – отозвался Уотерби. – Забудьте про кошку и возвращайтесь-ка в дом.

Заприте дверь на ключ, а мы подождем. И извините нас за беспокойство.

Женщина что-то сказала, но Болан не расслышал, снова рассмеялась и побежала к дому. На пороге она обернулась, приветственно помахала полицейским рукой и скрылась за дверью. Свет фонаря погас. Секундой позже фары машины загорелись, и она медленно поехала вдоль улицы.

Низко пригнувшись и прижав к себе кошку, Болан подбежал к двери. Прижав к ней животное, он погладил его против шерсти. Кошка замыкала и стала скрестись в дверь, пытаясь вырваться на свободу. Дверь открылась немедленно. Болан шагнул внутрь и передал извивающуюся, недовольную обращением кошку прямо в руки удивленной хозяйке.

– Я принес вашу кошку, – сказал он, и слабая улыбка появилась на его бледном лице.

Притворив за собой дверь, Мак почувствовал, что силы оставляют его, и он согнулся, опершись рукой о стену:

– Пожалуйста, не устраивайте шумиху. Если вы хотите, чтобы я покинул ваш дом, я немедленно уйду.

Женщина смотрела на него, и ей казалось, будто все происходит во сне, а не наяву, и этот черный призрак сейчас исчезнет, как злой сказочный дух. С любопытством и без всякого испуга она рассматривала его странный костюм, пистолет на поясе и залитое кровью

плечо.

– Вы ранены, – прошептала она.

Болан кивнул:

– Так, слегка зацепило. Если вы позволите мне немножко отдохнуть у вас в доме... Я, обещаю, что не причиню вам зла.

Плечо жгло так, словно кто-то невидимый беспрестанно прикладывает к нему раскаленное докрасна железо.

– Полицейский сказал, что вы очень опасный тип, – улыбнувшись, заявила женщина.

– Только не для вас, – в тон ей ответил Болан.

Кошка соскочила с рук хозяйки и скрылась в соседней комнате. Болан бросил красноречивый взгляд на диван, стоявший у стены.

– У меня в плече застряла пуля, – объяснил он. – Мне нужно какое-либо дезинфицирующее средство и пинцет. Пойдет и из косметички. – Конечно.

Она скрылась в темном коридоре. Болан направился за ней, желая убедиться, что она не попытается позвонить в полицию. Но женщина вошла в ванную комнату; Мак вздохнул, вернулся в гостиную и растянулся на диване.

– Вы живете одна? – спросил он громко. Женщина, высунув голову в приоткрытую дверь ванной, ответила, смешно сморщив нос:

– Нет! Я живу с Табатой. Это моя кошка. Мы с ней

две старые девы!

Затем она снова исчезла, а Болан принялся стаскивать свой пуловер. Когда она вернулась с небольшим металлическим подносом в руках, Мак, стащив свитер через голову, осторожно снимал его с раненой руки. Женщина развернула свой тюрбан и несколькими взмахами щетки умело уложила пышные волосы. Болану она показалась очень красивой. Особенно ему понравились ее большие лучистые глаза на тонком, умном лице.

Она поставила поднос на низкий столик, помогая Маку окончательно снять пуловер. Увидев рану, она сочувственно покачала головой и сказала:

– Вы потеряли много крови. Пуля все еще внутри? Болан мрачно кивнул в ответ, разглядывая предметы, аккуратно разложенные на подносе. Пинцет стоял в стакане с бесцветной жидкостью, рядом лежали бинт и аптечка, а над всем этим возвышалась бутылка с перекисью водорода.

– Я простерилизовала пинцет в чистом спирте, – объяснила хозяйка дома. – Пойдет?

Болан, снова кивнув, взял бутылку с перекисью.
– Если хотите, я вытащу пулю, – предложила она.
– Нет. У меня есть опыт, справлюсь сам и на этот раз. Но женщина, подложив ему под голову подушку, заставила лечь и твердо возразила:

– Только не сейчас.

Затем она решительно взялась за пинцет и процедила:

– Не двигайтесь.

* * *

Болан лежал на диване с шелковой обивкой, обнаженный до пояса. На нем верхом сидела Анжелина Таррин, прижимая к его плечу раскаленное жало паяльника.

– Вы железный человек, сержант, – прозвучал голос Лео. – И у вас очаровательная, идеальная жена.

– Я все равно убью вас, – безучастно ответил Болан. – Сразу же, как только проснусь.

Он тут же очнулся: в глаза бил яркий солнечный свет, а в плече словно скакали тысячи маленьких чертенят. У окна возле кровати спиной к нему стояла девушка и поднимала жалюзи. Черные как смоль волосы волнами падали на ее хрупкие плечи. На ней был только лифчик и узенькие трусики, поэтому, обернувшись и заметив его открытые глаза, она вся зарделась и схватила халат, лежавший на полу возле кровати. Повернувшись спиной к Маку, она накинула халат, и ее стройная фигурка скрылась в воланах, рюшах и прочих складках, названий которых Болан не знал.

– Так вы и есть женщина с кошкой? – полуутверди-

тельно спросил он слабым голосом.

Она подошла к краю дивана и вместо ответа сунула ему в рот термометр.

– Я думала, что вы проспите весь день. Жестом она запретила ему говорить, и несколько минут они молча рассматривали друг друга. Девушка, улыбаясь, забрала термометр и, взглянув на шкалу, сказала Болану:

– У вас лошадиное здоровье. Температуры нет!

– Весь жар в плече, – улыбнувшись ей в ответ, объяснил Мак.

– Я знаю, кто вы, – уже серьезно произнесла девушка.

– Это хорошо или плохо? – спросил он, глядя ей прямо в глаза.

– Думаю, плохо, – строго ответила она. – Об этом говорят по телевизору, по радио, ваша фотография красуется на первой полосе утренней газеты. Вас называют Палач, мистер Болан... Вы действительно палач? – неожиданно с детским любопытством поинтересовалась девушка.

– Как вам сказать... Бьюсь об заклад, что у вас совершенно экзотическое имя, – уходя от ответа, произнес Болан. – Карменсита. Вы очень похожи на Карменситу.

Она покраснела:

– Меня зовут Валентина. Куэрент. Можете называть меня просто Вал.

– Валентина вам подходит больше. Который сейчас час?

– Почти полдень.

– Значит, у вас была куча времени, чтобы вызвать полицию и избавиться от меня.

Почему вы этого не сделали?

– Я пыталась, – ответила девушка, опуская длинные загнутые ресницы.

– Но вы тем не менее не сделали этого. Почему?

– Ну... вы ведь доверились мне, разве не так?

– Что вы еще знаете обо мне?

– Я думаю, почти все. Меньше чем за две недели вы убили одиннадцать человек. Вы живая трагедия, мистер Болан. Полагаю, что именно это и помешало мне выдать вас.

Он улыбнулся:

– Значит, вы симпатизируете моему делу.

Она твердо качнула головой:

– Вовсе нет. Никто не имеет права отнимать жизнь у другого человека. Убийству не может быть оправдания.

– Без шуток?

– Без шуток. Нет такой философии, которая смогла бы оправдать убийство.

Болан лукаво рассмеялся и лег на бок.

– А мне и не нужно оправдывать его, – ответил он. – Оно само себя оправдывает.

Валентина подложила Маку еще одну подушку под голову и плечо.

– Цель оправдывает средства? – спросила она.

– Нет. Средства оправдывают цель. Это битва, которая продолжается от начала начал, Валентина. Борьба добра со злом. Добро побеждает, разве не так?

– Мы поговорим об этом в другой раз, – серьезно ответила девушка, – когда определим, что такое добро. А теперь я покормлю вас. Вы какие любите яйца?

– Вареные, – ответил Болан с улыбкой.

– Я серьезно.

– Серьезно, я их люблю вареными. Причем неважно как. Эй!.. А где моя одежда?

Она скорчила страшную гримасу:

– Я ее украла. Вы выбрали плохую старую деву, мистер Болан. Стоит только мужчине оказаться у меня в постели, как не пройдет и минуты, а он уже гол, словно младенец.

– Странная старая дева, – произнес Мак, глядя ей в глаза. Валентина покраснела, встала и загадочно сообщила:

– Яичница.

– А?

– По какому бы рецепту я ни пыталась готовить яйца, в конечном итоге у меня всегда получается яичница. Поэтому я надеюсь, что вы согласитесь и на такое блюдо.

Она вышла из комнаты. Болан немедленно откинул плед, которым был заботливо укрыт, и осторожно сел на край кровати.

– Так что вы сделали с моей одеждой? – громко спросил он.

– Я ее стащила у вас, – донеслось с кухни. – Если вам это не нравится, вы можете забрать ее в ванной, надеюсь, что у вас хватит сил добраться туда.

Сил у Болана хватало. Он встал, придерживаясь за стену, и с ощущением головокружения направился в ванную комнату. Вся его одежда из черного трикотажа оказалась выстиранной, высушенной и висела на занавеске душа. Мак, собрав в охапку одежду, вернулся в комнату. Валентина постучала в дверь:

– Не надевайте рубашку, пока я не сделаю вам перевязку.

– Учитывая то, что происходит под повязкой, я сомневаюсь, удастся ли мне вообще надеть рубашку.

– Уже можно войти?

– Полагаю, что да.

Валентина вошла в комнату и остановилась у двери, смело разглядывая Болана.

– Я помогу вам надеть брюки. А вообще, если честно, ваш костюм выглядит странно. За кого вы себя выдаете? За Бэтмэна?

Она опустилась перед ним на колени и, расправив черные эластичные брюки, начала аккуратно натяги-

вать их на ноги Мака.

– В такой одежде очень удобно играть в прятки, – ответил он.

– Да, я уже поняла. Нечто вроде человека-невидимки?

Мысленно Болан с удивлением констатировал, что его смущает эта черноволосая девушка.

– Но она действительно очень практична, – оправдываясь сказал он. – В этом сразу убеждаешься, хоть один раз попытавшись перелезть через забор в широкой, свободной одежде.

– Понятно.

Валентина подтянула брюки до колен Мака и поднялась:

– Остальное доделаете сами. Я бегу, потому что, похоже, яичница уже горит.

– Что же это получается, – возмутился Болан. – Вы их с меня стащили, а надеть снова, значит, не надо? По какой же это причине?

– Я вам уже сказала – яйца горят, – ответила Валентина и вышла из комнаты. – К тому же я снимала с вас брюки под пледом и абсолютно ничего не видела.

Болан открыл было рот, но ее и след простыл. Он улыбнулся, встал и закончил одеваться, помогая себе здоровой рукой. "А она ничего, – одобрительно подумал он, – да, совсем не плоха..." Он даже не обратил внимания на доносившийся из кухни запах пригорев-

ШИХ ЯИЦ.

Глава 14

Вилла Серджио Френчи сразу бросалась в глаза, поистине являясь украшением Саус Хиллза, самого шикарного квартала Питтсфилда. Площадка для дома была выбрана не случайно; эти места очень напоминали живописные пейзажи средиземноморского побережья, хотя океан с Питтсфилдом разделяло несколько сотен километров. Архитектура дома была выдержана тоже в чисто средиземноморском стиле: низкий и длинный, крытый красной черепицей, с широкими окнами и внутренними двориками, он врезался в склон холма на разных уровнях, и, глядя на фотографию этого владения, можно было подумать, что одинокий дом возвышается на крутом морском берегу и вокруг больше ничего нет, но на самом деле вилла находилась в центре квартала миллиардеров. Просто-напросто Френчи появился здесь первым, отхватив немалый кусок земли, поистине львиную долю.

Если верить некоторым слухам, Френчи заработал свое состояние на импорте-экспорте, по другой версии, он был судовладельцем. Однако первое предположение больше напоминало правду: Френчи процветал благодаря международной контрабанде наркотиков. Кроме того, он руководил организованной прости-

туцией и незаконной контрабандой спиртного, контролировал игорные дома и занимался прочей подпольной деятельностью, результаты которой манили к себе честных американских граждан, как библейский запретный плод, поглощая большую часть их свободного времени и денег. Несколько лет назад Френчи решил легализовать свой бизнес, насколько это позволяли рамки закона. Теперь в основе его деятельности лежали финансовые и ссудные компании, а также несколько мелких, но законных предприятий. И те, и другие объединялись под звучным названием "Энтерпрайсиз Френчи". Но все равно Френчи продолжал оставаться членом семейства по имени Мафия. Это не та семья, от которой можно легко отказаться или лишиться ее наследства, даже если очень хочется. Клятва связывала с семьей до самой смерти, все остальное отступало на второй план: семья, родители, дети. Клятва Организации давалась перед лицом Господа и Церкви.

Серджио Френчи уже сорок первый год состоял в браке, но так и не стал отцом. Будучи же человеком по натуре пылким и любвеобильным, Серджио находил утешение в детях своих друзей и близких, превращаясь для одних в "дядю Серджио", для других, очень немногих, в "папу Серджио". В последнем качестве его воспринимали дети Леопольда Таррина, одинаково привольно чувствуя себя и в длинном доме на холме, и в доме своих родителей. Анжелина Таррин,

осиротевшая в десять лет, искренне считала папу Серджио настоящим дедушкой своих детей. Что же касается миссис Френчи, то последние десять лет она путешествовала по всему миру, и ее часто вспоминали в свете обыденных, домашних будней, но сама она очень редко появлялась в доме.

В это сентябрьское утро вилла Френчи показалась Анжелине Таррин такой же, как обычно, разве автомобилей на стоянке было больше, чем всегда. Дети, кубарем вылетев из машины родителей, с радостным визгом помчались к дому. Лео ободряюще пожал руку жены и, оставив ее около машины, пошел по тропинке, ведущей к заднему фасаду виллы. – "Как странно, – думала Анжелина. – За одну ночь весь мир перевернулся вверх дном". Огромный дом, который она так любила, казался ей теперь полным угроз и зловещих предчувствий. Она задавалась вопросом: удастся ли ей, как раньше, выглядеть счастливой и веселой, заставляя себя верить, что Серджио все тот же добряк-дедушка. Почувствовав, что продрогла, несмотря на жарко палившее солнце, Анжелина пошла следом за детьми.

Ее муж приехал сюда с целью спланировать и подготовить убийство человека. Он сидел сейчас за одним столом с гангстерами, а его дети резвились на солнышке, пока обговаривались детали преступления. Преступления, которое она чуть было не совершила сама. Но в той кошмарной, невыносимой ситуации ее

охватила паника, и она даже не помнила, как нажала на курок. Слава Богу, она все-таки сделала это. Правда, ее поступок был продиктован чувством самосохранения, защиты родного гнезда. Но вот так спокойно сидеть, разговаривать, замышляя убийство?! Анжелину Таррин снова охватила дрожь, и ей пришлось заставить себя подняться по ступеням к дому. "Может быть, – думала она, – реакция этих людей совершенно нормальна, и они действуют единственно возможным способом?" Вероятно, когда-нибудь она сможет простить Лео его участие в Организации. И тогда она, как "мама" Френчи, отправится в кругосветное путешествие, чтобы забыться, спрятавшись от гнусной реальности жизни... Миссис Таррин отогнала от себя эти тяжкие думы и, смахнув с глаз слезы, отправилась разыскивать детей.

Первый урок, преподанный Боланом, был твердо усвоен. Совет собрался в зале с плотно задернутыми шторами. Двадцать телохранителей рассыпались по территории усадьбы, и еще человек двенадцать патрулировали квартал.

– Итак, наша малышка Анжелина чуть было не сделала работу, оказавшуюся не под силу целой армии, – с сарказмом произнес Серджио. – Да к тому же почти детским пистолетиком, а?

Он расхохотался и укоризненно глянул на Лео Таррина, сразу почувствовавшего себя очень неудобно.

– У тебя превосходная жена, Леопольд. Береги эту женщину и заботься о ней. Она сделает из тебя мужчину.

– Я чертовски рад, что она оказалась там, – пробормотал Таррин. – Она спасла мне жизнь. Вам когда-либо приходилось ощущать холод пистолетного ствола, упирающегося в затылок? Не могу передать, как я рад, что она в тот момент оказалась рядом.

– Уж не извиняешься ли ты? – Серджио казался удивленным.

– Я вам рассказал, как все произошло. Неожиданно – паф! И он здесь! Кстати, в полицию я не звонил. Они налетели, как стая мух на дерьмо. Должно быть, находились совсем рядом. Удивляюсь, как это Болану удалось проскочить мимо них. Я вам говорю, что они были повсюду. У меня даже возникло чувство, будто я присутствую на ежегодном балу полиции, да к тому же у себя дома!

– Послушай, тебе не в чем извиняться. Знаете, о чем я думаю?

Серджио молча обвел взглядом лица притихших гостей:

– Мне кажется, что этот человек работает на полицию. Не на нашу, местную, нет. Его сюда направили. Я думаю, что он агент ФБР или ЦРУ с правом на убийство. Вам ясно?

Маленький человечек нервно крутился на краешке

стула у дальнего торца стола и наконец подал голос:

– Это нелогично, Серджио. Я уверен, что уже слышал нечто подобное. Поверьте мне, полиция из кожи вон лезет, чтобы наложить лапу на этого типа.

Серджио окинул человечка презрительным взглядом:

– Ты хочешь сказать, что много знаешь? А? Что ты слишком важная птица, которой все сообщают, так, что ли? Особенно когда речь идет о ФБР?

Человечек утвердительно кивнул головой:

– Я думаю, да. Вы сами знаете, что это так. Ведь я всегда снабжал вас первоклассной информацией.

– Они все испробовали, чтобы сломить нас! – закричал Серджио в приступе гнева, сопровождая каждое слово ударом кулака по столу. – Почему бы им теперь не испробовать этот метод? А?

– Потому что это не по-американски, – спокойно ответил коротышка. – Федеральные агенты так не работают.

– Хорошо! Посмотрим, кого он убил? – задал вопрос Серджио. – Кого-нибудь из нас? А? Нет, нет! Хотя человек, сумевший превратить в пыль бокал вина, который я держал в руке, мог запросто прикончить и меня самого, если бы захотел! А?

– Так в чем же дело, Серджио? – спросил Пласки.

– Он ведет психологическую войну! – внезапно успокоившись, ответил старик. – Вот что! И может быть...

— добавил он задумчиво, — может быть, bambini, этот Болан не один?

После такого заявления в помещении надолго повисла гнетущая тишина. Все смотрели на Серджио, который, присев к столу, молча подвигал по полированной столешнице коктейльную салфетку, а затем заговорил:

— Смотрите, что произошло. Пять человек убито на улице возле "Триангл", но преступника никто не видел. А к Натану приходит солдат, никому не известный и ни с кем не встречавшийся раньше, и убеждает Уолтера дать ему место в Организации. Едва он успевает кое-кому приглядеться и выяснить адреса ряда наших контор, как мы узнаем от нашего агента по безопасности...

Серджио поднял глаза на коротышку и, метнув в него яростный, испепеляющий взгляд, продолжил:

— ...от нашей службы безопасности, что этот солдат и есть убийца пятерых наших людей и что он собирается прикончить нас всех! Естественно, мы заключаем контракт на убийство, но он тоже выжидает. И снова ни одна живая душа не видит его. Он заявляется в один из домов Леопольда, но быстро исчезает. И никто не может сказать, что человек, устроивший пожар, и тот, кто бессмысленно палил по машине, одно и то же лицо? Затем сцена у Уолтера: мужчина, похожий по описанию на Болана, разговаривает с поварихой. Но кто знает, сколько еще человек находилось в этот момент на территории усадьбы? А? Вы понимаете, что замышляет-

ся, bambini? Прямо на наших глазах создается образ. Непобедимый, могущественный призрак ходит у нас под носом и, неуязвимый, убивает и разрушает все на своем пути, когда ему этого хочется. Это образ страха.

Всех двенадцать человек, сидевших вокруг стола, охватило лихорадочное возбуждение. Послышался шепот, реплики, задвигались и заскрипели стулья. Гости закурили.

Серджио, казалось, наслаждался своей ролью. Он широко улыбнулся:

– Ну, что? Теперь понятно, а? Наша безопасность не так уж надежна, а? Мафия успокаивается, почивает на лаврах, а? Жизнь стала слишком легкой, говорят они. Новое поколение Организации оупело в роскоши и безделье. Так встряхнем их, говорят они. Расшевелим их как следует и посмотрим, каких ошибок они наделают. Сыграем с мафией в свою игру, и, может быть, они дрогнут так, что удастся развалить их дом до основания! Вот что говорят между собой федеральные агенты!

– Мне эта ситуация, в отличие от предыдущей, совсем не нравится, – кисло прокомментировал Сеймур. – Один человек, пусть даже призрак, меня устраивает больше, нежели массированный штурм, предпринимаемый федеральным правительством без оглядки на существующие законы и правила.

– Ах, его устраивает! – загремел Серджио. – Покой

тебе подавай? Засунь себе этот покой в задницу, эрудит, и спи с ним! Серджио Френчи нужен мертвый Болан! Не призрак, не непобедимый разрушитель, а труп!

– Но вы только что сказали... слабо запротестовал Сеймур и, махнув рукой, замолчал.

– Я сказал, что вам не мешало бы набраться смелости, – поучительно произнес старик. – Перестаньте ныть и жаловаться на этого призрачного Болана. Уничтожьте его. Сделайте из него настоящий призрак и передайте федералам, чтобы они прислали нам следующего. Ну, что? Кто тут храбрый и смелый? А? Леопольд? Наши женщины?

– Мы прикончим его, – мрачно заявил Таррин, опуская глаза.

– Да, да, мы прикончим его. И вот каким образом. Натан, ты прежде всего...

Так начался совет 1-го сентября. Мафия обрела второе дыхание, и Маку Палачу предстояли тяжелые времена.

Глава 15

Болан уже больше двух суток гостил у Валентины Куэрент. Он узнал, что она преподает в той самой школе, куда он был направлен инструктором по военной подготовке, чем, однако, пока так и не занялся. Еще он выяснил, что в свои двадцать шесть лет она не замужем и склонна к резким колебаниям настроения в диапазоне от полной серьезности до щенячьего восторга. Кроме того, она казалась одновременно и целомудренной, и опытной во всех отношениях, краснеющей по пустякам и чувствующей себя совершенно непринужденно в самых затруднительных, пикантных обстоятельствах. Они спали на одной кровати, и Валентину скрывала от Болана только широкая ночная рубашка с пеной кружев. Девушка не стесняясь помогала, когда Маку нужно было одеться или раздеться, он часто видел ее только в лифчике и трусиках, но их тела никогда не соприкасались, губы не сливались даже в шутивом, невинном поцелуе.

Болан в третий раз проснулся в постели Валентины. Она сидела рядом с ним, внимательно изучая его черты.

– Привет, – сказал Мак.

Смутившись, она опустила густые ресницы:

– Вы всегда просыпаетесь, когда я начинаю смотреть на вас.

– Я нахожу это довольно приятным. Впервые он накрыл своей ладонью ее маленькую руку.

– Нет, лучше не надо, – попросила Валентина, прерывисто вздохнув, и попыталась высвободить руку.

– Почему? У вас очаровательная ручка, нежная и одновременно вселяющая уверенность.

– Но... это... ваша раненая рука.

– О-о, она себя сейчас очень хорошо чувствует и могла бы даже вас обнять.

– Будьте наконец серьезны, Мак. Действительно, я сижу здесь потому, что думаю... ну... я считаю, что вам уже пора покинуть это убежище.

– Вы выставляете меня за дверь? – спросил он.

Она согласно кивнула:

– Да, тем паче, что вы себя уже настолько хорошо чувствуете...

– Насколько? – невинно спросил Болан.

– Достаточно хорошо, чтобы обнимать меня.

– Придвиньтесь ко мне, попробуем, – предложил Мак.

– Я не против... – ответила Валентина, в упор глядя на него. Но именно поэтому я считаю, что...

– Что мне лучше уйти?

– Да.

Она освободила руку и стала теребить складочку

платья на коленях.

– Вы сколько раз влюблялись, Валентина? – тихо спросил Болан.

– О нет! Я прошу вас, давайте не будем об этом.

– Я серьезно спрашиваю, вы когда-нибудь любили?

– Конечно. Раза два или три.

– Ну и как это выглядело?

Возникла короткая пауза, потом Валентина спросила:

– Вас это действительно интересует?

– Очень.

– Я не знаю, что это такое – любить. Я имею в виду по-настоящему. Конечно, мне случалось увлекаться. Но на этот раз мне кажется, что я не просто равнодушна к вам.

Болан пропустил это заявление мимо ушей.

– Мне тридцать лет, – задумчиво произнес он.

– Я знаю.

– Когда-то раньше я думал, что в один прекрасный день влюблюсь в очаровательную девушку.

– Как давно это было?

– Об этом я не думал уже долгие годы. И вдруг эта мысль снова вернулась ко мне. Почему?

Мак напряженно смотрел на нее, пытаюсь прочитать ответ в ее глазах.

– Мак, умоляю вас, не надо...

Он обнял ее и привлек к себе.

– Нам не стоит продолжать эту опасную игру, – прошептала девушка. – Я не хочу любить убийцу.

Глаза Болана, превратившись в колючие льдинки, потемнели от еле сдерживаемого гнева. Он разжал руку, и Валентина, вскочив с кровати, выбежала из комнаты. Болан опустил ноги на пол, потянувшись за одеждой. Из гостиной послышались сдавленные рыдания Валентины.

Мак встал, сгреб одежду в один ком и побрел в ванную. Развесив все по крючкам, он снял повязку и стал рассматривать свою рану в зеркало. Входное отверстие от пули уже затянулось, и Мак решил, что может вымыть плечо с мылом. С наслаждением он принял душ, затем оделся и вышел на кухню. На столе стоял готовый завтрак, но Валентины дома не было.

Обдумывая ситуацию, Болан автоматически проглотил поджаренный бекон с яичницей и горошком. Едва он успел выкурить сигарету и допить третью чашку кофе, как хлопнула входная дверь, а секундой позже на кухне появилась Валентина. Она запыхалась, покраснела и выглядела очаровательно в коротких шортах и узкой, в обтяжку, рубашке.

– Я снова перегнала вашу машину, – сообщила она, – усаживаясь напротив и глядя на него заплаканными глазами.

– Спасибо, – тихо ответил Болан. – Вы заслуживаете медали. Нет, лучше я вам вручу десять тысяч дол-

ларов.

– Десять чего?

– В багажнике этой машины лежит много денег. И я вам дам десять тысяч долларов.

– Мне они не нужны, сухо ответила девушка. И потом откуда они у вас?

– Деньги?

Он улыбнулся и не торопясь закурил:

– Мало того, что я убийца, я еще и вор, хотя никто не жалуется на кражу. Ведь я похитил двести пятьдесят тысяч долларов у мафиози.

– Боже мой! И эти деньги находятся в багажнике вашей машины?

Болан коротко кивнул и, пустив в потолок струйку дыма, продолжил:

– Я собираюсь не только хранить это богатство, но и приумножать его за счет мафии. Война стоит дорого. Так что я решил бить "маттео" их собственными деньгами. Понятно? Я не только убиваю, но еще и ворую.

– Я... не думаю о вас как об убийце, Мак, – смущенно ответила Валентина. – Не знаю, почему я тогда сказала...

– Но вы были правы. Завтра утром в школе начнутся занятия, и вы отправитесь в свой класс. А я возвращаюсь на фронт.

Улыбаясь, он смотрел на нее:

– Мне очень жаль, что я не сдержал своих эмоций.

– Поверьте, я действительно не думаю о вас как об убийце, – повторила девушка, опуская глаза. – Вы можете оставаться здесь столько, сколько хотите, но спать придется на диване. Разве что...

Брови Болана поползли вверх:

– Разве что?

– Так... ничего, – пробормотала она, покраснев до ушей и отворачиваясь. – Мне не хотелось бы отпускать вас не только из моего дома.

Вдруг без всякого перехода, как это умела только она, Валентина широко улыбнулась и открыто посмотрела на Болана блестящими ясными глазами:

– Мне двадцать шесть. И я никогда по-настоящему не любила. Уж не думаете ли вы, что я вам теперь позволю так просто уйти?..

Их взгляды встретились, и Болан почувствовал, как гулко забилось его сердце, чего с ним никогда раньше не было.

– Вал, – прошептал он.

Они поднялись из-за стола одновременно и, потянувшись друг к другу, сплелись в тесном объятии. Болан прижимал к себе ее гибкое стройное тело, даже не обратив внимания на боль в плече. Их губы встретились и слились в долгом поцелуе, которого они оба ожидали с одинаковым нетерпением и надеждой.

Не говоря больше ни слова, Болан взял ее на руки и понес в спальню. Обняв Мака за шею и уткнувшись

лицом в широкое плечо, девушка согривала его своим прерывистым, жарким дыханием. Болан поставил ее на кровать, раздевая и целуя упругие бедра и плоский, подтянутый живот. Валентина, вся затрепетав, прижала к себе его голову, затем опустилась на колени и, обвивая гибкими руками его шею, впиалась полуоткрытым ртом в его губы...

– Я помогу тебе, – срывающимся жарким шепотом произнесла она, неловко помогая Маку раздеться.

Болан мягко отвел ее руки, сбросив с себя одежду. Валентина откинулась на подушки и молча застыла, не сводя с него нетерпеливых глаз.

– Я люблю тебя, Мак Болан.

Он лег рядом, ласково ответив:

– Спасибо.

– Я прошу тебя... – ее голос был тише дуновения летнего ветерка.

– Вал, милая, прижмись ко мне покрепче...

– О-о! Мак! Я люблю тебя... Мак!

– Я тоже люблю тебя, Вал.

Их дыхание смешалось, слившись воедино. Валентина отдалась своей любви со стонами и слезами радости, наслаждения и счастья...

Мак держал Валентину в объятиях, и ее голова лежала у него на груди, когда она, слегка повернув голову, прошептала:

– Мне так не хочется, чтобы сегодняшний день ко-

гда-нибудь закончился. Хотя это неизбежно, но, несмотря ни на что, я счастлива.

Болан улыбнулся ей и, поцеловав ее в висок, ответил:

– Мне очень жаль, что обстоятельства сложились именно так, Валентина. Ведь ты заслуживаешь большего, гораздо большего.

– Мне трудно представить... – робко возразила она.

– Ты могла бы, по меньшей мере, полюбить человека, достойного тебя.

– Оставь эти глупости, Мак, – она приложила палец к его губам и продолжила:

– Ты можешь скрыться, забыть этих людей. Ведь есть столько отдаленных уголков, куда бы ты мог уехать. Если хочешь, я пойду за тобой хоть на край света.

– Что понимает в мире жестокости и насилия ангел вроде тебя? – серьезно спросил Болан.

– Зла недопустимо, Мак. Его можно сотворить, но тот, кто совершит зло, сам же и пожнет его плоды.

– Очень опасная теория, – ответил Болан. – Стоило бы поговорить в этом духе с евреями о Гитлере.

– Но ведь именно Гитлер испытал на себе все несчастья от своего зла.

– Да. Но только что произошло бы, подставь ему мирную другую щеку? Люди получили бы вторую звонкую оплеуху и неизвестно где находились бы теперь.

Они замолчали. Потом Валентина взобралась на

Мака верхом и, нагнувшись, ласково куснула его за нижнюю губу.

– Ты полностью посвятил себя насилию, так? – грустно спросила она.

– Нет, ты ошибаешься, Вал. Не полностью, но сейчас да.

Его руки, нежно скользнув вдоль спины Валентины, опустились на ее круглые, выпуклые ягодицы:

– Как бы то ни было, Вал, а мне отступать некуда. Я больше никогда не стану свободным человеком. Никогда. Правосудие преследует меня за мои "преступления". Меня разыскивает армия, и скоро я прослышу дезертиром. Мафия тоже охотится за мной. А теперь, дорогой мой идеалист, и ты с ними заодно... Получается, что Мак Болан выступает один против всего мира.

– Тебе нужны добровольцы? – прошептала Валентина.

– А?

Вместо ответа она обвила его руками, прижимая к себе в бесконечном отчаянии женщины, обреченной на вечное одиночество. В уголках глаз, едва сдерживаемые, блеснули крупные слезы.

– Мне бы хотелось стать на сторону Болана, – вымученно улыбнулась она. – Можно записаться добровольцем?

Мак повернулся на бок, увлекая девушку за собой и покрывая ее заплаканное лицо поцелуями:

– Ты переходишь на сторону, поражение которой предопределено.

– Я ничего не знаю, ничего, – произнесла она сквозь слезы. – Но мне кажется, что ты сможешь пройти свой путь до победного конца.

Глава 16

Ночь окутала город своим темным бархатным плащом. Мак Болан Палач стоял у двери в черной боевой форме, готовый к очередной схватке. Прижавшись к нему всем телом и обняв его за шею, Валентина целовала ставшее таким дорогим и близким суровое лицо одинокого воина. Вдруг совершенно случайно она дотронулась до "Кольта-45", висевшего на поясе Болана, и тут же в ужасе отдернула руку, словно прикоснулась к ядовитой змее.

– Будь осторожен, – прошептала она. – Возвращайся...

– Я вернусь, – пообещал Мак, – скорее всего, не сегодня. Может быть, даже не завтра. Но я вернусь.

– Мы провели с тобой волшебный медовый месяц, – вздохнула Валентина.

– Только очень короткий, – улыбнулся он краешком губ.

– Действительно, слишком короткий. – Она коснулась пальцем его левого виска. – Как ты думаешь, здесь отрастут волосы?

– Я рад хотя бы тому, что не лишился уха.

Валентина погладила Болана по плечу:

– А как с плечом? Все в порядке?

– Слава Богу, что это оказалось не правое плечо.
– В общем, ты всему рад и всем доволен, – констатировала она, смешно морща свой чуть вздернутый носик.

– Если бы ты знала, что за отдача у карабина большого калибра и с какой силой приклад бьет в плечо, ты бы тоже была довольна, – скромно ответил Болан.

– Мак Болан, я готова поклясться, что ты, кровожадный людоед, просто умираешь от желания вернуться на поле боя, разве не так?

– Если сказать правду, то нет, – ответил Мак с улыбкой. – После первого ранения это всегда тяжело.

– Тогда почему бы не... – быстро отреагировала Валентина на открывшийся вдруг еще один шанс остановить Болана.

Она не смогла договорить: Мак приложил палец к губам.

– Давай больше не будем возвращаться к старой теме, – мягко, но непреклонно ответил он. – Послушай меня внимательно. Если со мной что-либо случится и я попаду в серьезный переплет, я постараюсь позвонить тебе. Но до тех пор пока ты не получишь от меня известий, можешь не волноваться. Молчание во время войны зачастую наилучшее средство выживания. Ясно? Так что будь спокойна.

– Постараюсь, – пообещала она дрожащими губами. Болан выключил свет и, приоткрыв дверь, внима-

тельно глянул по сторонам, затем шагнул за порог и исчез. Валентина подбежала к двери, чтобы еще раз увидеть ставший родным длинный широкоплечий силуэт, но ночь-сообщница уже сделала его невидимым. Девушка заперла дверь и, прислонившись к косяку, тихонько заплакала. Вся ее жизнь перевернулась в одночасье, в ней появилась любовь и тайна: два таких разных и все-таки похожих понятия. Валентина вздохнула, вытерла слезы и зажгла свет. Бесцельно бродя по квартире, она пыталась найти материальные следы этой трансформации, но тщетно. Тогда она включила телевизор и, калачиком свернувшись в кресле, приготовилась ждать. Он придет. Обязательно придет. Он обещал...

* * *

Болан остановил машину у первой же телефонной будки, чтобы набрать номер лейтенанта Ала Уотерби.

– Ну, не странно ли? – сказал Мак вместо приветствия. – Когда бы я ни позвонил, вы всегда у телефона, лейтенант. Неужели вы поженились с вашей работой?

– Болан? – чувствовалось, что Уотерби весь превратился во внимание.

– Да. Я здорово поразвлекался на Лазурном Берегу и хотел бы знать, не соскучились ли вы без меня?

– Дьявол! – рявкнул Уотерби. – Я уже понадеялся, что никогда больше вас не увижу. Болан, почему вы еще не в Мексике?

– А там нет ничего интересного, – последовал ответ. – Я смотрел телевизор. Так вот, чтоб вы знали, я не был ни в Мексике, ни в Латинской Америке, а все время находился здесь. Чем занимаются наши общие друзья?

– Болан, это вам не частная детективная лавочка, – забрюзжал Уотерби. – Вы чертовски обнаглели, если звоните прямо сюда. На вас выдан ордер за одиннадцать убийств, не считая прочей мелочи.

– Ужасно, правда? – рассмеялся Болан. – Но до рассвета их станет больше, так что вы не особенно волнуйтесь.

– Болан, ради Бога, прекратите это, – взмолился лейтенант. – Послушайте меня, общественное мнение и вся мэрия симпатизируют вам, не выражая этой поддержки открыто, конечно. Вы должны были понять это, если смотрели телепередачи. Теперь хватит, явитесь с повинной или скажите мне, где находитесь, и я сам приеду за вами. Два крупнейших адвоката страны заявили, что заинтересованы вашим делом, и я думаю...

– Достаточно, лейтенант, – резко оборвал его Болан. – Я ничего не собираюсь прекращать, особенно в отношении мафии, понятно?

– Она вас тоже не оставит в покое, – так же резко возразил полицейский. – Они постарались максималь-

но воспользоваться предоставленной им передышкой, так что готовы и ждут вас.

– Хорошо, именно это я и предполагал. Поэтому и звоню вам. Очень хотелось бы знать, нет ли у вас каких-нибудь новостей для меня?

Тяжелое дыхание полицейского на несколько секунд заполнило тишину:

– А почему я должен вам что-то сообщать?

– Я на вашей стороне, и вы об этом знаете!

– Еще чего!

– Это так, к тому же я плевать хотел на ваши ограничения. Благодаря мне эти подонки дрожат так, как не дрожали никогда в жизни, вы это тоже знаете. Так с какой стороны баррикады стоите вы, Уотерби?

– Не может быть и речи о какой-то стороне, – взревел полицейский. – Это... Это...

– Это деталь. Ладно, обсасывайте детали, если вам нравится. Но я чертовски хотел бы знать, что они замышляют.

– Они думают, что вы работаете на нас, – кашлянул в трубку Уотерби.

– Ну вот! Видите? Они не мелочатся, как вы, и не интересуются деталями!

– Теперь у них появились собственные группы коммандос. Как только вы высунете нос, они тут же обложат вас, как медведя в берлоге. В их арсенале нет разве что атомной бомбы.

– Серьезно?

– Клянусь. Ваши шансы равны нулю, Болан. Вы их только оглушили, но они уже пришли в себя и сплотились. Первая же акция выдаст ваше местопребывание и станет для вас последней. Вы только наделаете глупостей, как любой дилетант. Вы уже и так чуть было не сорвали нам операцию, которую мы готовили против мафии в течение пяти лет.

Стало тихо. Потом Болан спросил:

– Значит, сейчас осуществляется какая-то операция?

– Конечно. Иначе откуда бы я брал ту информацию, которой снабжаю вас?

– Вы говорите, пять лет? И сколько же лет еще она будет продолжаться?

– Столько, сколько потребуется. Мы хотим покончить с ними раз и навсегда, Болан. Мы выжидали подходящий момент.

– Целых пять лет?

Полицейский повысил голос:

– Мы знаем, что делаем.

– Я тоже знаю, – ответил Мак. – И это не затянется на пять лет. Уберите своих людей, Уотерби. Моя атака начнется сегодня ночью.

– Мы вас накроем при первом же удобном случае!

– Вам это никогда не удастся. Все, на что вы годитесь, так это только помогать врагу. Я вас предупре-

жду: уберите своих людей. Я атакую ночью.

Не дожидаясь ответа, Болан повесил трубку и вернулся к машине, обдумывая все, что услышал от Уотерби. Конечно, полицейский прав. Вся кампания приобретала масштабы, начинавшие выходить из-под его контроля.

Мак Болан в военном деле умел реально смотреть на вещи и знал, что превосходящие силы всегда одерживают верх над малочисленными силами противника, только превосходство это не обязательно вопрос количества. Отборная, обученная рота может уничтожить целую бригаду новобранцев. Болан хорошо запомнил уроки по выживанию на войне. И до сих пор его стратегия была верна. Он заставил противника открыться, а также взломал бункеры их общественной респектабельности. Но добился этого слишком дорогой ценой, потеряв то превосходство, которое до сего момента имелось на его стороне.

Уотерби правильно оценил ситуацию. На этот раз мафиози будут начеку и приготовятся ко всем неожиданностям. А Болан собирался нанести почти лобовой удар. Вот если только...

Внезапно Мак улыбнулся, завел мотор и тронулся, не включая никаких огней.

Он направился в промышленный район города, на юг, и очень скоро выехал на территорию огромного складского комплекса, по памяти восстанавливая туда

дорогу. Несколько лет назад Болан провел здесь не одну неделю. Только бы вспомнить, где этот склад...

Он нашел его довольно легко – это низкое здание с совершенно плоской крышей и изъеденной временем и непогодой надписью, гласившей: "SURPLUS EXPORT INC", а ниже буквы M.D.I., означавшие, как вспомнил Болан, "Международные дистрибьюторы боеприпасов".

В качестве эксперта по боеприпасам Болан когда-то бывал здесь, помогай в составлении каталога огромного количества оружия и боеприпасов, которые в виде излишков федеральное правительство передало фирме. Болан составил тогда перечень разнообразных видов вооружения, вообще никогда не использовавшихся и по времени относящихся к периоду второй мировой войны. Эти материальные ценности не подлежали продаже американским гражданам, к тому же в то время у экспортеров дела и так шли превосходно. Вообще-то Болан давно подозревал, что так называемый "военный избыток" являлся не чем иным, как материальным воплощением ошибок правительственных чиновников в сфере военных заказов. Оружие, которое Болан видел на складе, считалось устаревшим, но сейчас он был не прочь раздобыть кое-что из "устаревших образцов".

Оставив машину под платформой грузового подъемника, Мак осторожно обошел пешком здание скла-

да, осматривая территорию и выискивая сигнальные устройства. Закончив обход, он вернулся к машине, достал из багажника сумку с инструментами и вытащил пачку долларов из-под запасного колеса.

Спустя десять минут Болан уже находился в вентиляционном коробе. Остальное оказалось еще проще, чем он думал...

Снайпер Болан, неторопливо расхаживая среди стеллажей, выискивал "особое оружие". Тщательно осматривая, он выбирал те вещи, которые, по его мнению, могли ему обеспечить желанное превосходство в бою. На отдельном листе бумаги он записывал все, что брал, не забывая проставлять цену.

Наконец, дважды проверив список, Мак подбил сумму, добавил еще десять процентов на свои "ошибки" и оставил перечень вместе с деньгами на самом видном месте. Он не считал себя вором, к тому же видел особую прелесть в том, что расплачивался за покупку деньгами врага.

Отключив систему сигнализации, Болан открыл дверь, выходящую на погрузочную платформу, и перенес купленный товар в машину. Покончив с этим, он вернулся в помещение склада и снова включил сигнализацию. Выходить пришлось тем путем, которым он сюда проник. Уже отъехав от склада, Мак разминулся с машиной охранников, патрулировавших весь комплекс и отвечавших за его безопасность. Болан усмехнулся

и выехал на магистраль. Теперь он обладал достаточными средствами, чтобы выкурить своих бывших "друзей" из их логова.

Глава 17

Припарковав машину за многоэтажным жилым корпусом, Болан на служебном лифте поднялся на пятый этаж, прошел через темный коридор, скользнул взглядом по номерам и остановился у квартиры 511, нажав кнопку звонка. Прошла минута, когда наконец за дверью раздался шорох, шарканье ног и мужской голос произнес:

– Сейчас, сейчас. Одну секунду.

Мак отпустил кнопку звонка, здоровым плечом навалившись на дверь. Едва щелкнул замок, как дверь распахнулась под напором его мощного тела, отбрасывая хозяина квартиры в сторону.

– Что? В чем дело... – заикаясь от испуга, спросил он.

– Вы меня знаете, – бросил Болан. – Одевайтесь. Мы уходим.

Мужчина, неожиданно развернувшись, резво побежал в глубь квартиры, но Болан был начеку. Схватив беглеца за руку, он рывком повернул его к себе лицом, нанеся мощный удар под ложечку. Человек охнул, захрипел и рухнул на пол. Болан предусмотрительно придержал соперника, пока у того не восстановилось дыхание, и потащил его в спальню.

Через пару минут они вместе вышли из квартиры и, спустившись вниз в служебном лифте, сели в машину Болана. С момента их стычки в прихожей они больше не проронили ни слова. Человек взглянул на какой-то громоздкий груз, прикрытый чехлом и занимавший почти весь салон машины.

– Что это еще там?

– Возможно, трупы, – спокойно ответил Болан. – У вас есть шанс тоже там очутиться, если не начнете вести себя благоразумно.

Мужчина сухо отвернулся и замолчал. Он уже догадался, куда они поедут. Он работал программистом в фирме "Эскортс анлимитед" и не удивился, когда машина остановилась перед офисом фирмы. Молодой человек вышел из машины и без труда открыл входную дверь. Болан следовал за ним по пятам.

– Что мы будем здесь делать?

– Не мы, а вы, – ответил Болан. – Передайте мне все материалы по проституции. Все. Ясно? Досье де вочек по вызову, из борделей, уличных, короче, – всех. И быстро.

– Хорошо, мистер, – ответил программист.

– Учтите, что нажав не на ту клавишу, вы автоматически выносите себе смертный приговор. Не забывайте об этом. Если я получу то, за чем пришел, для вас на этом все неприятности закончатся. Если же вы попытаетесь меня обмануть, я застрелю вас, понятно?

– Понятно, мистер.

Через двадцать минут они вышли из офиса. Болан держал в руке большой конверт.

– Это происшествие останется между нами, – сказал Мак. – Но если я узнаю, что вы кому-нибудь о нем скажали хоть полслова, то посчитаю, что вы нарушили наше джентльменское соглашение. Договорились?

– Я ничего никому не скажу, – робко пообещал программист.

Болан оставил его на тротуаре и, сев в машину, уехал. Его меньше всего интересовало, скажет что-либо программист или нет. Как только он закончит с этими списками, то тут же пошлет их лейтенанту Уотерби. Может быть, они представляют для полиции какой-то интерес, если их так долго и тщательно хранили в секрете. Болан взглянул на часы. Прошел всего лишь час. Ночь начиналась удачно, обещая стать одним из дантовых кругов ада.

* * *

Болан бесшумно прошел по слабо освещенному коридору и, остановившись перед нужной дверью, прислушался к доносившимся в коридоре звукам. Удовлетворенно кивнув, он мощным ударом ноги вышиб дверь, черным призраком грозно возникая на пороге, и

увидел то, что и ожидал увидеть.

Молодая красивая женщина стояла на четвереньках на краю кровати со скомканными в беспорядке простынями. Совершенно голый мужчина находился сзади, между ног женщины, вцепившись в ее полные, широкие бедра. Парочка смотрела на Болана, ни на миг не прерывая своей деятельности. Эта сцена поражала своей иррациональностью и кошмарным гротеском.

В полной тишине Мак шагнул вперед и хлестко ударил мужчину тыльной стороной кисти. Тот закрутился волчком и, вскрикнув, отлетел в угол комнаты.

Этой же рукой Болан изо всей силы, не жалея, врезал по бесстыдно выпяченному заду девки. Взвыв от боли, она упала на постель, потом перевернулась на бок и осыпала его площадной бранью и градом проклятий. Ее перепуганный партнер, трясущимися руками собрав свои вещи, стремглав бросился за дверь. В тот же миг из другой комнаты вылетел парень лет двадцати пяти, вооруженный длинным ножом. Молниеносным броском Болан выбил у него из руки нож и отшвырнул парня к стене, как щенка. Тот ударился спиной и затылком о стену, мешком сползая на пол. Девица прекратила вопить, тупо уставившись на его обмякшее тело. Болан обернулся к ней, оскалив зубы в не предвещавшей ничего хорошего улыбке, и спросил:

– Здесь еще кто-нибудь работает?

Девица, энергично мотнув головой, прошептала:

– Есть девушки внизу, в баре.

– Посмотрим.

Мак вышел из комнаты и двинулся вдоль коридора, распахивая все двери подряд. И в последней, шестой комнате он нашел еще одну парочку. Две обнаженные женщины сплелись на постели в один невероятный клубок: Болан не видел головы ни одной, ни другой лесбиянки.

Он громко спросил:

– Вы что, оглохли? Не слышите, что тут делается?

Ответа не последовало, тогда Болан сунул руку в сладостно стонущий клубок, стащив обеих женщин на пол. Искаженное любовными спазмами лицо дамы постарше, лет сорока пяти, побледнело, отразив целую гамму чувств, от удивления и испуга до стыдливого негодования:

– Что вы здесь делаете? Убирайтесь вон!

– Которая тут из вас на работе? – с ухмылкой спросил Болан.

Хорошо сложенная девица поднялась с пола, испуганно уставившись на него.

Мак, звонко шлепнув ее ладонью по голому заду, толкнул на кровать, потом подобрал одежду всхлипывающей гостьи и повесил ей на шею.

– Будет лучше, если вы исчезнете, – сказал он. – Я собираюсь уничтожить этот бордель.

Слезы ручьями брызнули из глаз дамы, и она голы-

шом выскочила в коридор. Болан с усмешкой обернулся к проститутке, съезжившейся на кровати под измятой простыней, натянутой до талии.

– Скажешь Лео, что мне не нравятся его бордели на Мэйн-стрит. – Болан бросил на кровать снайперскую медаль. – Не забудь!

Мак вышел и, спустившись по лестнице служебного хода, оказался возле своей машины. Еще через десять минут он был уже в районе частных домов. Сверившись со списком из конверта, он подошел к нужному дому и осмотрел дверь черного хода. Заперто. Болан вернулся к машине и достал из багажника монтировку. Под ударом рычага замок хрустнул – дверь открылась. Мак чуть выждал и, прислушавшись вошел в дом. Он оказался в небольшом кабинете, из которого через круглое слуховое окно виднелась кухня. Напротив была еще одна дверь: там, судя по всему, дела шли хорошо: от рева динамиков вибрировали даже стены. Мак вытащил "Кольт-45" и, открыв дверь в кухню, буквально наткнулся на голую красавицу, склонившуюся над раковиной умывальника. По запаху спиртного Болан понял, что девица уже прилично пьяна, но все же попыталась, опершись о раковину, достать из ячеек формы кубики льда.

– Сиськи отморозишь, – мягко предупредил ее Болан, проходя мимо.

– Очень смешно, – буркнула та, даже не подняв на

него глаз.

В большой, богато украшенной гостиной весь пол был устлан обнаженными человеческими телами. Светильники рассеивали мягкий, теплый свет. На полу, казалось, никто не двигался, но в салоне стоял негромкий гул голосов: смех, стоны, женский визг, разговоры. Никто даже не заметил постороннего человека, одетого к тому же несколько необычно.

Болан вернулся на кухню и на минуту задержался там, помогая девице добыть лед. В знак признательности она наградила его звучным поцелуем и, покачивая бедрами, пошла к каталке с напитками. Мак направился в бельевую и осмотрел водопроводные трубы. Он вспомнил, что у входа в дом видел шланг для полива газонов, и, вернувшись к черному ходу, прихватил с улицы длинную резиновую кишку. Один конец ее Болан надел на кран холодной воды, другой пережал, затем открыл кран до отказа и, выходя через кухню, потянул шланг за собой в салон.

Возле самой двери Мак нащупал на стене реостат и включил свет на полную яркость. Послышались недовольные возгласы, потом кто-то воскликнул:

– Да что там такое творится со светом?!

В салоне находилось человек тридцать, лежавших и сидевших в разных позах. С первого взгляда было трудно определить, где чьи руки, ноги, головы. Шел самый разгар оргии, когда сплошная человеческая обна-

женная масса беспрерывно двигалась, издавая один общий звук, перекрывавший все прочие шумы, сотканный из стонаний и прерывистого, ритмичного женского крика. Наметанный глаз Болана выделил из массы тел симпатичную блондинку, над которой одновременно работали трое мужчин, причем каждого из них господь Бог так щедро наделил всем необходимым для этого, что любой мог без труда и в одиночку вызывать эти стоны наслаждения и восторга.

Кто-то еще грубо выругался по поводу яркого света. Тогда Болан крикнул, пытаясь перекрыть ревущую музыку:

– Всем встать!!

Поднялись и повернулись в его сторону только две-три головы. Мак снял с предохранителя "Кольт-45" и выстрелил в стереоцентр. Музыка оборвалась раньше, чем стих грохот выстрела. Теперь все ошарашенно смотрели на него. Болан отпустил перегнутый конец шланга, и поток холодной воды хлестанул по распаренным голым телам.

Тон криков и проклятий резко изменился: мужчины с руганью шарахались от ледяных струй, а от испуганного визга женщин закладывало уши. Болан, швырнув шланг в салон, вернулся на кухню. Голая красотка со стаканом в руке в привольной позе сидела на столе и сосала виски. Проходя мимо, Болан обнял ее за гладкие плечи, поцеловав в стройную шею, затем порылся

в своей сумке и, вытащив снайперскую медаль, положил девице на красивую, высокую грудь.

* * *

Пошел уже третий час ночи, когда Болан поставил машину за густым кустарником в сотне метров от другого дворца наслаждений, устроенного на окраине города. Мак порылся под чехлом, скрывавшим груз на заднем сиденье, и вытащил три контейнера размером с банку зеленого горошка, сунул их в сумку, висящую на поясе, и направился к дому. Шторы во всех окнах были задернуты, и сквозь них пробивался неяркий свет. Судя по количеству машин на стоянке, сюда в гости съехало немало народу. Подойдя ближе, Болан разобрал звуки музыки и переливы звонкого женского смеха. Он пошел через сад, останавливаясь через каждые десять метров и внимательно прислушиваясь. Во время одной из таких остановок Мак, наконец, различил мужские голоса и тихий смех. Болан осторожно начал приближаться к говорившим и скоро их заметил. В тридцати метрах от дома, спиной к Маку, стояли двое с обрезам в руках, причем вели себя спокойно и непринужденно. Говорил тот, что был пониже ростом:

– Все эти типы походили с ума! Я бы никогда в жизни не выложил столько денег за один вечер.

– А! Для них двести пятьдесят долларов все равно, что для нас с тобой двадцать пять центов, ответил второй, высокий и крупный. Но уж двадцать пять центов я бы не пожалел на такое развлечение.

– Мне казалось, что Лео тоже заедет сюда, – заметил первый, шаря по карманам пиджака.

Он достал сигарету, чиркнул спичкой о приклад своего обреза.

– Я его сегодня не видел, – продолжил он, затянувшись сигаретой, – а ты? Здоровяк тихо рассмеялся:

– Думаю, что он сегодня не приедет. Можешь быть уверен. Они все мочатся в штаны при одном только упоминании о человеке в черном.

– Честно говоря, мне очень хочется сунуть это ружье Лео в задницу. Потаскаешь его, руки прямо отваливаются!

– Ну, так положи его, – требовательно произнес низкий голос позади них. – Но только очень, очень осторожно. И тихо. Малейший шум может оказаться для тебя последним.

Охранники переглянулись. Тот, к кому обратились, наклонился и осторожно положил обрез в траву. Его напарник, не вняв доброму совету, спросил, глядя прямо перед собой:

– Кто вы?

– Вы говорили обо мне две минуты назад, – ответил Болан. Я одеваюсь в черное.

– Кто мне докажет...

Договорить он не успел, потому что рукоять кольца Болана обрушилась на его висок. Охранник, как сноп, рухнул на землю. Черная рука подняла обрез, открыла замок и, нащупав в обоих стволах донца патроны, бросила ружье на землю. Острый кончик ножа прикоснулся к горлу первого, более разумного охранника.

– Я ничего против вас не имею, – произнес Болан. – Но вы расскажете все, что меня интересует, и сможете прожить немного дольше.

Охранник шлепал губами, но с них не слетало ни звука. Наконец, первый испуг прошел, и он попытался заговорить.

– Все, что хотите, – с трудом шевеля непослушными губами, просипел он.

– Сколько всего охраны?

– Еще двое, только двое.

– С ружьями?

– Да. Нам запретили собираться.

Было видно, что он хотел выложить все, что знал.

– Мой пост здесь, а Чарли дежурил за углом, с этой стороны. Чарли – это парень, которого вы оглушили. Мэтт стоит позади дома, а Энди с другой стороны. Еще двое находятся в доме: на втором этаже, в коридоре, и внизу, у входной двери. У них нет ружей, только револьверы.

– Довольно приличная охрана для такого барака.

– Это с тех пор, как вы начали свои рейды, – ответил словоохотливый охранник и не без восхищения добавил:

– Вы их жутко напугали, и они даже увеличили количество охраны.

– А как насчет премии тому, кто прикончит меня?

– Вы даже не поверите! Премия – сто тысяч долларов!

– Тебя это не интересует?

– Меня? – охранник откашлялся, прочищая горло. – Кого? Меня? Вовсе нет! Я не имею к вам никаких претензий, мистер. Скажите... э-э-э... вы меня сейчас проткнете. Я чувствую, что кончик ножа вот-вот...

– А ты не двигайся. Теперь скажи мне...

– Гарри.

– Что?

– Меня зовут Гарри.

– Скажи мне, Гарри, а что находится за тем широким окном, внизу, с этой стороны?

– Э-э... нечто вроде бара, понимаете? Когда раздвигают перегородки, получается большой салон. Сейчас как раз такой случай: они занимаются своим делом.

– Каким делом, Гарри?

– О! Ну, ясно, каким. Трахаются они, оргия...

– А что сверху?

– Комнаты, только комнаты. Есть еще коридор и малая гостиная. В коридоре охранник.

– Что находится с другой стороны нижнего зала?
– Так я же вам сказал! Они могут раздвинуть перегородки, а так, обычно, там две большие комнаты.
– Сколько, по-твоему, там сейчас народу, Гарри?
– Э-э... могу вам сказать точно. Я проверял всех прибывших. Было тридцать Два человека. Точно, тридцать два.

– Девочек нет?

– О-о да, есть девочки! Двадцать пять обычных профессионалок и э-э... приблизительно пятнадцать специалистов.

– Какого рода специалистов?

– Ну, по всяким штучкам, особенно для оргий.

– Понятно. Спасибо, Гарри. Ты был очень любезен. Но учти, если ты мне солгал, я вернусь сюда, чтобы убить тебя.

– Я вас не обманывал, мистер.

– Посмотрим, – поставил точку в беседе Мак Болан и, убрав нож от горла охранника и не давая ему опомниться, нанес резкий короткий удар рукоятью пистолета за ухом. Разговорчивый информатор мешком упал к ногам Болана.

Мак поднял ружье охранника, убедился, что оно заряжено, и подошел вплотную к большому окну. Из сумки на поясе он достал один из контейнеров, бросив его на землю, потом размахнулся и саданул ружьем по окну, одновременно отскакивая назад, чтобы не попасть

под осколки. Огромное стекло разлетелось с ужасным звоном и грохотом. Болан подождал, пока не упали последние осколки, затем, направив ствол ружья сквозь шторы в потолок, нажал сразу на оба спусковых крючка. Двойной оглушительный грохот выстрелов должен был произвести внутри салона впечатление грядущего апокалипсиса. В шторах появилась здоровенная, с арбуз, дырка с тлеющими краями. Болан схватил контейнер и ударом о землю вогнал стержень, торчавший из крышки, внутрь, после чего размахнулся и швырнул банку через образовавшуюся в шторах дыру. Густой черный дым тут же заполнил пространство между окном и шторой. Внутри раздались панические вопли и крики о помощи. Болан вернулся к оглушенным охранникам. Он подобрал ружье второго в тот самый момент, когда из-за угла дома выбежал третий дежурный. Макс скинул руку с ружьем и, почти не целясь, выстрелил. Заряд картечи попал гангстеру прямо в грудь, подбросив его в воздух, как тряпичную куклу. Болан мгновенно обернулся, услышав топот с другой стороны, и выстрелил из второго ствола. Еще живая цель взвыла и упала на землю, прижимая коченеющие руки к тому месту, где раньше был живот. Болан отшвырнул разряженное ружье и выхватил из кобуры свой кольт. С треском распахнулось окно второго этажа, и из него выглянул человек с пистолетом в руке, необдуманно и глупо выставя себя напоказ, словно в тире.

"Кольт-45" Палача, описав восходящую дугу, громыхнул только один раз. Голова гангстера в окне коротко дернулась, и он исчез. Болан бегом направился к входной двери. Он уже огибал угол дома, когда из прихожей выскочил другой мафиози, неловко стреляя на бегу. Мак опустился на колени, и одновременно его палец дважды нажал на курок. Охранник остановился, словно уперся в невидимую стену, и, скрючившись, ткнулся лицом в землю. Болан снова вернулся на ту сторону дома, где начинал свою атаку, и забросил вторую дымовую шашку в открытое окно второго этажа, третью он оставил на траве и под прикрытием густой завесы черного удушливого дыма покинул поле боя.

Подбежав к машине, Мак сунул кольт в кобуру, уселся за руль и, визжа покрышками, развернулся, направившись в Саус Хиллз. Пешки были расставлены для большой игры, и Болан лелеял надежду на то, что в их расстановке противник все же допустил неточность.

Глава 18

– Дьявол! Этот гад снова натворил бед! – воскликнул Пласки, влетая в спальню Серджио. – Лео уже в пути.

– Минуточку, минуточку, – остановил его старик. – Давай поспокойнее.

Глянув на телохранителя, стоявшего у двери, Серджио утвердительно кивнул, отпустив его. Охранник направился в кабинет рядом со спальней и поднял телефонную трубку.

Серджио сел на край кровати, полный достоинства и величия:

– Натан, что все это значит?

– Я вам говорю: Болан снова взялся за свое, – Пласки раздраженно отчеканил каждое слово. – Меньше чем за час он разнес три заведения Лео и убил четырех охранников в Медоуз. Лео уже в дороге и прибудет сюда с Уолтером.

– Отлично! Этого-то мы и ждали, не так ли? – спросил Серджио с мягкой улыбкой.

– Да, но неужели вы останетесь дома? Сидя в кресле?!

– А вам хочется, чтобы я бегал по потолку?

– Серджио! Нужно расставить людей по местам...

– Терри как раз занимается этим, – ответил Сер-

джио, глядя на охранника, вполголоса отдававшего указания по телефону. – А теперь возьмите себя в руки и попытайтесь успокоиться. Пойдите в зал совета и проверьте, все ли на месте. Хорошо?

Пласки нервно мотнул головой:

– Хорошо, Серджио. Я проверю все дважды.

Быстрым шагом он вышел за дверь и, минуя стол охранника, через небольшой коридор попал в просторный зал второго этажа.

За празднично накрытым столом свободных мест не было. Пласки улыбнулся, разглядывая всю картину в целом и восхищаясь тщательно продуманными мельчайшими деталями. Поправив руку одного манекена и пододвинув ближе к другому бутылку вина, он обошел вокруг стола еще раз. Затем, сложив руки за спину, словно метрдотель, Пласки решил глянуть, как повешены новые тонкие шторы, прикрывавшие недавно вставленное широкое панорамное стекло. Пласки медленно обошел весь зал, спрашивая себя, как все это выглядит в темноте через оптический прицел с расстояния 800 метров. Чтобы придать еще больше реализма пластмассовому застолью, Пласки включил электронную систему контроля освещения, отчего тени на стенках и шторах зашевелились, как живые. Вся аппаратура стояла целое состояние, но на какие только расходы не пойдешь ради собственной безопасности! Пласки удовлетворенно хмыкнул, наблюдая, как рука

манекена слегка отвела в сторону штору, затем склонилась вперед голова другого, а торс третьего навис над столом.

Пласки страшно захотелось увидеть всю картину извне. Охваченный охотничьим азартом, он выскочил из зала и, вылетев в патио, обратил свой взор на окна второго этажа. Отлично! Казалось, будто большой совет собрался накануне Рождества или Пасхи. Натан не мог сдержать удовлетворенного вздоха, предвидя горячий прием, подготовленный величайшему подонку века.

* * *

Уолт Сеймур выходил из себя.

– Откуда ты знаешь, что он нападет этой ночью на Саус Хиллз? – растерянно вглядывался он в лицо Таррина, слабо освещенное зеленоватым светом приборной доски.

Таррин улыбнулся, и его зубы блеснули в свете фонарей, освещавших дорогу в Саус Хиллз.

– Полицейские называют это *modus operandi*, – сообщил он. – Болана не интересует наш бизнес на проституции. Он хочет уничтожить нас. Один раз у него это получилось, теперь он думает, что сможет повторить свой фокус. Именно этого мы и ждем. Уолт.

– Меня больше всего интересует, где он скрывался

все это время!

– Очевидно, зализывал раны. Я уверен, что Анжи не промахнулась... – Таррин нахмурился и продолжил:

– Однако, если прикинуть, что он наворотил сегодня, можно сделать вывод, что он не так уж тяжело ранен.

– Я уверен, что он следит за нами, – бормотал Сеймур, не находя себе места. – Он наблюдает за нами из укрытия еще с прошлой ночи. Может быть, даже в бинокль или в оптический прицел, – Сеймура передернуло. – Лео, что вы скажете об оптическом прицеле, ведь вы служили в армии?

– Это отличная штука, – произнес Таррин. – Через нее прекрасно видна женилка мухи на расстоянии полутора тысяч метров.

Сеймур истерично захохотал:

– Женилка мухи! Надо же!

Таррин тоже засмеялся, и напряжение чуть спало.

– Неужели он настолько глуп, чтобы повторить свой налет? – пробормотал Сеймур.

– Возможно, так оно и есть, – подтвердил Таррин, поворачивая на частную дорогу к раскинувшейся на вершине холма вилле Френчи.

* * *

Мак остановился на закрытой бензоправочной

станции и отыскал телефон. На другом конце линии подняли трубку, хотя еще не отзвучал даже первый звонок. Женский голос спросил:

– Да?

– Говорит призрак спальных комнат и мягких диванов, – заявил он.

– Мак! Это ты! С тобой все в порядке?

– Конечно! Однако ночь только началась. Я решил тебе позвонить, чтобы сказать: все идет хорошо. Возможно, я буду занят до утра. Ты рада моему звонку?

Ответ не заставил себя долго ждать:

– Мак, я, наверное, никогда не смогу заснуть без тебя! Я пыталась, но безуспешно!.. Вот сижу сейчас на диване... О Мак, будь осторожен!

– Нет вопросов! – ответил он мягко и добавил: Я... послушай, Вал, вдруг что-нибудь пойдет не так, как хотелось бы. Я забыл тебе сказать о деньгах. Они лежат в небольшом кожаном чемоданчике в шкафу у тебя в прихожей. Если вдруг...

– Я не желаю слышать про эти вонючие деньги! – воскликнула Валентина.

– Не суетись и выслушай меня! Если что-нибудь со мной произойдет, я хочу, чтобы ты сохранила эти деньги. Рассматривай их как наследство. Они принадлежат мне так же, как и любому другому, помни об этом!

– Мак, лучше вернись ко мне! Ты не можешь не вернуться!

– Извини, но я должен был начать этот разговор, – ответил Болан, смутившись. – Кроме того, у меня есть брат... Возможно, и ему понадобятся деньги!

– Мак, я сейчас зареву!

– Не надо! Не волнуйся, все будет хорошо. Я только подумал, что лучше тебя предупредить.

– Мне нужен ты, Мак! – ответила она, рыдая. – Кончай, Мак! Вернись...

– Не усложняй мне жизнь, дорогая, – ответил Болан. – Ты знаешь, что это мой долг.

Валентина, подавив рыдания, но все еще всхлипывая, выдавила из себя:

– Хорошо. Я буду держаться... Так лучше?

– Несомненно! Будь умницей и ложись спать. Я хочу, чтобы к моему возвращению ты не потеряла формы!

– Я постараюсь.

– Я тебя люблю, Вал.

– А я с ума схожу от любви к тебе, Мак.

– Это очень хорошо... Тогда за работу! Держись мо-
лодцом!

– Обещаю. Будь осторожен, Мак... И еще...

– Что?

– Меня не интересует, кого или сколько человек ты убьешь... Только вернись...

– Вернусь, – расхохотался он в трубку.

Как странно устроен мир, думал Мак, разглядывая черный телефонный аппарат. Именно тогда, когда его

жизнь подвергалась опасности, у него появилось больше всего оснований жить. Он вздохнул, вешая трубку:

– Я вернусь, Вал... И послал в трубку воздушный поцелуй.

* * *

Полусонный лейтенант Уотерби сгреб в кучу термос с кофе, сэндвичи и побрел в гараж, сопровождаемый своим молодым напарником Джоном Паппа.

– Все о'кей, Джонни, – устало заявил детектив. – Если наши сведения верны, то сегодняшний вечер проведем спокойно.

– Если не ошибаюсь, сэр, вы говорили, что Болан за ночь разгромил три борделя мафии? – спросил Паппа с радостной улыбкой на лице.

– Да. Только ты не слишком торжествуй. Потому что мы выйдем полными идиотами, малыш!

Они вошли в лифт и замолчали. Внизу, на рампе, ревели моторы полудюжины патрульных машин, но Паппа безошибочно нашел свою и, садясь за руль, протянул руку, пытаясь помочь Уотерби избавиться от многочисленных пакетов с едой.

– Неужели вы съедите все за ночь? – спросил он.

– На двоих это немного, – ответил лейтенант. – К тому же эта ночь не покажется короткой.

Уотерби устроился поудобнее в своем кресле, кивнул головой, и машина скатилась с рампы.

– Сколько групп сейчас в городе? – спросил Паппа.

– Двенадцать машин на местах, восемь под моим прямым командованием и еще четыре в запасе. Шериф действует с нами заодно. Он обещал как минимум десять человек в долине. Я полагаю, что на этот раз мы окружим Болана. Если он придет, а я думаю, что так оно и случится, ему не удастся улизнуть. Разве что...

Уотерби задумчиво почесал щеку и улыбнулся сержанту:

– Разве что он и в самом деле привидение, как о нем пишут в газетах.

Машина выехала на автомагистраль, сверкая разноцветными огнями, и стала в крайний левый ряд, прибавив газу.

– Я думаю, что мы не слишком торопимся, Джонни, – обеспокоенно произнес Уотерби.

– Как скажете, сэр, – ответил Паппа, поглядывая на шефа. – Мне бы не хотелось пропустить самое главное.

Лейтенант снова почесал щеку и вздохнул:

– "И собрал он их в том месте, которое на еврейском называлось Армагеддон".

– Как? – Паппа снова бросил на Уотерби быстрый взгляд.

– Книга Откровений, – ответил Уотерби. – Эта фраза

кажется мне наиболее подходящей.

Паппа вздрогнул и невольно сгорбился над баранкой.

– Армагеддон, – задумчиво произнес он. – Это что-то вроде ада?

– Нет, – ответил Уотерби, хватаясь за подлокотник. – Предполагается, что это мифическое место, где состоялась последняя битва между силами добра и... черт! Осторожнее!

Паппа рискованно прошмыгнул между двумя трейлерами, напугав лейтенанта.

– Между силами добра и чего? – спросил сержант, пропустив мимо ушей последние слова начальника.

– Между силами добра и зла. Черт побери! Если ты не притормозишь, то наш Армагеддон произойдет здесь, на шоссе! Помедленней, Джонни! Это приказ!

Паппа с сожалением снял ногу с педали газа.

– Я тороплюсь, чтобы успеть вовремя, – ответил он с улыбкой. – Мне бы не хотелось пропустить Армагеддон.

– Я напомню тебе эту фразу чуть позже, – мягко сказал Уотерби.

Глава 19

Болан спрятал машину в зарослях густого кустарника почти на самой вершине холма, откуда отлично просматривалась вся вилла Серджио Френчи, и уже делал пятую ходку от машины к своему "блиндажу". Это местечко, названное им "холмом, казни", оказалось пустынным и спокойным. Четыре дома, расположенные на другом склоне холма и достаточно удаленные от этого позиции, Болан в расчет не принимал. Тем не менее, мотаясь между машиной и укрытием, он услышал в зарослях подозрительные звуки: шорохи и человеческие голоса. Там кто-то чертыхнулся, потом в тридцати метрах от Мака проехал всадник на лошади, которая поскользнулась на крутом склоне, и человек успокоил животное парой негромких ласковых слов.

Болан понимал, что необходимо соблюдать крайнюю осторожность, но требовалось перенести еще довольно много снаряжения, поэтому он продолжал работу, несмотря на явное присутствие противника. Он нашел углубление под скалой, находившейся в тридцати к востоку и в десяти над виллой Френчи. Помимо этого, "холм казни" скрывали ветви растущих поблизости елей. Если раньше Мак рассчитал необходимую траекторию на глаз, теперь же сам удивился точ-

ности своих расчетов, перепроверив исходные данные с помощью артиллерийской буссоли. Он ввел поправку на 530 метров, сверился с таблицей, которую составил специально для своего "Марлина", и решил, что целиться придется сантиметров на двадцать выше будущих жертв, чтобы компенсировать нисходящую траекторию полета пули.

Такие же расчеты Мак сделал и для другого оружия, позаимствованного им на оружейном складе. Следующие четверть часа он потратил на приведение в порядок огневой позиции и подготовку к бою. Покончив с этим, Болан спокойно закурил, прикрывая ладонью яркий огонек сигареты от вражеского глаза.

Покуривая, Мак записывал на страничках маленького блокнота в черном кожаном переплете мысли, приходившие в эту минуту ему в голову. Погасив сигарету, он встал, выгреб из карманов запасные обоймы к пистолету, снял с пояса все, кроме кольта и ножа, и неслышно скользнул в ночь – на разведку.

Уотерби говорил, что семейство ожидает его следующего нападения. А это означает только одно: они подготовили контратаку, но, чтобы оказаться эффективной, она должна носить характер массивный и одновременно индивидуальный.

"Что касается их талантов в области ведения партизанской войны, то Болан не особенно волновался по этому поводу. Он зачернил лицо, и теперь даже небо,

казалось, было на его стороне. Плотные низкие облака делали ночь еще темнее, и если где-то в разрывах облачности ненадолго показывалась луна, то ее тусклый, неверный свет снова тонул в темных косматых тучах.

Болан вышел к небольшой полянке и замер, прижавшись к стволу дерева и вглядываясь во тьму. Вдруг совсем недалеко кто-то беспечно чиркнул спичкой. Вспышка на мгновение высветила руки и лицо человека с карабином на плече, потом спичка погасла, и стало еще темнее. Болан бесшумно поднялся немного вверх по склону и по дуге вновь спустился к ярко мерцавшему огоньку сигареты. Спиной к Маку, чуть сгорбившись, на скале сидел человек. Винчестер стоял рядом, прислоненный к ноге. Болан достал нож, пригнувшись, ощупал перед собой землю и, найдя замшелую ветку, швырнул ее вперед, через голову человека в засаде. Ветка, глухо стукнувшись о ствол дерева, упала в траву. Человек схватил винчестер и настороженно замер, глядя в ту сторону, откуда донесся шум.

– Хэнк, это ты? – тихо позвал он.

И смерть пришла к нему быстро и бесшумно: одной рукой сжав охраннику горло, Болан молниеносно вогнал широкий нож ему между ребер. Тело обмякло, и Мак аккуратно опустил его на землю. В траве продолжал светиться огонек сигареты. Затушив ее, Палач двинулся дальше, продолжая свою операцию уничто-

жения.

Наряды конной полиции где-то внизу подняли ужасный гвалт, что вовсе не беспокоило Болана. Однако он не мог позволить себе игнорировать присутствие вражеских патрулей, поскольку его замысел, войдя в завершающую стадию, значительно ограничит его мобильность. Поэтому, прежде чем перейти к активным действиям, следовало очистить территорию, обеспечив себе надежный тыл. Уши Болана уловили шорох справа, и он двинулся в ту сторону, неслышный и невидимый, как кобра, готовая к смертельному броску.

* * *

Серджио Френчи любил хорошую драчку, что было совершенно очевидно. От возбуждения его глаза блестели, а энтузиазм и уверенность в победе передались остальным мафиози. Здесь, на вилле, собралось все региональное семейство. Если бы кому-нибудь пришла в голову идея устроить перекличку, то он подумал бы, что присутствует на заседании совета торговой палаты. Здесь были представлены все уровни деловых и коммерческих кругов: банкиры, адвокаты, врачи, бухгалтеры, агенты страховых обществ, два почтенных профессора и, кроме того, игроки, продажные политиканы и гангстеры всех мастей.

Это был "большой совет", объединявший представителей всего региона, и Лео Таррин присутствовал на нем впервые, пораженный количеством собравшихся и их положением в обществе. Лео подошел к Нату Пласки:

– Я не понимаю смысла происходящего. Зачем стоило демаскировать всех в такой опасный момент?

Серджио сам ответил на его вопрос, подняв руки и восстановив тишину.

– Когда в семье возникают проблемы, семья должна объединиться, – начал он. Серджио улыбнулся, окинув взглядом собравшихся:

– И потом... многие из вас никогда еще не заглядывали опасности в лицо. Вы стали тряпками!.. Посмотрите на свои холеные руки и лакированные ногти, сигары по два доллара за штуку... Как вы добились всей этой роскоши, а? Вы наслаждаетесь ею, потому что люди вроде меня, у которых никогда не хватает времени не только на маникюр, но даже на то, чтобы выкурить хорошую сигару, не сидят дома, а в круговороте жизни вырывают у других то добро, которым вы пользуетесь. Ваше благополучие обеспечили другие еще тогда, когда вы находились во чреве матери.

– Речь об истинной ценности вещей, – вполголоса пробурчал Сеймур.

Серджио продолжал:

Вы не понимаете, что это такое – подставлять себя

под вражеские пули, и...

С трудом, так же тихо ответил ему Пласки.

– А может быть, не лишены основания все эти разговоры об Организации, а? Вероятно, мы расслабились и обленились с нашим псевдолегальным бизнесом. Но помните о своих корнях! Не забывайте про "черные" доллары, которые позволяют вам быть сильными.

Широким жестом руки Серджио указал на группу людей, сидевших справа от него.

– Я слышал даже, как кое-кто из вас презрительно, со смехом отзывался об этих парнях. В частности, о Леопольде и его девочках. Но знает ли кто-нибудь из вас, джентльмены, сколько принес в этом году бизнес Леопольда? А? Так вот, все вы и ваши доходы просто смешны по сравнению с этой суммой! Вы слышите меня? Смешны!

Старик указал пальцем на изысканно одетого человека слева от себя:

– Вот ты, Скали. Как ты думаешь, откуда взялись те пять миллионов долларов, что составляют твой страховой резерв, а? С неба?

Серджио, обличительно выставив палец, сурово глянул на бизнесмена от мафии:

– Они пришли из борделя! Да! А как еще, по-вашему, мы поставляем клиентов нашим девочкам? Даром? Или по списку торговой палаты? Я хочу сказать вам одну вещь, и это правда: вы превратились в тряпки! И я...

– Я не помню, чтобы за последние пятнадцать лет он так себя взвинчивал, – прошептал Сеймур.

– Да, хотелось бы, чтобы он немного поостыл, – смущенно пробормотал Таррин, внимательно следя за старым воякой, восседавшим во главе стола. – Держу пари, что в свое время он был парень хоть куда.

– Он пережил все войны, – заметил Сеймур. – Переживет и эту. Какие есть пари на результат?

– Никаких, – буркнул Пласки.

– На стене висит оружие, – продолжал Серджио. – Большинству из вас никогда не представится возможность воспользоваться им, но тем не менее вам придется взять его, когда вы пойдете через эту дверь. Открыто не шляйтесь где попало и постарайтесь не делать глупостей. Мы оборудовали зал совета так, что со стороны кажется, будто идет заседание и там полно народу. Чтоб никто не показывался, пока он не откроет огонь, а после этого стреляйте только тогда, когда увидите, во что целитесь. Во имя Господа нашего, только не поубивайте друг друга. Теперь о другом...

Серджио говорил еще минут пять, потом всех отпустил. Расходились группами по трое или четверо, обмениваясь мнением об оружии, висевшем на стене. Таррин задержался и шел позади всех, надеясь выбрать момент переговорить с Серджио. Пласки и Сеймур присоединились к выходящей толпе; Сеймур через плечо оглянулся, разыскивая взглядом Таррина,

но, не увидев его, ушел один.

Серджио взял Таррина под руку и произнес:

– Словно вернулись старые добрые времена, Леопольд. Я хотел бы, чтобы твой дядя Агосто находился сейчас с нами. Что ты скажешь?

– Было бы здорово, – улыбнулся Таррин. – Но я думаю о том холме, что прямо напротив дома. Там есть наши люди?

Старик рассмеялся и ответил:

– Ты хороший солдат, Леопольд. И неплохой мафиози. Ну, ладно. Иди туда и в одиночку сразись с этим Боланом, я думаю, что ты способен на это.

Таррин не был уверен, что старик не насмехается над ним, но принял его слова за официальное разрешение. Оставив Серджио в комнате одного, Лео, перебежав через ступеньки, промчался по лестнице, выбежал на стоянку и, вскочив в свою машину, выехал за ворота.

– Куда это бросился Лео? – спросил кто-то, глядя вслед исчезающим за поворотом огням машины.

Стоя у стены со сложенными на груди руками, Серджио с улыбкой ответил:

– Он отправился в логово льва прежде, чем тот сам придет туда. Чуть помолчав, он тихо добавил:

– Во всяком случае, я на это надеюсь.

В динамике приемника раздался треск, потом чей-то голос доложил:

– Из ворот виллы Френчи на большой скорости выехала машина.

Уотерби взял микрофон и приказал:

– Пусть едет. И чтобы никто не двигался, пока я не отдам команды!

– А что там, по-вашему, происходит? – с любопытством спросил Паппа.

– Много чего, – отозвался Уотерби. – Я бы дорого дал за право сходить туда и повидать кое-какие лица. Там, думаю, немало интересных людей.

– Как вы считаете, откуда Болан начнет атаку?

– Хороший вопрос! Это примерно все равно что попытаться угадать действия центрального нападающего после подачи. Сказать по правде, я не завидую этим господам из мафии. Они должны сидеть тихонько, как мыши, ожидая, пока Болан не сделает своего первого хода, чтобы знать, что предпринимать и как реагировать. С этим Боланом чувствуешь себя так, словно ты накануне ядерной катастрофы.

Паппа довольно улыбнулся:

– Это новая роль для мафии, правда? Они поменя-

лись местами.

– Да. Который час?

– 3 часа 40 минут.

– Вот видишь! Я же тебе говорил, что ночь будет длинной. Хочешь сэндвич?

Паппа энергично закрутил головой:

– Я сейчас не способен проглотить даже маслину.

– Нервничаешь?

– Скорее всего. Раньше мне уже приходилось участвовать в нескольких операциях, но в такой...

Паппа, устроившись поудобнее, закурил сигарету.

– Но на этот раз ты оказался заодно не с теми, кто на вилле. Паппа промолчал.

– Я прав? – спросил Уотерби.

– О! Дьявол! Да. Я восхищаюсь этим парнем.

– Я тоже, Джонни, я тоже. Не стесняйся этого. Единственное, на что я надеюсь, так это на то, что он не станет прорываться через полицейские кордоны со стрельбой, и все.

– Именно этого и я боюсь! – со смехом заявил Паппа.

– Нельзя позволять чувствам брать над собой верх, Джонни.

– О! Я знаю.

– Сентиментальный полицейский – это мертвый полицейский.

– Знаю.

– Слушай мой приказ: стрелять на поражение.

– Я знаю об этом тоже!

– Только не забудь, – произнес Уотерби с горькой улыбкой.

Глава 20

Мак Болан, в последний раз проверив все свое имущество, в том числе вооружение, мысленно повторил последовательность выполнения операции. Он снова прильнул к дальномеру, чтобы еще раз изучить диспозицию в лагере противника. Вот уже тридцать минут в большом зале виллы сидели люди, не вставая и совершая одни и те же жесты, отчего на шторах, затягивавших широкие окна, плясали повторяющиеся тени. Они либо молились, либо отправляли какой-то ритуал, либо...

Не отрываясь от объектива, Мак поддернул рукав, нащупал часы и, положив палец на кнопку секундомера, приступил к хронометражу.

Раз – тип во главе стола поднимает руку, а другой нагибается вперед – три секунды... кто-то проходит в глубине зала пять секунд... еще один силуэт идет в обратном направлении...

Болан внимательно следил за происходящим в зале, за каждым движением сидевших за столом людей в течение пяти минут, потом улыбнулся и, отвернувшись от дальномера, занялся своими делами. "Неплохо, – признал он, – совсем неплохо, но вот где же они на самом деле?" Свет на вилле горел не везде, только на

первом этаже, и то в двух-трех окнах.

И еще Болан видел часть автостоянки, поэтому машина, вихрем рванувшаяся с места, не осталась им не замеченной; Он проследил за ней в оптический прицел. Огнем фар резануло по глазам, и машина исчезла за поворотом дороги. Сначала это заинтересовало Мака, но ненадолго. Больше всего его внимание привлекал дом. На крыше никого не было видно, ее линия просто растворялась в темноте ночи.

Болан стал смотреть ниже, у самой линии земли, и заметил силуэт человека в патио. Гангстер стоял, укрывшись в тени, возле невысокой каменной стенки, доходившей ему до пояса, и длинным стволом пистолета почесывал плечо. Кретин. Мак осмотрел всю стену, разыскивая других представителей славного мафиозного воинства. Внезапно распахнулась дверь, и яркий белый свет залил на полсекунды плиты двора, затем дверь захлопнулась. Мак продолжал наблюдать за этим местом, и его терпение было вознаграждено: дверь снова открылась, на сей раз свет не горел, и двое мужчин бегом поднялись по ступенькам, ведущим на верхний уровень виллы. Болан усмехнулся. Они учились, но недостаточно быстро. Как только люди добрались до самого верха здания, он потерял их из виду и перенес внимание на крышу.

Болан взглянул на часы. Все его действия были рассчитаны по минутам, и он решил начинать точно в на-

значенное время. Оставалось еще несколько минут. Вспомнились Валентина, родители, братишка Джонни, которого он видел очень редко, а увидит ли теперь – вообще трудно сказать, Кинди – взбалмошная девчонка, настоящего характера которой он так и не понял.

Минута до часа "Ч". Он обещал Вал вернуться. Напрасное обещание. Обещание, которое он не рассчитывал сдержать. Болан был профессионалом в своем деле и знал, какие опасности подстерегают солдат на тернистых тропах войны; он понимал, что у него почти нет шансов уйти живым с этого холма. Полицейские обложили все отходы, к тому же они, кажется, привезли собак. Если его не прикончит мафия, то это "благородное" дело доведет до конца полиция. Ах, Вал! Такая нежная, ласковая и страстная! Как печально заканчивается то, что так хорошо начинается.

Болан встряхнулся, отгоняя от себя грустные мысли, и присел у длинной трубы, лежавшей возле дальнего номера. В последний раз проверив азимут, он начал отсчет: – Десять, девять, восемь...

Базука громко кашлянула, и снаряд со свистом понесся к холму. Побоище началось.

* * *

– Черт возьми! – вскрикнул Паппа. – Что это? Отку-

да?

– Это же ракета! – взревел Уотерби.

Огненная игла, с головокружительной скоростью прошив ночь, уткнулась в угол виллы. Раздался оглушительный взрыв. Свет везде погас, и только тускло засветились языки пламени, жадно набросившиеся на развороченные обломки. Кто-то страшно кричал в агонии, со всех сторон доносились возбужденные громкие голоса.

Уотерби и Паппа, стоя у ограды владения Френчи, наблюдали за виллой, раскинувшейся в сотне метров от них ниже по склону.

– Откуда она прилетела? – взволнованно спросил Паппа.

– С тех холмов, вон оттуда, – отрезал Уотерби. – Дай мне бинокль!

– Вы полагаете, что нам нужно спуститься туда, чтобы помочь им?

– Ты что, спятил? Они обстреляют нас так же, как Болана. Он к тому же еще не закончил. Можешь мне поверить.

* * *

– Святая Дева Мария! Матерь Божия! – вопил Пласки. – Он нас бомбардирует!

– Заткнись и пригни голову, идиот, – проскрежетал зубами Сеймур. – Это только первый выстрел!

– Выстрел! Выстрел! Ты называешь это выстрелом? Где Серджио? Что он делает?

– Всем оставаться в укрытиях и держать себя в руках! – донесся уверенный голос Серджио с верхнего этажа. – Кто-нибудь видел, откуда был сделан первый выстрел?

Все заговорили почти одновременно, наперебой, один громче другого:

– С неба!

– С южной стороны!

– Со стороны луны! – проскрипел чей-то испуганный голос рядом с Сеймуром.

– Черт! Черт возьми! – закричал Серджио, выходя из себя. – Протрите свои глаза, болваны! Ищите вспышку, следы дыма, что угодно! Но только смотрите в оба!

* * *

Мак Болан заканчивал второй обратный отсчет. Произнеся ноль, он нажал на пусковую клавишу и выстрелил осветительной ракетой. Отложив базуку. Мак взял свой любимый "Марлин" и заглянул в оптику прицела. Через несколько секунд ракета вспыхнула над самой виллой Френчи и, покачиваясь из стороны в сторону,

медленно поплыла к земле, освещая все вокруг, словно карманное солнце. В тот момент, когда вспыхнул ослепительный белый свет, Болан осматривал крышу. В прицеле возникло чье-то изумленное лицо. Болан отреагировал, как всегда, мгновенно. Мощный карабин рывкнул, больно ударив в плечо.

Болан привычно справился с отдачей, не отрывая глаза от телескопического прицела. Он видел, как его жертва упала, прижав руки к животу. Мак ввел поправку в стрельбу: от головы до живота было тридцать-сорок сантиметров. Поведя стволом немного левее, Мак нашел новую цель. Снова палец уверенно потянул курок, и снова удар приклада в плечо. Еще пара градусов влево, и в оптику вплыло новое лицо. Выстрел, удар в плечо, поворот ствола. Выстрел... Прошло не больше пяти секунд. Мак отложил в сторону "Марлин", прикидая к дальномеру, чтобы иметь более широкий сектор обзора. На крыше было полно народу: одни стояли во весь рост, глупо уставившись на горящую в небе "люстру", другие неподвижно лежали, в ужасе закрыв голову руками, кто-то поддерживал мертвое окровавленное тело. Однако большинство пряталось за невысоким парапетом, идущим по всему периметру крыши. Болан понял, что никто не видел, откуда велась стрельба, поэтому никто и не отвечал на его огонь. Он удовлетворенно качнул головой и пробормотал:

– Ну, что? Кто тут из нас любитель?

И снова начал обратный отсчет.

* * *

– На крыше четверо убито и один ранен! – донесся сверху испуганный голос.

– Серджио! Серджио! Что нужно делать?

– Сколько времени горят эти штуки?

– Ложись! Ложись! И смотреть в оба! – кричал Серджио, задыхаясь от волнения. – Пит! Барни! Стреляйте по тем холмам!

Тишину разорвал громкий треск автомата. Потом снова воцарилась тишина: никто не видел, в кого стрелять. Но даже простой факт, что заговорило оружие из их лагеря, ободрил вконец растерявшихся мафиози. Очередная вспышка прорезала темноту.

– Дьявол! Еще одна ракета!

Снаряд разорвался на крыше в тот самый момент, когда погасла осветительная ракета, висевшая над домом. В громоподобном грохоте взрыв смел с крыши людей, черепицу, куски парапета, дождем посыпавшиеся в патио. Раздались крики ужаса, стоны, мольба о помощи. Снова застучал автомат, но его беспомощное твояканье уже никого не могло успокоить. Люди слепо бегали в темноте и, натываясь друг на друга, падали. Приглушенные проклятия, хриплое дыхание и

крики боли окончательно деморализовали необстрелянных "солдат" Серджио. Но это было только начало. Мощные взрывы, последовавшие один за другим с равными интервалами, сотрясали холм, вздымая к небу обломки бетона, горящего дерева, землю, не оставляя камня на камне от некогда шикарной виллы Френчи. Даже автоматы прекратили бесполезное стрекотание. Семья разбежалась, как муравьи из потревоженного муравейника.

* * *

– Он ведет беглый огонь из миномета, – мрачно заявил Уотерби.

– Откуда он выкопал его? – восхищенно спросил Паппа, даже не пытаясь скрыть своего восторга.

– Не все ли равно? Важно то, что он умеет им пользоваться.

Осколок мины, просвистев в нескольких сантиметрах от Паппа, впился в открытую дверцу машины.

– Ложись, – сам себе приказал Паппа и плюхнулся на живот рядом с автомобилем.

– Мне кажется, я засек его, – торжествующе произнес Уотерби. – Возле вершины холма, почти напротив виллы. Выстрелов из миномета не видно, но, если он выстрелит из базуки... Короче, смотри в эту точку...

А взгляд сержанта был направлен в другую сторону. Новая осветительная ракета с шипением повисла в небе, плюясь длинными искрами и заливая горящие развалины и окружающую территорию резким ослепительным светом. Паппа прикрыл глаза рукой.

– Какой парень! – произнес он, млея от благоговейного восторга. – Боже мой, какой парень!

* * *

А этому парню не давали покоя дурные предчувствия. Уж слишком просто все получалось. Враг оказался разбитым и обращенным, в бегство, и ничего, ну абсолютно ничего ему не угрожало. Либо он их полностью переоценил, либо... Болан приложился к прицелу и быстро выпустил пять пуль по машине, пытавшейся скрыться за поворотом дороги. Машину резко бросило в сторону и занесло, она перевернулась сначала на крышу, потом на бок и загорелась. Следовавший за ней лимузин врезался в пылающие обломки и взорвался с оглушительным грохотом. Картина, освещенная мертвенным светом последней "люстры", представляла собой страшное зрелище. Вилла была практически наполовину снесена с лица земли, две стены пока еще стояли в облаке пыли и дыма. Многие машины на стоянке оказались погребенными под обломками. Разбитые

ветровые стекла, сплюснутые и искореженные кузова других свидетельствовали о силе взрывов. Повсюду валялись трупы.

– Они не могли ничего не предусмотреть, – пробурчал Болан. – Несомненно.

Повесив в небе еще одну "люстру", Мак прикинул дальномеру и стал тщательно рассматривать руины, когда наконец различил знакомый звук, который после Вьетнама ему больше не доводилось слышать. Вертолет. Вертолет где-то близко, даже очень близко! Полиция? Либо секретное оружие мафии?

Болан моментально установил запал осветительной ракеты на минимальное время срабатывания, пересчитал азимут небольшого миномета и, не медля ни секунды, выстрелил. Ракета вспыхнула почти сразу, освещая небо высоко над долиной, зажатой между рядами холмов, и крадущийся в темноте вертолет. Он летел так низко, что Мак видел, как пилот прикрыл рукой глаза, защищаясь от яркого света. Рядом с ним виднелась голова еще одного человека. Но ракета высветила также позицию Болана: как только он протянул руку за "Марлином", вертолет вильнул в сторону, растворившись в темноте. Мак по звуку догадался, что пилот заложил крутой вираж, и через пару секунд вертолет снова появился в освещенной зоне. Сверху прогремела пулеметная очередь. Дальномер подбросило и свалило набок точным попаданием пули. Болан, прижи-

мая к плечу свой "Марлин", перекатился на другое место, подавив в себе жгучее желание выстрелить с бедра в эту летающую мельницу. Вертолет исчез. Болан спокойно сел под дерево, прижавшись спиной к толстому стволу, и приготовился к встрече, напряженно вглядываясь в темноту, откуда доносился рокот мотора.

Вертолет возвращался, приближаясь с другой стороны. Болан надежно прижал к плечу приклад "Марлина" и приник к окуляру телескопического прицела, ожидая появления цели. В окуляре, за плексигласом кабины, появилась голова пилота, причем так близко, что Болан видел возбужденные глаза под густыми широкими бровями. Мак нажал на курок. Гулко грохнул выстрел, перекрывая даже рокот двигателя, ствол карабина подбросило, но Болан чуть качнулся назад, корпусом гася мощную отдачу. Глаза пулеметчика в вертолете больше не горели охотничьим азартом. Они уже вообще ничего не видели, как, впрочем, и третий глаз, раскрывшийся у него на лбу. Но даже мертвый, пилот не отпустил гашетку пулемета, продолжавшего свой злобный залиvistый лай.

– Я вижу его! – закричал Паппа. – И они видят его! Эй! Да ведь у них в вертолете пулемет!

– Дай сюда бинокль, – приказал Уотерби.

– Пожалуйста! Черт возьми! Он даже не нужен! Это похоже на репортажи из Вьетнама.

– С одной лишь разницей: мы не во Вьетнаме, ста-

рик, – пробормотал Уотерби.

– О! Во дает! Вы видите его?

Раскатистое "ба-бах!" "Марлина" перекрыло все другие звуки, потом послышались глухие пулеметные хлопки, прерванные быстрой серией из трех выстрелов мощного карабина. Шум винта вертолета изменился, машина потеряла равновесие и сорвалась в штопор, смешно кувыркаясь в ослепительном свете ракеты, которая, казалось, никак не хотела опускаться.

– Боже правый! Я думаю, он их прикончил, – выдохнул Уотерби.

– Еще как! Смотрите, вертолет падает!

– Палач, – произнес Уотерби плоским, бесцветным голосом. – Выжил в Армагеддоне.

* * *

Тем не менее, Мак Болан не сразу согласился бы с заключением лейтенанта Уотерби относительно исхода сражения. Рана на плече открылась снова, и весь бок был залит кровью. Мак проводил взглядом падающий вертолет и, дождавшись взрыва, плюнул в направлении пылающих за деревьями обломков. Он доковылял до своего блиндажа и полез в сумку с аптечкой. На последних минутах боя он подвернул ногу, а сейчас, как назло, услышал сверху в кустах шум чьих-

то шагов. Мак быстро перевязал плечо и укрылся за деревом, оставив "Марлин" там, где только сейчас лежал, надеясь, что "люстра" догорит быстро.

Кто-то спускался по склону, пытаюсь идти быстро и в то же время бесшумно, что было по силам не каждому в этом лесу. Камень размером с теннисный мяч покатился по склону, ударившись о дерево в нескольких шагах от Болана. Секундой позже появился Лео Таррин, задышавшийся от усталости и возбуждения.

– Болан? – позвал он тихим голосом. – Вы здесь, Болан? Болан с сожалением покачал головой.

– Вы так ничему и не научились, Лео, – сказал он, выходя из тени и сжимая в руке "Кольт-45".

– Боже мой! Я так рад, что вы живы! – радостно вскричал Таррин. – Я пытался предупредить вас о вертолете, но не мог найти.

– Бросьте, я никуда отсюда не бегал, – ответил Болан несколько удивленно и презрительно.

Таррин в изнеможении опустил на траву.

– Черт! – выдохнул он. – Нужно бросать курить. Я еле дышу.

– Нужно кончать не только с курением, – двусмысленно ответил Болан.

– Я могу разуться?

Болан чувствовал, что плечо опять начинает жутко жечь.

– Последнее желание? – спросил он нетерпеливо.

– Да, да. Можете считать, что это мое последнее желание. Так я разуюсь?

"Люстра" тускнела, исчезая за верхушками деревьев. Болан подошел к Таррину и опустился на одно колено, по-прежнему держа Лео на мушке.

– Если вы пытаетесь дождаться полной темноты, то ничего не выйдет, – холодно заявил он Таррину.

А тот разулся, оторвал от туфли внутреннюю стельку и, вытащив из-под нее пластиковую карточку, протянул Болану.

– Загляните сначала сюда, – спокойно сказал он.

Болан изучал документ при умирающем свете "люстры", не теряя при этом из виду и своего пленника. Покончив с этим, он рассмеялся и возвратил карточку владельцу:

– Вы так никогда и не узнаете, как близки были к тому, чтобы стать мертвым специальным агентом.

– Я так молил Бога, чтобы этого не произошло, что даже начинаю верить в него.

– А вам не хочется меня арестовать? – поинтересовался Болан.

Он положил руку на повязку, стягивающую большое плечо и плотнее прижал ее к ране. "Кольт-45" по-прежнему угрожающе глядел своим черным зрачком на Лео.

– С этой стороны Скалистых Гор у меня нет никаких полномочий, – ответил с улыбкой Таррин. – Двадцать

три трупа! Славно вы их раскатали, этих поганцев! Там что-нибудь осталось для правосудия?

– Сомневаюсь, – сказал Болан, думая о другом. – Скажите мне, Лео, моя сестричка...

– Здесь я виноват, – произнес Таррин потухшим голосом. – Конечно, это составляло часть моего прикрытия. Я пытался смягчить первые случаи, посылая к ней нормальных людей, но... Что и говорить, у меня за всех этих девчонок вроде вашей сестры все внутри переворачивается. Я уже долгие годы работаю так, сержант. Но существуют вещи поважнее судеб нескольких девчонок. Я надеюсь, что вы поймете меня.

– Понимаю, – выдавал Болан, чувствуя, как к горлу подкатывает горький комок. – Хорошо. А сейчас мотайте наверх и передайте мои наилучшие пожелания вашей супруге. Да! Скажите, Лео, все те потрясающие известия, которые передавал мне Уотерби, ваша работа?

Таррин кивнул:

– И при этом вы все время пытались прикончить меня...

– Могли бы предупредить, – ответил Болан с укором.

– Я сержусь на вас только за одно, сержант, – сказал Таррин, потемнев лицом. – И, наверное, никогда не прощу вам, что вы все рассказали моей жене. Теперь я должен вернуться к беспокоящейся женщине.

– Это самые лучшие женщины, – тихо проговорил

Болан.

Он думал о другой беспокоящейся женщине, и ему не нравилось ощущение крови, текущей по боку.

– Уходите, идите наверх. Мне тоже нужно сматывать удочки.

Таррин обулся, встал и исчез в зарослях. Мак спустился к своему убежищу, чтобы забрать кое-какие вещи, затянул потуже повязку и заковылял вниз, к подножию холмов, образовывавших длинную узкую долину.

Машины мчались по обоим склонам холмов, и Болан знал, что полиция оцепит весь район, чтобы не выпустить из окружения оставшихся в живых участников побоища. Справа заржала лошадь, и в приступе отчаяния, вызванного потерей крови. Мак позвал:

– Сюда! Эй! Сюда!

Он спрятался в зарослях цветущих кустов, вытащив пистолет из кобуры. Долго ждать не пришлось: появился спешенный всадник, ведя лошадь под уздцы. Болан несильным, но точным ударом рукояти кольта оглушил полицейского и, схватив поводья, взобрался на спину лошади, направив ее в долину. Времени в его распоряжении оставалось немного: близился рассвет. И если он хотел еще раз увидеть свою "беспокоящуюся женщину", ему следовало поторопиться. Болан понимал, что не сможет проделать весь путь верхом на лошади. Все, на что он сейчас рассчитывал, – выиграть немного времени и расстояния, если, конечно, удача окажется

на его стороне. Быть может, и на сей раз ему повезет. Он заслужил это, он победил, хотя у победы появился горьковатый привкус: прострелено плечо, распухла лодыжка – достаточно поводов для омерзительного состояния, к тому же Болана охватило чувство страха за жизнь влюбленной женщины, ожидавшей его возвращения с войны.

Глава 21

Первое, что увидел Мак после пробуждения, – это бездонные глаза Валентины.

– О! Ты всегда просыпаешься, когда я на тебя смотрю, – сказала она.

Болан прикрыл глаза.

– Мне все приснилось, спросил он слабым голосом, или это действительно произошло?

Он лежал на свежей белоснежной постели, а плечо туго стягивала новая стерильная повязка.

Валентина наклонилась и поцеловала его, едва касаясь губами колючей щеки.

– Ты потерял сознание у самой двери, – объяснила она. – Что? Совсем ничего не помнишь?

– Я чувствую только страшную слабость, – прошептал Болан.

– Так и должно быть! Это нормально.

Она показала ему газету, лежавшую на коленях:

– Тут написано, что ты убил двадцать три человека и тяжело ранил пятьдесят одного.

– Правда?

– Да. Смотри!

Мак взглянул на газетную полосу, прочитав большой заголовок, набранный жирными черными буквами:

"Казнь мафии состоялась. Приговор привел в исполнение Мак Болан Палач!!!" Он опустил веки и, протянув руку, нащупал узкую ладонь Валентины, такую маленькую и теплую, что у Болана защемило сердце.

– Я думал, что останусь там, Вал, – тихо произнес Мак.

Она вытянулась рядом с ним на постели, не забывая про раненое плечо, и, почти касаясь губами его уха, прошептала:

– Я бы тебе никогда этого не простила.

– Человек сражается за какие-то определенные ценности, а не против них, – сказал он.

Валентина чуть отстранилась и по-новому посмотрела на Болана. Он открыл глаза, и их взгляды встретились.

– В переносном смысле, Вал, это значит, что я безумно люблю тебя.

– Это и есть победа? – спросила Валентина с загадочным огоньком в глазах.

– Единственная победа, которую может одержать мужчина, – ответил Болан. Девушка встала, сбросила с плеч знакомый Маку халат с воланами, и, скользнув под простыню, прижалась к нему горячим молодым телом.

– Я бросаю тебе вызов, хочу, чтобы ты доказал эту победу, – шепнула она, – как только к тебе вернуться силы. Победа всегда так сладка...

Валентина спала, забросив на Болана тонкую руку. Но Маку никак не удавалось заснуть.

Он больно уколол самую могущественную преступную организацию мира. И теперь она собирается с силами, чтобы раздавить наглого комара, осмелившегося укусить ее за лодыжку. Болан не строил себе иллюзий. За одну ночь он превратился в легенду, в лакомый кусок для каждого наемного убийцы страны, в позор для всех мафиози мира.

Болан чувствовал себя как узник, приговоренный к смерти и ожидающий в одиночной камере исполнения приговора. Но он был полон решимости достойно прожить отпущенное ему время, сражаться с мафией до конца, рвать ее поганые потроха, даже когда она проглотит его.

Мак предпринял кое-какие меры, чтобы по возможности максимально обезопасить себя. Он покрасился и отпустил усы. Под этим прикрытием он рассчитывал продержаться до переезда в Калифорнию. Там жил его друг, военный врач, который сделал карьеру, занимаясь пластической хирургией. Он был в неоплатном долгу перед Боланом, спасшим его от смерти в одном из боев в джунглях Вьетнама. В Калифорнии Мак по-

лучит новое лицо и превратится в другого человека. В Питтсфилде же останется братишка-сирота, куча денег и любимая женщина, на хрупкие плечи которой лягут все заботы, тревоги и волнения. Здесь же останется и память о человеке в черном.

Перед мысленным взором Болана время от времени вставал до боли знакомый образ сестры: Кинди, обнаженная, в постели с человеком, пришедшим с улицы. Плачущая Кинди. Мертвая Кинди...

А еще перед ним грозно вздымались врата Ада, и Мак был готов выступить против него. И кое-кому уже следовало начинать готовиться к смерти.